

№ 105.

**ОКТЯБРЬСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
И
РАЗВИТИЕ
ПРАВА**

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

№ 105

ТРУДЫ КАФЕДРЫ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ НАУК

Под редакцией О. П. Гринберга

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАЗВИТИЕ ПРАВА

о
становлении
науки
советского
права
и
социалистической
законности

Эдгар Адамович
МЕЛЬКИСИС

старший преподаватель кафедры
государственно-правовых наук,
кандидат юридических наук.

**СОЗДАНИЕ ПЕРВЫХ
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В ЛАТВИИ
(1917—1919 гг.)**

В марксистско-ленинской теории совершения социалистической революции важное место занимает вопрос о рабочем контроле над производством и распределением.

Еще в период подготовки социалистической революции в России Коммунистическая партия и лично В. И. Ленин разрабатывали вопросы установления и организации такого контроля. Они рассматривали рабочий контроль как средство осуществления экспроприации капиталистов и национализации всей промышленности, как путь ведущий к «рабочему управлению промышленностью в общенациональном масштабе»¹.

В знаменитых «Апрельских тезисах», в статьях: «Политические партии в России и задачи пролетариата» (апрель 1917 г.), «Один из коренных вопросов» (май 1917 г.), «Грозит разруха» (май 1917 г.) и др. В. И. Ленин указывал, что установление рабочего контроля над производством и распределением должно явиться одним из первых революционных мероприятий, которое, наряду с другими мероприятиями, обеспечит переход к социализму².

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., том 37, стр. 140.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., том 31, стр. 115, 303.

На основе анализа исторического опыта Парижской Коммуны и первой русской революции В. И. Ленин пришел к выводу о том, что вопрос об организации учета и контроля является «коренным вопросом для социалистической революции на другой день после свержения буржуазии»³, что контроль является «первым основным шагом, который обязателен для всякого социалистического, рабочего правительства»⁴.

Установление контроля над производством и распределением на Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) было выдвинуто программной задачей партии⁵.

Руководствуясь решениями РСДРП(б) и указаниями В. И. Ленина, большое внимание проблемам контроля уделяла и Социал-демократия Латвии (СДЛ), которая была составной частью партии большевиков. Пятый съезд СДЛ (июль 1917 г.), занимавшийся мобилизацией всех сил рабочего класса и трудового крестьянства Латвии на борьбу за установление диктатуры пролетариата, подчеркнул, что установление рабочего контроля над промышленностью и банками является одним из самых неотложных революционных мероприятий.⁶

При разработке вопросов рабочего контроля V съездом СДЛ было полностью учтено указание В. И. Ленина о том, что рабочий контроль представляет собой важное средство борьбы с хозяйственной разрухой и голодом. «Путь к спасению от катастрофы, — подчеркивал В. И. Ленин в статье «Резолюция об экономических мерах борьбы с разрухой» (июль, 1917 г.) — лежит только в установлении действительно рабочего контроля за производством и распределением продуктов»⁷. В резолюции съезда «О хозяйственном положении и контроле над промышленностью» было записано,

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., том 36, стр. 184.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., том 37, стр. 139.

⁵ См. КПСС в резолюциях и решениях..., Изд. 7-ое, ч. 1, Госполитиздат, 1954, стр. 351.

⁶ См. Октябрьская революция в Латвии, Документы и материалы, Рига, 1957, стр. 192.

⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 195.

что «съезд считает, что вести успешную борьбу с хозяйственной разрухой можно лишь общей энергией всего революционного народа, немедленно прибегнув к революционным средствам и осуществляя контроль над промышленностью как на местах, так и со стороны высшего государственного органа на основе самого широкого демократизма»⁸.

В резолюции «По аграрному вопросу» предусматривалось установление контроля со стороны безземельных в лице их Советов над основными объектами сельскохозяйственного производства, которые после создания Советского правительства подлежали национализации. «Сельскохозяйственные рабочие должны... следить за тем, — записано в резолюции, — чтобы подлежащие национализации земли и их угодья (напр. леса) не были отчуждены или опустошены ни их собственниками, ни посторонними лицами»⁹. Предусматривалось также, что местные общественные учреждения должны будут установить контроль и над мелкими хозяйствами, которые останутся во владении и собственности их прежних хозяев, с тем, чтобы последние выполняли «общие и установленные сельским пролетариатом условия труда и требования общественной жизни»¹⁰.

Важное значение для организации контроля имела намеченная на съезде система контрольных органов. Предусматривалось создание на заводах, фабриках и предприятиях комитетов рабочего контроля, которые в своей деятельности подчинялись бы городским и окружным контрольным комитетам¹¹. Определялись также основные права и обязанности местных контрольных органов. «Фабричные комитеты, — сказано в резолюции «О хозяйственном положении...» — должны контролировать производство на предприятиях, они имеют право просматривать фабричные

⁸ См. Октябрьская революция в Латвии, Документы и материалы, Рига, 1957, стр. 186.

⁹ Там же, стр. 192.

¹⁰ Там же, стр. 193.

¹¹ Октябрьская революция в Латвии, Документы и материалы, Рига, 1957, стр. 186.

и банковские книги и требовать соответствующих объяснений и данных»¹².

Проблемы установления рабочего контроля над производством и распределением разрабатывались и Первым объединенным съездом Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии (июль 1917 года). Перед избранным на съезде Исполнительным комитетом Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии в числе первоочередных задач была поставлена и задача подготовить трудящиеся массы к переходу власти в руки Советов, к осуществлению контроля над производством и распределением. Руководствуясь указаниями V съезда СД Латвии, пролетариат и сельскохозяйственные рабочие, во главе с местными организациями СДЛ, приступили к созданию Советов, к осуществлению через них своей диктатуры, стали, где это было возможно, устанавливать контроль над работой промышленных предприятий и над торговлей. Так, в протоколе чрезвычайного заседания Исполкома Смиленского Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов от 28 октября 1917 года отмечалось, что введен рабочий контроль за распределением товаров¹³.

В этой связи следует отметить, что в опубликованных исследованиях наших историков встречается не совсем точное утверждение о том, что рабочий контроль в Латвии возник лишь в декабре 1917 года¹⁴. Рабочий контроль за работой предприятий, за распределением продуктов возник не после совершения социалистической революции, а в ходе ее осуществления и является условием победы революции. В знаменитой статье «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин подчеркивал, что «главная

¹² Октябрьская революция в Латвии, Документы и материалы, Рига, 1957, стр. 186.

¹³ ЦГАОР Латв. ССР, Ф. Р-629, оп. 1, д. 9, п. п. 25, 26.

¹⁴ См. А. Я. Андриксон, Восстановление и дальнейшее развитие ленинских принципов партийно-государственного контроля в социально-культурных учреждениях Латвийской ССР, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Рига, 1965 г., стр. 6.

трудность пролетарской революции есть осуществление во всенародном масштабе точнейшего и добросовестнейшего учета и контроля, рабочего контроля за производством и распределением продуктов»¹⁵.

Рабочий контроль представляет собой исторически первую форму социалистического контроля и по своему характеру является общественным. По мере установления диктатуры пролетариата он санкционируется и регулируется властью Советов, выражающих государственную волю победившего пролетариата.

В результате победы Октябрьской социалистической революции Советская власть была установлена и в неоккупированной немецкими войсками части Латвии. Совет рабочих, солдат и безземельных депутатов Латвии, как орган представлявший все Советы Латвии и через них — все трудовое население — 8 ноября 1917 года объявил, что он берет всю власть в Латвии в свои руки и избрал новый состав Исполнительного комитета («Исколата»), фактически ставшего первым Советским правительством Латвии.

Придавая исключительное значение рабочему контролю, В. И. Ленин буквально на следующий день после Октябрьского переворота подготовил «Проект положения о рабочем контроле», в котором сформулировал задачи контроля¹⁶. 14 ноября этот ленинский документ был принят ВЦИК. Рабочий контроль впервые вводился законодательным путем.

Руководствуясь «Положением о рабочем контроле», «Исколат» определил основные направления контроля — сохранение промышленности от разрушения, обеспечение проведения национализации, пресечение саботажа капиталистов¹⁷.

Однако рабочий контроль не был достаточно квалифицированным и организованным, чтобы обеспечить действенный контроль во всех сферах социалистиче-

¹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., том 34, стр. 305—306.

¹⁶ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., том 35, стр. 30—31.

¹⁷ См. В. О. Миллер, Развитие Советской государственности в Латвии, Госюриздат, М., 1961, стр. 41.

ского строительства. Он был, как выразился В. И. Ленин, — «хаотическим, раздробленным, кустарным, неполным во всех главнейших отраслях промышленности»¹⁸. Поэтому наряду с рабочим контролем «Исколат» приступил к созданию другого вида социалистического контроля — государственного контроля, осуществляемого как непосредственно Советами, так и созданными ими специальными контрольными органами.

В первые же дни своей деятельности «Исколат», на основании декрета Второго Всероссийского съезда Советов о земле, принял постановление о немедленной конфискации всех имений с их землями¹⁹. Для того, чтобы до проведения конфискации была обеспечена сохранность материальных ценностей имений, «Исколат» 15 ноября принял решение об установлении в имениях контроля Советов безземельных, а где Советы еще не созданы — контроля представителей сельскохозяйственных рабочих имений. В решении указывалось, что «волостные Советы безземельных, и где таковых нет, выборные представители рабочих имений, должны немедленно установить контроль над хозяйством имений и взять на себя ответственность за весь живой и мертвый инвентарь имения, чтобы он не подвергался порче»²⁰, и в полной сохранности поступил в распоряжение Советской власти. 6 декабря 1917 года «Исколат» принял решение об установлении контроля «над Валкской ссудо-сберегательной кассой, Тартусским казначейством и Тартусским банком»²¹.

Проходивший 16—18 декабря 1917 года II съезд Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии одобрил проведенные «Исколатом» мероприятия и в резолюции «По аграрному вопросу», в числе требований, которые Советы должны провести в жизнь, назвал осуществление на местах сельскими

¹⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., том 37, стр. 140.

¹⁹ См. История Латвийской ССР, том III, Изд. АН ЛССР, Рига, 1958, стр. 90.

²⁰ КП Латвии в Октябрьской революции, 1917 год, Документы и материалы, Рига, 1962, стр. 437.

²¹ Там же, стр. 566.

рабочими «контроль за сельским хозяйством (надзор за производством, потреблением и обменом)»²². В принятом на съезде Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии, манифесте «Всем жителям Латвии» о создании Советского правительства Латвии» также обращалось внимание на контроль рабочих и безземельных над промышленным и сельскохозяйственным производством как на одно из средств создания социалистической экономики. «Капиталистические предприятия, — отмечалось в «Манифесте», — которые невозможно сразу передать в ведение народа, подлежат строгому рабочему контролю...»²³.

Основными органами, осуществлявшим контрольные функции, наряду с рабочими контрольными комитетами были Советы рабочих и безземельных депутатов и их исполнительные комитеты. При некоторых отделах Советов депутатов были созданы специальные контрольные органы. Для контроля и надзора над хозяйственной деятельностью конфискованных имений и усадеб аграрный отдел «Исколата» 15 января 1918 года дал указание уездным Советам рабочих и безземельных депутатов создать институт районных агрономов-инструкторов. Агрономам-инструкторам надлежало «контролировать мызные хозяйства и деятельность мызных управлений; контролировать мызные книги и кассу; следить, чтобы Советы безземельных и мызные управления исправно и своевременно представляли статистические сведения...»²⁴ и т. д.

Согласно распоряжению Аграрного отдела «Исколата» от 16 января 1918 г. «О создании при уездных Советах депутатов аграрных отделов и их задачах» при каждом уездном аграрном отделе предусматривалась специальная комиссия контроля, задача которой — «контролировать, а также наблюдать за деятельностью мызных правлений, районных инструкторо-

²² Октябрьская революция в Латвии, Документы и материалы, Рига, 1957, стр. 301.

²³ Там же, стр. 305.

²⁴ Октябрьская революция в Латвии, Документы и материалы, Рига, 1957, стр. 382.

ров, а также волостных Советов безземельных по аграрным делам...²⁵ Контрольные мероприятия этой комиссии проводилась как по собственной инициативе, так и распоряжениям уездного Совета депутатов или «Исколата»²⁶.

В соответствии с постановлением Продовольственного отдела «Исколата» от 19 января 1918 г. «О введении хлебной монополии и реализации урожая» при продовольственных отделах создавались контрольно-ревизионные комиссии занимавшиеся вопросами выявления, проверки и учета запасов продовольствия, реквизицией излишков и конфискацией скрытых запасов²⁷.

Некоторые местные Советы назначали специальных комиссаров-контролеров в банки для осуществления контроля над финансовыми операциями. Комиссары-контролеры в банках пользовались широкими правами. Так, Исполнительный комитет Валмиерского Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов 22 января 1918 года объявил, что «ни одна денежная операция не должна проводиться без подписи комиссара. За каждую выплату денег или другую операцию, произведенную банком или кассой без подписи комиссара, отвечают всем своим имуществом лица, выдавшие деньги»²⁸.

В силу непродолжительного существования Советской власти в конце 1917 года и в начале 1918 г. на территории Латвии (в феврале 1918 г. немецкие войска оккупировали всю территорию Латвии), Советскому правительству не удалось создать единой системы контрольных органов. Но все же осуществляемый контроль со стороны государства, а также самих рабочих и безземельных имел важное значение как в создании основ социалистической экономики, социалисти-

²⁵ Газета «Ziņotājs», № 8, 16 января 1918 г. Перевод с латышского.

²⁶ Там же.

²⁷ См. Октябрьская революция в Латвии, Документы и материалы, Рига, 1957, стр. 357.

²⁸ См. Октябрьская революция в Латвии, Документы и материалы, Рига, 1957, стр. 367.

ческих общественных отношений, так и в развитии революционной инициативы, творчества народных масс.

После аннулирования в ноябре 1918 года Брестского мирного договора на территории Латвии развернулись открытые вооруженные выступления рабочих и безземельных за изгнание немецких оккупантов, за восстановление Советской власти. Возрастание борьбы выдвинула необходимость создания руководящего центра. По предложению ЦК СДЛ, Рижского, Валкского и других Советов 4 декабря 1918 года был создан такой центр — было образовано Советское правительство. 17 декабря Советское правительство Латвии обнародовало Манифест, в котором провозглашалось восстановление Советской власти. В числе первейших, перечисленных в Манифесте мероприятий Советской власти было установление рабочего контроля над основными средствами производства, торговыми предприятиями, средствами связи и т. д. Установление такого контроля явилось крайне необходимым мероприятием для того, чтобы не позволить буржуазии и ее сторонникам уничтожить или повредить награбленные народные богатства, обеспечить их полную сохранность до национализации.

Установление диктатуры пролетариата и создание Социалистической Советской республики Латвии было законодательно закреплено на I съезде Советов рабочих, безземельных и стрелков объединенной Латвии, проходившем с 13 по 16 января 1919 года в Риге. На съезде была принята первая Конституция Советской Латвии, составной частью которой явилась «Схема организации Советского правительства Латвии», предусматривающая создание квалифицированного, централизованного контрольного органа — Комиссариата Государственного контроля и ревизии, «как контролера всех учреждений, наблюдателя за их деятельностью»²⁹.

Член Советского правительства Латвии Я. Ленцман, выступая на заседании Совета рабочих депутатов

²⁹ Советская Латвия в 1919 году, Документы и материалы, Рига, 1959 г., стр. 227.

Елгавского уезда 31 января 1919 г., указывал, что задача органов государственного контроля состоит не только в том, чтобы осуществлять контроль, но и в том, чтобы всей своей деятельностью доказать трудящимся, что в Советской Латвии нет бесконтрольной деятельности, что все подчиняются строгому контролю³⁰. Кроме того, возглавлявший в то время Советское Правительство Латвии, верный ленинец, видный теоретик государства и права П. И. Стучка рассматривал контроль и как организатора управления, «на котором лежит правильная организация всего аппарата»³¹.

С образованием Комиссариата Государственного контроля было положено начало созданию стройной системы контрольных органов во главе с Комиссариатом Государственного контроля и ревизии Латвийской ССР. В составе самого Комиссариата предусматривалось иметь 16 отраслевых и функциональных отделов. К 15 февраля 1919 года было создано 6 отделов, в том числе отдел промышленности, отдел земледелия и лесного хозяйства, отдел транспорта и др.³²

Принимались меры также к обеспечению коллегиального руководства Комиссариатом госконтроля и ревизии. С этой целью в Комиссариате был создан Совет, состоящий из комиссара (председателя Совета) секретаря, заведующих отделами Комиссариата и юрисконсульта³³.

Местными органами государственного контроля были образованные во всех уездах, а также во многих волостях ревизионные комиссии при соответствующих Исполнительных комитетах³⁴, которые создавались «на основе выборных начал органов правления Советской

³⁰ Газета «Коммунист» Елгавской организации СДЛ, 7 февраля 1919 года.

³¹ П. И. Стучка, Учение о государстве пролетариата и крестьянства и его конституции СССР и РСФСР, М.—Л., 1926, стр. 228.

³² ЦГАОР Латв. ССР, фонд Р-573, оп. 1, д. 1, л. 3.

³³ ЦГАОР Латв. ССР, фонд Р-573, оп. 1, л. 3.

³⁴ Подробнее о структуре ИК и функциях их отделов и комиссий L. Birziņa, Latvijas PSR vietējo padomju attīstība, Latv. PSR ZA izd., Rīga, 1960, 78. lpp.

Латвии» и считались «уездными и волостными отделениями комиссариата Государственного контроля и ревизии»³⁵. Так, при Исполнительном комитете Елгавского уездного Совета рабочих депутатов была образована только одна ревизионная комиссия, состоявшая из 8 работников. Она осуществляла контрольные функции во всех волостях уезда³⁶. В Илукстском уезде имелись ревизионные комиссии (ревизионные отделы) при уездном ИК и при 13 волостных исполнительных комитетах. Каждая волостная ревизионная комиссия состояла из одного волостного ревизора и 2-х членов комиссии³⁷. Основными задачами уездных и волостных комиссий, согласно Инструкции Комиссариата Государственного контроля и ревизии явились: наблюдение за деятельностью всех государственных учреждений и общественных организаций во всех отраслях народного хозяйства, также за полной согласованностью этой деятельности с принципами законности и целесообразности; надзор за точным и неуклонным исполнением всех декретов и распоряжений Правительства³⁸.

Осуществляя возложенные на них задачи, органы государственного контроля в практической работе широко опирались на общественный контроль, на рабочие контрольные комиссии, которые считались «постоянными сотрудниками» органов госконтроля³⁹. Во всей своей работе органы контроля руководствовались указанием В. И. Ленина о том, что массовое вовлечение в дело контроля рабочих и крестьян является залогом его действенности и школой обучения народных масс государственному руководству. КП Латвии и Правительство организовали повсеместный рабочий

³⁵ Распоряжение № 7 Комиссариата Государственного контроля и ревизии, Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, № 9, 4 марта 1919 г.

³⁶ ЦГАОР Латв. ССР, Фонд Р-573, оп. 1, д. 16, л. 1.

³⁷ Там же, листы 7—11.

³⁸ См. Инструкция уездных и волостных ревизионных комиссий, Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, № 27, 24 марта 1919 г.

³⁹ ЦГАОР Латв. ССР, Фонд Р-573, оп. 1, д. 6, л. 8.

контроль, являющийся разновидностью общественного контроля. Рабочий контроль осуществлялся в основном через производственные союзы. В резолюции состоявшегося 1—6 марта 1919 г. VI съезда КП Латвии «О производственных союзах и Советах» указывалось на осуществление контроля над деятельностью производственных предприятий в техническом, хозяйственном и административном отношениях, как на одну из главных задач производственных союзов⁴⁰.

На многих национализированных, а также на некоторых ненационализированных предприятиях согласно Постановлению Совета Производства Советской Латвии от 13 марта 1919 года создавались рабочие контрольные комиссии⁴¹. Контрольные комиссии избирались на общих собраниях членов производственных союзов, работающих на соответствующих предприятиях. Такие контрольные комиссии были созданы, напр., на национализированном Вагоностроительном з-де «Феникс», на Машиностроительном з-де Фердинанда Мейера и Ко, на Мазсалацком шерстельнопрядильне и др.⁴²

Основной задачей созданных рабочих контрольных комиссий являлся «контроль и надзор за деятельностью предприятия и деятельностью его правления, чтобы промышленное предприятие успешно работало в интересах всего социалистического государства»⁴³.

Созданные рабочие контрольные комиссии на ненационализированных предприятиях должны были следить за тем, «чтобы соответствующее предприятие исполняло все декреты Советского правительства»⁴⁴.

⁴⁰ См. Latvijas KP kongresu, konferenču un SK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, I, LVI, Rīgā, 1958, 211. lpp.

⁴¹ См. Постановление Совета Производства о контрольных рабочих комиссиях на промышленных предприятиях. Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, № 25, 21 марта 1919 г.

⁴² ЦГАОР Латв. ССР, Фонд Р-47, оп. 1, д. 14, л. 6.

⁴³ Постановление Совета Производства о контрольных рабочих комиссиях на промышленных предприятиях, Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, № 25, 21 марта 1919 г.

⁴⁴ Там же.

В связи с отменой торговых тайн, контрольные комиссии на частных предприятиях пользовались правом «в любое время собирать и требовать от предпринимателя все необходимые данные и материалы о положении предприятия»⁴⁵. В случаях, когда Контрольная комиссия находила распоряжение предпринимателя или правления неправильным, она должна была сообщить об этом в промышленный Отдел Совета депутатов, так как сама она непосредственно не имела права вмешиваться в хозяйственно-оперативную деятельность предприятия.

Кроме того, на органы государственного контроля была возложена обязанность руководить и направлять деятельность рабочих контрольных комиссий, «упорядочить контроль в государственном хозяйстве»⁴⁶. Для координации контрольной деятельности по всем отраслям производство при Центральном бюро производственных союзов Латвии был создан Центральный контрольный отдел, в состав которого входил и представитель от Комиссариата государственного контроля⁴⁷.

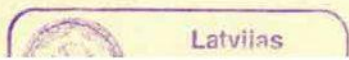
Наряду с функционированием государственного и рабочего контроля, КП Латвии серьезное значение придавала также организации партийного контроля. В принятом на VI съезде КП Латвии «Уставе КП Латвии» отмечалось, что Центральный Комитет партии «руководит и контролирует работу партийных и государственных учреждений»⁴⁸. В резолюции того же съезда «О взаимоотношениях партии и Советского

⁴⁵ См. Постановление Совета Производства о контрольных рабочих комиссиях в промышленных предприятиях. Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, № 25, 21 марта 1919 г.

⁴⁶ Инструкция уездных и волостных ревизионных комиссий, Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, № 27, 24 марта 1918 г.

⁴⁷ См. Постановление Совета Производства о контрольных рабочих комиссиях в промышленных предприятиях, Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, № 25, 21 марта 1919 г.

⁴⁸ Latvijas KP kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, I daļa, LVI, Rīgā, 1958, 205. lpp.

Правительства» указывалось, что «КП Латвии обязывает своих членов быть постоянно на страже интересов диктатуры пролетариата»⁴⁹. Одновременно подчеркивалось, что партия «не представляет никаких преимуществ и привилегии отдельным членам партии...»⁵⁰

Важную роль в осуществлении партийного контроля имели коммунистические фракции, созданные в начале 1919 года при советских учреждениях и предприятиях производства, в которые вошли все работавшие в учреждении или предприятии члены КП Латвии. В Инструкции Рижского комитета КП Латвии от 26 апреля 1919 года «О задачах Коммунистических фракций» предусматривалось, что фракция «следит за проведением в жизнь декретов правительства и решений партийных учреждений; за ходом производства; принимает меры по борьбе с контрреволюцией и т. д.»⁵¹. Одной из задач фракции была борьба с бюрократизмом и волокитой. Эта задача являлась весьма важной потому, что после слома старой государственной машины во вновь созданном советском госаппарате осталась значительная часть старой буржуазной бюрократии. «Наши канцелярии, — писал в то время Председатель Советского правительства Латвии П. И. Стучка, — действительно зачастую напоминают старые: та же бумажная волокита, та же нерасторопность, то же кичливое отношение к посетителю, которого частенько не только называют просителем, но и относятся к нему как к таковому»⁵². Вот почему в Инструкции была записана обязанность «строго следить, чтобы искоренилось лишнее бумагомарание и бюрократизм, а также за конкретным отношением сотрудников учреждения к посетителям»⁵³.

⁴⁹ Latvijas KP kongresu, konferenču un SK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, I daļa, LVI, Rīgā, 1958, 213. lpp.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Советская Латвия в 1919 году, Документы и материалы, том 1, Рига, 1959, стр. 297.

⁵² П. И. Стучка, Советское «чиновничество», в сборнике «За Советскую власть в Латвии», Латгосиздат, Рига, 1964 г., стр. 61.

⁵³ Советская Латвия в 1919 году, Документы и материалы, том 1, Рига, 1958, стр. 298.

Вопросы улучшения госаппарата находились в центре внимания также органов государственного контроля. Даже после падения летом 1919 года Риги, когда Правительство переехало в гор. Резекне, Комиссариат государственного контроля обращал внимание Правительства Латвии «на громоздкие аппараты управления»⁵⁴ и требовал их сокращения.

Основным методом работы органов госконтроля было проведение ревизий и фактических проверок. Так, например, с 25 июня по октябрь 1919 года контролерами Комиссариата госконтроля были проведены 63 ревизии, в том числе в юридических учреждениях — 13, в военных организациях — 8 и т. д.⁵⁵. Этими ревизиями и проверками были установлены факты присвоения и растрат денег и материальных ценностей, незаконного использования конфискованного имущества, факты спекуляций и др. Материалы по 5 ревизиям были переданы в революционные трибуналы. По материалам остальных ревизий и проверок виновные были привлечены к материальной и дисциплинарной ответственности. Принимались также меры по устранению вскрытых недостатков⁵⁶.

Деятельность органов контроля того времени характеризовалась широкой гласностью. В штатах многих ревизионных комиссий, напр., Елгавского, Илукстского, Валмиерского и др. уездов⁵⁷, имелись журналисты для обнародования вскрытых недостатков и мер по их устранению. Распоряжения Комиссариата госконтроля и ревизии и уездных ревизионных комиссий публиковались соответственно в республиканских и местных газетах. На страницах газет рассказывалось также об отдельных проверках, помещались статьи о работе контрольных органов. Так в газете «Циня» 19 апреля 1919 года в статье «Государствен-

⁵⁴ Партархив ЦК КП Латвии, Фонд 83, оп. 1, л. 14.

⁵⁵ Партархив ЦК КП Латвии, Фонд 83, оп. 1, д. 4, л. 72.

⁵⁶ Более подробно о деятельности органов государственного контроля изложено в статье А. Андриксона «Из истории государственного контроля Советской Латвии в 1919 году», Известия Академии наук Латвийской ССР, 1965 г., № 5.

⁵⁷ ЦГАОР Латв. ССР, Фонд Р-573, оп. 1, д. 16, стр. 1—11.

ный контроль» разъяснились массам задачи органов госконтроля. Волостные ревизионные комиссии должны были о результатах своей работы докладывать на общих собраниях трудящихся волости⁵⁸. Все это обеспечивало широкое участие трудящихся в работе контрольных органов.

Таким образом опыт установления и деятельности Советской власти в Латвии подтвердил вывод В. И. Ленина о том, что «первым основным шагом, который обязателен для всякого социалистического рабочего правительства... должен быть рабочий контроль»⁵⁹.

Являясь составной частью борьбы за диктатуру пролетариата, учет и контроль были необходимы не только над мерой труда и потребления, но и как средство борьбы с сопротивлением классовых врагов, как средство вовлечения трудящихся в управление государством и воспитания у рабочих и всех трудящихся нового, социалистического отношения к труду и дисциплине.

⁵⁸ Бюллетень № 13 Валмиерского уездного Совета рабочих, 25 марта 1919 г.

⁵⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37. 139.

Андрис Адамович
ПЛОТНИЕК

аспирант кафедры
государственно-правовых наук.

**РАЗВИТИЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Всемирно-исторический переворот в общественных отношениях, произведенный Великой Октябрьской социалистической революцией, имел своим последствием ликвидацию на $\frac{1}{6}$ части земного шара буржуазного права и создание советского права — первой в мире разновидности социалистического типа права. Вместе с тем это был великий переворот и в понимании права.

В тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» указано: «С вершины пятидесятилетия Октябрьской революции партия, советский народ осмысливают пройденный путь, чтобы еще лучше решать новые задачи»¹. Исключительно велико влияние Октябрьской революции на всех сферах жизни — полвека существования Советского государства знаменуют величественные достижения в области экономического, культурного и политического строительства, в частности в развитии общественных наук на методологической основе марксизма-ленинизма.

В данной статье мы поставили своей целью попытаться уяснить влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие общей теории права, как важнейшей части правовой науки. Следует отметить, что о развитии некоторых отраслей совет-

¹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. — Тезисы ЦК КПСС. Изд-во полит. лит., Москва, 1967 г., стр. 5.

ского права написан ряд работ², но совершенно отсутствуют исследования о развитии общей теории права в СССР.

Сегодня общая теория права в нашей стране, как и вся советская юридическая наука, ушла далеко вперед в своем развитии. Возникает вопрос, есть ли необходимость исследовать начальный период ее развития? Несомненно необходимо.

Для правильного решения актуальных проблем юридической науки необходим исторический подход.

В. И. Ленин считал, что самым важным, чтобы подойти к вопросу общественной науки с научной точки зрения, «это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»³. «Ленинский принцип сочетания преемственности революционного опыта прошлого с творческой постановкой и решением новых проблем» неуклонно соблюдается в теоретической деятельности КПСС.⁴

² См. напр. И. В. Павлов. О развитии советской правовой науки за сорок лет. Советское государство и право, 1957 г., № 11, стр. 30—49; Н. Н. Полянский. Первые страницы советской науки о суде. Известия высших учебных заведений. Правоведение, 1957 г., № 1, стр. 107—111; Л. А. Николаева, Г. И. Петров и В. Д. Сорокин. Развитие учения о предмете науки советского административного права. Сорок лет советского права. Том I. Изд-во Ленинградского у-та, 1957 г., стр. 166—178; Н. И. Авдеенко и М. А. Кабакова. Развитие законодательства и науки гражданского процессуального права. Сорок лет советского права. Том II. Изд-во Ленинградского у-та, 1957 г., стр. 646—658; Н. Я. Куприц. Из истории науки советского государственного права. Вестник Московского университета, 1966 г., № 2, стр. 37—50, № 3, стр. 24—35, № 5, стр. 14—22, 1967 г., № 2, стр. 16—26, № 4, стр. 3—13; Н. Д. Казанцев и В. П. Балезин. Из истории развития науки советского земельного, природоохранительного и колхозного права в Московском университете. Вестник Московского университета, 1967 г., № 1, стр. 23—34.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 39, стр. 67.

⁴ О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве. Постановление ЦК КПСС. — Коммунист, 1967 г., № 13, стр. 4.

Ценные мысли по этому вопросу высказаны в нашей юридической литературе. П. Н. Галанза историзм рассматривает в качестве одного из принципов марксистской методологии. Н. Я. Куприц изучение истории науки считает условием для ее успешного движения вперед.⁵

Все это в полной мере относится и к марксистско-ленинской общей теории права, которая как отрасль юридической науки создавалась в нашей стране небольшой группой марксистски подготовленных теоретиков права путем последовательного применения учения марксизма-ленинизма при изучении права. Именно в первые годы существования Советского государства, при жизни В. И. Ленина, в результате решительной борьбы с буржуазными доктринами права, на основе учения Маркса-Энгельса-Ленина были сформулированы весьма важные теоретические положения, которые лежат в основе марксистско-ленинской общей теории права в настоящее время:

- 1) широкий, всесторонний подход к праву как сложному общественному явлению;
- 2) классовый характер права;
- 3) обусловленность права развитием экономического базиса;
- 4) органическая связь между государством и правом;
- 5) революционная роль социалистического права.

Изучение истории борьбы за проведение в науке этих положений поможет избежать повторения ошибок, к которым относится односторонний, ограниченный подход к праву.

Советское право создавалось путем сознательного применения положений марксистско-ленинской общей теории права и само в свою очередь влияло на развитие теории. Изучение истории этого взаимодействия

⁵ См. Тезисы докладов и научных сообщений на межвузовской теоретической конференции на тему: «Роль права в развитии социалистической экономики и демократии на современном этапе». Изд-во Московского университета, 1966 г., стр. 13; Вестник Московского университета, 1966 г., № 2, стр. 38.

поможет выяснению роли общей теории права в развитии советского права.

Революция права как часть социалистической революции

В. И. Ленин своим трудом «Государство и революция»

обратил внимание марксистов на исследование революционных процессов в отдельных частях надстройки при переходе общества от капитализма к социализму. После Великой Октябрьской социалистической революции для обозначения процессов, происходящих в области права в ходе социалистической революции, в работах П. И. Стучки и целого ряда других советских юристов того периода употребляется термин «революция права».

«Революция права» — не случайный термин, не риторическая дань бурной октябрьской эпохе, а обозначение объективно существующего явления. В. И. Ленин, говоря о строительстве социалистического государства, указал, что «переход к новому строю — процесс чрезвычайно сложный». Революция права является неизбежной спутницей социалистической революции, поскольку ниспровергается не только политическая власть эксплуататоров, но ниспровергается и старое право и создается новое. Говоря о революции права, П. И. Стучка подразумевал под этим коренное преобразование всей правовой надстройки.

Революция права — это уничтожение буржуазно-помещичьих норм права и создание норм нового, пролетарского социалистического права.

Революция права — это слом системы правоотношений, выгодных эксплуататорским классам, создание новой системы правоотношений путем проведения в жизнь программных требований партии, норм нового (советского) права.

Революция права — это также революция в области правосознания: искоренение буржуазного и формирование социалистического правосознания у трудящихся. Буржуазная идеология не отдает без борьбы свои позиции. «Нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, — пишет В. И. Ленин, — надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее —

как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями».⁶

Кроме того, П. И. Стучка употреблял термин — революция права, подразумевая под этим революцию в науке о праве, и вместе с тем в самой важной части науки о праве — в общей теории права⁷ — замену буржуазной теории права откровенно классовым, пролетарским учением о праве, которое основывается на понимании права как возведенной в закон воли господствующего класса, воли, содержание которой определяется материальными условиями жизни господствующего класса.⁸ Эта задача была исключительно трудной, не сразу была создана общая теория советского права, разработка которой в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции проходила в условиях острой идеологической борьбы. В частности, П. И. Стучка еще в 1927 году отметил, что революция права еще почти целиком впереди.⁹ Такое утверждение не было тогда лишено основания.

**Общая теория
советского права —
марксистско-ленинская наука**

Общая теория советского права возникла на базе марксизма-ленинизма.

Впервые научный взгляд на право был разработан К. Марксом и Ф. Энгельсом. В статье К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса» был сделан вывод, что право выражает интересы привилегирован-

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 41, стр. 101.

⁷ Следует отметить, что процессы, происходящие в науке о праве только условно можно называть революцией права, если правом называть правовую науку, что иногда и делается. Наука о праве не является частью права и поэтому употребление выше приведенного термина в конкретном случае создает опасность неверного толкования самого понятия права.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том. 4, стр. 443.

⁹ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 517.

ных классов. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к не менее важному новому выводу: содержание права обуславливается в конечном итоге производственными отношениями. В этой работе была также раскрыта органическая связь между правом и государством, был поставлен и вопрос о содержании и форме в праве. В «Манифесте Коммунистической партии» было дано первое научное определение буржуазного права, которое служит основой для определения права вообще. Вопрос о праве первой фазы коммунистического общества был рассмотрен К. Марксом в «Критике Готской программы». Важные проблемы права решены К. Марксом в предисловии «К критике политической экономии», в «Капитале» и Ф. Энгельсом — в книге «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» и в других произведениях.

Революционный дух учения К. Маркса и Ф. Энгельса был предан забвению оппортунистическими лидерами Второго Интернационала. Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на право были извращены в трудах «юридических социалистов». Поэтому с приближением Великой Октябрьской социалистической революции назрела необходимость прежде всего восстановить и систематически изложить подлинные взгляды основоположников научного коммунизма на государство и право, и развить их применительно к новой исторической обстановке.¹⁰

Вопросы теории права рассмотрены во многих работах В. И. Ленина, в том числе особенно выделяются написанные летом-осенью 1917 года известные труды «Противоречивая позиция», «Государство и революция» и другие. В. И. Ленин не только восстановил учение К. Маркса и Ф. Энгельса о государстве и праве, но и развил и конкретизировал это учение на основе нового революционного опыта рабочего класса. После революции труды В. И. Ленина «Очередные задачи советской власти», «Пролетарская революция и рене-

¹⁰ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 33, стр. VIII.

гат Каутский» и др. являлись руководящими для понимания сущности нового нарождающегося права.

Весьма важным в развитии марксистско-ленинской общей теории права в нашей стране является период с 1917 по 1921 год. Это начало новой исторической эпохи: социалистическая революция — триумфальное шествие советской власти — гражданская война. Путем последовательного проведения в жизнь требования марксизма-ленинизма о сломе старой государственной машины,¹¹ решительного переворота в правовой области родилось государство диктатуры пролетариата и пролетарское право, которые уже с самого начала своего существования показали себя грозным оружием в руках рабочего класса в борьбе за сохранение и упрочение завоеваний Октября. «Если всемирной буржуазии не удалось в течение трех лет при ее громадном военном перевесе сломить слабую и отсталую страну, — писал В. И. Ленин, — то только потому, что эта страна перешла к диктатуре пролетариата».¹²

В этом периоде начинается непосредственное развитие общей теории советского права, которая, правда, еще только формировалась и как цельное учение не существовало.¹³ А. К. Стальгевич так обрисовал тогдашнее положение: «Занятые анализом и объяснением закономерности основных экономических факторов, К. Маркс и Ф. Энгельс не могли обратить «должного внимания на формальную сторону» их. В результате этого образовался известный пробел, к которому, между прочим, относится и теория права. Стройную

¹¹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 33, стр. 37.

¹² Там же, том 42, стр. 312.

¹³ П. И. Стучка следующим образом представлял процесс формирования общей теории советского права: «Мы отмечаем три этапа развития государственно-правовых вопросов: во-первых, работа Ленина «Государство и Революция» — Октябрьская революция; во-вторых, декрет о суде, и лишь начиная с моей «Революционной роли права и т. д.» и работы т. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» идет революция в теории права» (П. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Госуд. юрид. изд-во, Москва, 1931 год, стр. 3—4).

теорию права не могли создать и ближайшие последователи марксизма, основное внимание которых — в философских боях с идеализмом и различными течениями ревизионизма, коренящимися в идейно-политическом багаже II Интернационала, было обращено на вопросы более принципиального значения. Только социалистическая революция, непосредственно поставившая перед лицом пролетариата проблему власти и образования новых государственных и правовых форм, создала необходимые предпосылки для выработки на основе конкретного опыта борьбы и строительства подлинно марксистской теории права и государства».¹⁴

С данной мыслью тогда еще молодого советского ученого-юриста в основном можно согласиться, революционная теория права разрабатывалась путем обобщения революционных процессов в области права и государства.

Социалистическая революция, создав объективные предпосылки для развития марксистско-ленинской науки о праве, в то же время требовала быстреего разоблачения, идейного разгрома буржуазных доктрин права. Буржуазная теория права не сошла со сцены без боя, она имела своих защитников и в условиях новой власти в лице профессуры права, унаследованной от буржуазии. Характерно, что после революции этой профессурой создаются псевдонаучные работы по вопросам советского права, которые сохранились до наших дней как доказательства о былых идеологических сражениях.

**Реакционные идеологические
позиции буржуазной теории
права в период процесса
социалистической революции**

Что же собой представляли буржуазные юристы, которые писали о советском праве, каковы истоки их взглядов?

После Великой Октябрьской социалистической революции часть представителей дореволюционных юри-

¹⁴ А. К. Стальгевич. Пути развития советской правовой мысли. Изд-во КА, Москва, 1928 г., стр. 7.

стов, как, например, бывший приват-доцент Петроградского университета А. Г. Гойхбарг, откровенно стали на сторону советской власти, принимали участие в разработке практических и теоретических проблем советского права и этим несомненно сыграли положительную роль, но в то же время и часто допускали эклектическое соединение марксизма с буржуазными теориями права.

Подавляющее большинство представителей старой профессуры остались верными слугами класса буржуазии. Их работы издавались на территории, оккупированной иностранными интервентами и белогвардейцами.¹⁵

В первые годы Советской республики иногда издавались отдельные работы по общей теории права, написанные еще до Великой Октябрьской социалистической революции,¹⁶ а также печатались некоторые новые или переработанные книги буржуазных профессоров и приват-доцентов (Н. Н. Алексеева, Э. Э. Понтовича, П. А. Сорокина, К. М. Тахтарева и др.). Представители старой профессуры под маской «объективного подхода» продолжали протаскивать буржуазные взгляды на право.¹⁷ Право рассматривалось с откоро-

¹⁵ См. напр., В. В. Топор-Рябчинский. Общая теория права. Ростов на Дону, 1918 г.; К. А. Кузнецов. Теория права. Выпуск I—II, Одесса, 1918—1919 г.; Е. Трубецкой. Лекции по энциклопедии права, Одесса, 1919 г.

¹⁶ См. напр., П. И. Новгородцев. Лекции по истории философии права. Издание 4-е, Москва, 1918 г.

¹⁷ Сущность объективного подхода заключалась в последовательном, некритическом изложении содержания буржуазных юридических доктрин. Н. Н. Алексеев, например, с одинаковым восторгом описал учение Штирнера, Виндельбанда, Петражицкого и др. (Проф. Н. Н. Алексеев. Введение в изучение права. Москва, 1918 г., стр. 21—89).

Если ради той же пресловутой «объективности» и говорилось о марксизме, то смысл самого учения преподносился в извращенном виде, т. е. они стремились марксизм объединить с совершенно противоположными учениями, как-то теорией насилия, имя К. Маркса ставилось рядом с именем Штирнера и Ницше. (Проф. Э. Э. Понтович. Философия права. Часть I, Кинешма, 1920 г., стр. 9).

венно идеалистических позиций. Сами «концепции» представляли смесь положений различных буржуазных юридических доктрин.¹⁸

Рассмотрим подробно несколько наиболее характерных работ, опубликованных в рассматриваемый период и нам со всей очевидностью откроется антинаучный характер и реакционность буржуазной общей теории права.

Особую опасность представляла психологическая теория права, которая в России получила широкое распространение.¹⁹ Непосредственно после Октябрьской революции психологическая теория права имела много приверженцев среди профессорско-преподавательского состава. Эту теорию буржуазные профессора пытались использовать для дискредитации советского права и государства. Об этом свидетельствует учебник по общей теории права приват-доцента Петроградского университета и преподавателя Психоневрологического института П. А. Сорокина, в котором на основе учения Л. И. Петражицкого сделана попытка обрисовать весь исторический путь развития права,

¹⁸ В этом отношении весьма характерен Н. Н. Алексеев, который считал, что «право есть особое, обладающее специфическими чертами отношение между людьми», которое «по природе своей всегда является предметом духовным, идеальным». Н. Н. Алексеев, приверженец доктрины естественного права, предлагал свое оригинальное понимание идеи права не только как «познавательной гипотезы», но и как «общей схемы, по которой должен строиться всякий возможный правопорядок». (Проф. Н. Н. Алексеев. Введение в изучение права. Москва, 1918, стр. 151, 181).

Откровенно свое идеалистическое кредо Н. Н. Алексеев провозгласил в предисловии к другой книге, написанной уже в белой эмиграции, где свой труд он характеризовал как «результат некоторого умственного опыта, стремящегося усмотреть и выразуметь внутреннее существо права» (Проф. Н. Н. Алексеев. Основы философии права. Изд-во «Пламя», Прага, 1924 г., стр. 5—6).

¹⁹ Создателем наиболее стройной психологической концепции являлся Л. И. Петражицкий (1867—1931), который до 1918 года был профессором Петроградского университета. (см. Г. Л. Сайдлер. Юридические доктрины империализма. Госуд. изд-во юрид. лит., Москва, 1959 г., стр. 47 и след.).

решить проблему о сущности права, о взаимоотношениях между правом и государством.²⁰

В вопросе о сущности права П. А. Сорокин исходил из тезиса «правовая норма есть, прежде всего, определенное правило поведения, а право — совокупность таких норм». Характерной чертой правовой нормы является то, что она наделяет одно лицо полномочием, а другое обязанностью.²¹ П. А. Сорокин непомерно расширил область права, причисляя к правовым нормам часть религиозных норм, которые считаются данными богом и «регулируют... взаимоотношение не только между людьми, но и божеством».²² Согласно П. А. Сорокину субъектом права может быть и бог, который причисляется им к индивидуальным субъектам права: «Тогда (т. е. в прошлом — А. П.) субъектами права часто выступали воображаемые существа (бог, дьявол, души предков и т. д., которым приписывались те или иные права и с которыми даже заключали сделки, например, сделку продажи души дьяволу, в силу коей дьявол получал после смерти право на душу)».²³ На вопрос — как можно вступать в правоотношение с воображаемыми существами — ответ не дается.

Сводя право к неизвестно откуда появившимся правовым нормам, П. А. Сорокин считал, что нормы, которые являются единственной формой существования права, проявляются в жизни, как в психике в виде

²⁰ Некоторое представление о явно искусственном характере теоретических конструкций автора дает уже перечисление названий глав книги: Что такое право. Реальность права и основные формы его внешнего проявления. Анализ правовой нормы. Неофициальное и официальное право. Учение о законном праве. Происхождение права. Социальные функции права. Закон, суд и власть, как проявление этих функций. Право и основные формы общественной организации. Учение о государстве. Влияние права на общественную жизнь и поведение человека. Правовой прогресс человечества и основные законы развития права.

²¹ Питирим Сорокин. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль, 1919 г., стр. 12—13.

²² Там же, стр. 24.

²³ Там же, стр. 34.

правовых убеждений, так и во множестве поступков человека, как-то речь, символические акты, письменное закрепление правовых норм и др. Отсюда родилась и его концепция об официальном и неофициальном праве.

Что же такое неофициальное право? Это — правовая совесть, убеждения, присущие каждому члену общества. «Содержание правовых норм у членов одного и того же государства или общества далеко не однородно», но, независимо от содержания правовых убеждений, «раз оно обладает признаками правовой нормы, является правовой нормой».²⁴ Официальным правом П. А. Сорокин считал совокупность юридических норм, охраняемых групповой или государственной властью, одинаково обязательных для всех членов общества или государства. Во взаимной борьбе между официальным и неофициальным правом он усматривал источник прогресса человечества. Идеальным является такое состояние, когда официальное и неофициальное право совпадают; если они резко расходятся, вспыхивает революция, которая «удаляет отжившее официальное право и заменяет его новым, соответствующим неофициальным правовым убеждениям общества», необходимым условием революции «является революция правовых убеждений общества.»²⁵

Не разобравшись в вопросе о сущности права, П. А. Сорокин не смог правильно решить и вопрос о возникновении права, объявляя право атрибутом всякого общества. Человек, — говорит он, — общественное животное, а общество связано с известным порядком, взаимоотношения в нем совершаются по известным шаблонам поведения. С течением времени возникает особая правовая психика и «этот-то момент осознания бессознательных шаблонов поведения и превращения их в правовое убеждение, сопровождаемое распределением прав и обязанностей, и должен счи-

²⁴ Питирим Сорокин. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль, 1919 г., стр. 51.

²⁵ Там же, стр. 56—57.

таться за момент возникновения права».²⁶ Правда, П. А. Сорокин писал, что шаблоны поведения установились в результате борьбы, но подлинный характер борьбы, за что и между кем она происходила — он умалчивал. Признавая правом обычаи, регулирующие взаимоотношения людей в первобытном обществе, П. А. Сорокин возникновение писаного права оценивал как процесс закрепления правовых обычаев. То, что на деле являлось правом, возникшим в результате разделения общества на враждебные классы, по П. А. Сорокину было просто определением в письменной форме, какие поступки существующими обычаями дозволены, какие нет. Это писаное право было вызвано усложнением жизни общества, тем, что «многие сильные люди и группы стали притеснять другие классы и других лиц, возводя силу на место права».²⁷

Право, по его мнению, появилось благодаря социальному несовершенству людей. Право дрессирует людей и результатом этой дрессировки «должна быть полная приспособленность человека к общественной жизни». По достижении этого результата право будет упразднено.²⁸

С точки зрения психологической теории права невозможно выяснить подлинный характер взаимоотношений между правом и государством. П. А. Сорокин, рассматривая этот вопрос, попал в заколдованный круг. С одной стороны, чтобы состоялось распределение прав и обязанностей, необходима власть, заставляющая подчиниться праву, а с другой стороны, власть общества и государства создается правом.

Стремясь устранить это противоречие, он дошел до отрицания специфики государства, расценивая его, как одну из форм общежития, не отличающуюся от других. «Государство — читаем у П. А. Сорокина —

²⁶ Питирим Сорокин. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль, 1919 г., стр. 99.

²⁷ Там же, стр. 101.

²⁸ Там же, стр. 235.

представляет организованный союз людей, объединенных единой верховной властью.»²⁹

П. А. Сорокин, восхваляя буржуазное государство, утверждал, что государство лишено классового характера, и только возникновение советского государства оценивал как «разрушение государства и создание государства классового». Он ратовал за укрепление государства, подразумевая под ним буржуазное государство. Государство, — писал он, — не изжито и будет отмирать «по мере правового прогресса человечества».³⁰

Смесь положений кантианства и психологической теории права составляла суть и концепции Э. Э. Понтовича, который право представлял как сугубо непознаваемую кантовскую вещь в себе. «Право, — писал он, — есть нечто, отличное от всего того, что просто во времени происходит».³¹ Выясняя природу права, Э. Э. Понтович считал, что право «существует в нас раньше нашего опыта», что оно «некоторый особый род нашего мышления» и что человек является правовым субъектом «согласно закону нашего мышления».³² Совершенно неясным остался вопрос о юридическом отношении, суть которого, по мнению Э. Э. Понтовича, в том, что «каждый человек есть самоцель в общежитии» и вопрос о правовой норме как о правиле поведения, подчиненном в свою очередь «идее человека, как самоцели».³³ Э. Э. Понтович важнейшие положения теории права истолковал при помощи афоризмов Канта. Положительного ничего его философия не могла дать.

С идеалистических, эклектических философских позиций отдельные проблемы теории права рассматри-

²⁹ Питирим Сорокин. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль, 1919 г., стр. 120.

³⁰ Там же, стр. 136, 205.

³¹ Проф. Э. Э. Понтович. Философия права. Часть I, Кинешма, 1920 г., стр. 9.

³² Там же, стр. 13, 15, 21.

³³ Там же, стр. 24.

вались также в работах по государственному праву, написанных представителями старой профессуры. Хотя свои концепции права они преподносили как результаты объективных исследований, но от уже упомянутых «теорий» они отличались только по форме.

Я. М. Магазинер, декларативно провозгласив классовый характер государства, тут же от этого принципа отступил, заявив, что если государство носит классовый характер, то нет права потому, что «право предполагает интересы, общие для всех классов». Государство — формально «орган всего общества», если оно и охраняет неравномерно и несправедливо различные классы, то это «зависит от сравнительной силы классов, и с правовой точки зрения осуждается», причем осуждение господствующих классов «за... своекорыстие возможно лишь с точки зрения права»³⁴. Я. М. Магазинер отрывал право как от экономического базиса, так и от государства. Он не выяснил, чью волю оно выражает, исходил из принципа формального равенства перед законом, который лицемерно провозглашен в буржуазном обществе. Общий его вывод: право явление надклассовое, о классовом интересе можно говорить лишь в сфере применения права.³⁵ Но факт классовой борьбы в самой острой форме — в форме революции в России был налицо и игнорировать его полностью уже было невозможно. Связь между классовой борьбой и правом Я. М. Магазинер усматривал в регулировании правом классовой борьбы. По его мнению право — это «кодекс социальной дуэли».

Касаясь «классовой борьбы», «социальной борьбы» или «общественной борьбы», он писал, что необходимо

³⁴ Проф. Я. М. Магазинер. Лекции по государственному праву. ПГ, 1919 г., стр. 4—7.

³⁵ П. И. Стучка метко охарактеризовал идеалистические взгляды Я. М. Магазинера по вопросу о сущности права, говоря, что последний правом не признает ни совокупность норм, ни систему правоотношений, «а нечто неуловимое, существующее только в идее». (П. Стучка. Я. М. Магазинер. Общее учение о государстве. — Под знаменем марксизма, Москва, 1922 г., № 9—10, стр. 234).

наметить основные условия и формы этой борьбы — «надо создать кодекс правил социальной дуэли... Этот кодекс есть право».³⁶ Основные положения «Лекций по государственному праву» были воспроизведены Я. М. Магазинером и во втором издании книги под названием «Общее учение о государстве». П. И. Стучка подверг эту книгу и понятие «кодекса правил социальной дуэли» основательной критике. Он указывал, что феодально-поэтическое название не меняет сущности права, что полное равноправие на словах в буржуазном обществе на деле означает — «тюрьма, расстрел, повешение против пролетариев».³⁷

Я. М. Магазинер выступил в защиту идеи бессмертия действующего права. Он утверждал, что Февральская и Октябрьская революции в принципе эту идею признали. «Не право», т. е. революция, может быть источником нового права, но вместе с тем революция может не препятствовать «дальнейшему функционированию старого законного права».³⁸

Конструкцию не-право-право П. И. Стучка разоблачил как искусственную: если встать на классовую точку зрения, такая конструкция отпадает, ибо «победивший класс, отвергая право побежденного класса, возводит в право свои интересы».³⁹

От классовой служебной роли права абстрагировался и В. М. Гессен. Он пытался с объективистских позиций раскрыть взаимосвязь между правом и государством. Государство по В. М. Гессену определяется правом. «Реальная сила, для того, чтобы стать государственной властью, — писал он, — должна преломиться в правовой атмосфере, окружающей государство».⁴⁰

³⁶ Проф. Я. М. Магазинер. Лекции по государственному праву. ПГ, 1919 г., стр. 10.

³⁷ П. Стучка. Я. М. Магазинер. Общее учение о государстве. — Под знаменем марксизма, Москва, 1922 г., № 9—10, стр. 233.

³⁸ Проф. Я. М. Магазинер. Лекции по государственному праву. ПГ, 1919 г., стр. 63.

³⁹ П. Стучка. Я. М. Магазинер. Общее учение о государстве. — Под знаменем марксизма, Москва, 1922 г., № 9—10, стр. 234.

⁴⁰ В. М. Гессен. Основы конституционного права. Изд-ние 2-е. ПГ, 1918 г., стр. 27.

Мелкобуржуазные взгляды на право отразились в различных направлениях анархизма. Правовые явления интересовали анархистов лишь как средство осуществления идеалов анархизма. Представители одного направления — юридического анархизма считали, что взаимоотношения людей можно изменить путем отмены законов. Против этого выступали идеологи другого направления — интериндивидуализма — универсализма, утверждавшие, что отсутствие законов не обеспечивает подлинной свободы. А. Л. Гордин требовал сохранения законов, но, не выяснив служебной роли права в классовом обществе, вообразил, что право соответствует интересам всех членов общества: «Отсутствие законов не говорит о свободе, а о рабстве. Законов нет в семье, не потому, что дети свободны, а потому, что там царит произвол отца, неограниченный, незнающий пределов, произвол. Писанный закон есть первая ступень к обузданию произвола, тирании, есть гарантия от каприза, от ничем необоснованного гнева тирана и наказания». А. Л. Гордин предлагал при переустройстве общества использовать право и создать общество, где человек должен быть «волен как Бог, который по богословским легендам исполняет все законы, писанные им, но он всемогущ».⁴¹

Суммируя вышеизложенное, становится ясно, что разработка советской общей теории права не могла быть поручена буржуазным специалистам — ученым юристам. Коммунистическая партия должна была вступить в самую решительную идеологическую борьбу против антимарксистских взглядов.

**Революционные правовые
принципы первых
нормативных актов
Советской власти**

Буржуазные взгляды на право были раскрыты и оспорены юристами, овладевшими марксистско-

ленинской методологией. Центром исследовательской работы в области права в начальный период Октябрьской революции стал Народный комиссариат юсти-

⁴¹ А. Л. Гордин. От юридического анархизма к фактическому. Москва, 1920 г., стр. 7, 9.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
Исполнительный Комитет
СОВЕТОВ
РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ
ПЕТРОГРАДЪ

217
2

18. Август 1917
№ 9113

Ваше письмо от 17 августа 1917 г. о деле П. И. Стучки, члена ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, получено. В ответ на это письмо от 18 августа 1917 г. сообщено, что П. И. Стучка, член ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, в настоящее время находится в Петрограде и находится в распоряжении Комитета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Министр ВЦИК П. И. Стучка

Секретарь *В. С. Суров*

Удостоверение П. И. Стучки — члена ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов.

ции,⁴² где были сосредоточены марксистски-подготовленные юридические кадры во главе с П. И. Стучкой.⁴³

Наиболее сильным и влиятельным теоретиком-марксистом в НКЮ был П. И. Стучка. Его труды выделялись как по широте охвата проблем, так и по научной обоснованности; в них последовательно проводилась линия марксизма-ленинизма, обосновывалась революционная роль права в проведении социалистической революции.⁴⁴ Оценивая научную деятельность

⁴² В первое время кадры юристов-марксистов в основном были сосредоточены в аппарате СНК и НКЮ. С образованием таких крупных научных центров, как Социалистическая академия общественных наук (25 июня 1918 г.) и Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова (3 июля 1919 г.), организация научно-исследовательской работы в области права была возложена на них.

⁴³ Можно напомнить читателям, что П. И. Стучка, начиная с 1905 года, когда он впервые встретился с В. И. Лениным, поддерживал с В. И. Лениным регулярную связь (*Latvijas Komunistiskās partijas trīsdesmit gadi. Spartaks, 1935. g., 41. lpp.*). Впоследствии П. И. Стучка говорил, что с тех пор, как он знает В. И. Ленина, он всегда был, сколько мог, популяризатором идей Ленина (*Latvijas Komunistiskās Partijas VIII kongress. Protokoli un rezolūcijas. Spartaks, 1931. g. 223.—224. lpp.*).

После Февральской буржуазно-демократической революции П. И. Стучка принимал активное участие в партийной работе. Когда 1 марта состоялось собрание членов РСДРП(б) по вопросу о восстановлении Петроградского комитета РСДРП(б) и был образован Временный Петроградский комитет, П. И. Стучка стал его членом. Позднее он избирался делегатом VI съезда РСДРП(б) и VII Всероссийской конференции РСДРП(б), а также депутатом Петроградского Совета, членом его исполнительного комитета и бюро ИК. В письме Д. Стучки к С. Ратнер от 12 марта 1917 года о П. И. Стучке написано: «Весь горит ярким пламенем; не спит, не ест, работает по 20 часов в сутки; работает в 2 газетах и 3 комитетах». (ПА ЦК КПЛ, ф. 55, картотека). П. И. Стучка являлся членом Демократического Совета и делегатом Совета Российской Республики, где последовательно проводил большевистскую линию. Будучи членом Военно-революционного комитета, П. И. Стучка участвовал в организации и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. См. также Pēteris Stučka laikabiedru atmiņās. Izdevniecība «Liesma», Rīgā, 1965. g.

⁴⁴ Д. И. Курский много писал о народном суде, но за исключением доклада о революционной законности на VI Всероссий-

П. И. Стучки, Г. Я. Клява указывает, что П. И. Стучка ставил перед собой следующие задачи: «Во-первых, по примеру В. И. Ленина (особенно в свете его работы «Государство и революция»), восстановить подлинные взгляды Маркса и Энгельса в вопросах права и разоблачить так называемых «юридических социалистов» (А. Менгера, Г. Радбруха, К. Реннера-Карнера и др.) и иных фальсификаторов марксизма; во-вторых, опираясь на марксистско-ленинские идеи разоблачить буржуазное юридическое мировоззрение, дав принципиальный разбор важнейших буржуазных концепций права; в-третьих, на основе опыта Октябрьской революции, творчески применяя марксистскую мето-

ском чрезвычайном съезде Советов, в течение 1917—1921 годов Д. И. Курским не было написано специальных исследований по вопросам общей теории права. Теоретические проблемы рассматривались только в связи с организацией и деятельностью народных судов. См. статьи Д. И. Курского: Народный суд. (Вестник жизни, 1918 г., № 2); Основы революционного суда. (Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Выпуск I. Изд. НКЮ, Москва, 1918 г.); Заметки о Народном Суде. (Пролетарская революция и право, 1918 г., № 2.); Гарантии правосудия и правосудие без гарантий. (Пролетарская революция и право, 1918 г., № 7.); О едином народном суде. Из практики Народного Суда. (Пролетарская революция и право, 1919 г., № 1(11).); Новое уголовное право. (Пролетарская революция и право, 1919 г., № 2(12) — 4(14).); Народные суды. (Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. Сборник статей. Госуд. изд-во, Москва, 1919 г.); Революционные трибуналы. (Вестник жизни, 1919 г., № 8.); Новое Положение о Народном Суде. (Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Выпуск VII. Изд. НКЮ, Москва, 1920 г.) и др.

Такие видные теоретики права, как Н. В. Крыленко и Е. Б. Пашуканис в рассматриваемом периоде в основном занимались практической работой. Ими были опубликованы лишь отдельные статьи (См. напр. Н. Крыленко. Заметка о суде, обвинительных коллегиях, революционном правотворчестве и адвокатуре. («Известия», 7 июня 1918 г., № 115(379).) и Революционные Трибуналы в практике российской пролетарской революции. (Октябрьский переворот и диктатура пролетариата.) и говорить об их заметном влиянии на развитие общей теории права в рассматриваемый период вряд ли возможно.

дологию, положить начало созданию науки советского права».⁴⁵

Уже в течение 1917—1921 годов П. И. Стучкой была заложена основа для решения этих задач. Нас больше всего будут интересовать труды П. И. Стучки, разработанные в данный период.

Непосредственно после Великой Октябрьской социалистической революции существовала исключительно тесная связь между рождающейся теорией советского права и «революцией права».

В этот период особенно остро встал вопрос о создании новых, социалистических норм права и правильном их проведении в жизнь.

В. И. Ленин в записке в Комиссариат юстиции 15 апреля 1918 года среди других выдвигал задачу «издания Собрания Узаконений и Распоряжений, ... кодификации, ... получения суда более скорого и более беспощадного к буржуазии и к казнокрадам и пр., ... юридической пропаганды в населении, среди рабочих и беднейших крестьян...»⁴⁶ Касаясь проведения в жизнь норм социалистического права, В. И. Ленин требовал дисциплины и соблюдения распоряжений центральной Советской власти, правильного применения декретов.⁴⁷

Практическое строительство тем более успешно, если оно опирается на передовую теорию. Но теория развивается путем обобщения практики: многие теоретические проблемы на первых порах решались в связи с подготовкой и принятием нормативных актов. В. И. Ленин позднее писал: «В свое время были нужны эти декларации, заявления, манифесты, декреты... В свое время эти вещи были необходимы, чтобы народу показать, как и что мы хотим строить, какие но-

⁴⁵ Г. Я. Клява. П. И. Стучка и его теоретическое наследие в правовой науке. — Советское государство и право, 1965 г. № 7, стр. 90—91.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 50, стр. 59.

⁴⁷ Там же, стр. 62—63, 140.

вые и невиданные вещи».⁴⁸ Целый ряд проектов декретов был подготовлен лично В. И. Лениным,⁴⁹ проекты декретов были разработаны А. В. Луначарским⁵⁰, П. И. Стучкой⁵¹ и др.

Основы советского права были заложены первыми декретами II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов: воззванием к «Рабочим, солдатам и крестьянам», Декретом о мире и Декретом о земле. В Декрете об образовании Рабочего и Крестьянского правительства был закреплен такой важнейший принцип советского государственного права, как сотрудничество государственных органов и общественных организаций. В этом декрете было сказано, что комиссии должны обеспечить «проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих».⁵² В Декрете о суде от 22 ноября 1917 года было узаконено революционное правосознание как важнейший источник советского права. Советская федерация, советское гражданство и другие важнейшие институты были закреплены в Конституции РСФСР 1918 года; в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР было дано первое в законодательной практике определение права и притом с марксистских позиций.

В ходе разработки проектов этих законодательных актов, их принятия и проведения в жизнь происходили широкие теоретические дискуссии, что придало этим актам значение поворотных пунктов в процессе развития науки права.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 44, стр. 169.

⁴⁹ См. там же, том 35, стр. 11—31, 106—107, 126, 221—223 и др.

⁵⁰ См. Декреты Советской власти. Том I. Госуд. изд-во полит. лит., Москва, 1957 г., стр. 54—57.

⁵¹ См. Г. Я. Клява. П. И. Стучка и его теоретическое наследие в правовой науке. — Советское государство и право, 1965 г., № 7, стр. 89.

⁵² Декреты Советской власти. Том I. Госуд. изд-во полит. лит., Москва, 1957 г., стр. 20.

Декрет № 1 о суде

Первым нормативным актом, имевшим

важное значение для развития науки советского права, был Декрет о суде от 22 ноября 1917 года, обычно называемый Декретом № 1 о суде. Основные положения этого декрета — о сломе старой юстиции и создании нового — народного суда и революционных трибуналов, об отмене старых законов и о признании в качестве руководящего начала для судов революционного правосознания — были выдвинуты и обоснованы автором проекта декрета П. И. Стучкой в ряде статей. Так же в период между Февральской и Октябрьской революциями П. И. Стучкой были опубликованы статьи, в которых были сформулированы отдельные мысли, впоследствии проведенные в жизнь Декретом № 1 о суде.

24 мая 1917 года в газете «Правда» была опубликована статья «На почве закона или на почве революции?», которую сам П. И. Стучка охарактеризовал как единственную революционную статью по правовым вопросам за весь период буржуазной революции 1917 года.⁵³ В этой статье П. И. Стучка выступил против Временного правительства, которое в революционную эпоху требовало строгой законности, конечно — буржуазной законности, своим политическим острием направленной против революционного пролетариата.

Лозунг строгой законности был популярным среди буржуазных юристов, его защищал также М. А. Рейснер,⁵⁴ считавший себя марксистом. П. И. Стучка, основываясь на знаменитой защитительной речи

⁵³ См. П. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Госуд. юрид. изд-во, Москва, 1931 г., стр. 4.

⁵⁴ См. М. Рейснер. Право и Революция, Петроград, 1917 г., стр. 28.

М. А. Рейснер (1868—1928) — сначала народник, в 1905 г. примкнул к большевикам, после Октябрьской революции — член РКП(б). Работал в Отделе законодательных предположений и кодификации НКЮ, в Наркомпросе и в Военной академии Красной Армии. До революции приват-доцент Петроградского университета, в двадцатых годах — профессор МГУ.

К. Маркса в Кельне 9 февраля 1849 года,⁵⁵ выступил против лозунга законности в период революции, который на деле связан с сохранением самых реакционных норм старого права. П. И. Стучка считал, что «суть революции именно и заключается в «захватном праве»». Высмеивая революционных деятелей, которые запутались в понятии законности, П. И. Стучка выдвинул мысль о необходимости отказаться от применения старых законов: «Мы вслед за Марксом заявляем, что мы должны стоять не на почве законности, а стать на почву революции».⁵⁶

Таким образом в острой классовой и идеологической борьбе родились проблемы революционного понимания права, которых решить заставила сама жизнь, вернее — грядущие исторические события.

В опубликованной 2 августа 1917 года в газете «Циня» статье «В сутолоке империализма», П. И. Стучка коснулся преобразований, которые революция должна произвести в области судебной.⁵⁷ Более детально он остановился на этом вопросе в статье «На полпути», опубликованной в этой же газете 9 августа. Буржуазно-демократическая революция, — писал П. И. Стучка, — остановилась на полпути, нетронутыми остались важнейшие оплоты самодержавия, в том числе и суд. Орудием эксплуататорских классов являются сохраненные Временным правительством царские законы и царские суды «и если сейчас будут судить арестованных революционеров, то судить их будут не только на основании старых законов, их будет судить старый — классовый и личный состав суда».⁵⁸ В статье говорится о необходимости требовать «выборности всех судей».

Разоблачению лицемерности буржуазной законности в России после Февральской революции была по-

⁵⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 6, стр. 254—272.

⁵⁶ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 227.

⁵⁷ П. Стучка. В борьбе за Октябрь. ЛГИ, Рига, 1960 г., стр. 112.

⁵⁸ Там же, стр. 117.

священа также статья П. И. Стучки в «Правде» — ««Революционные» кляузники», написанная в связи с привлечением большевиков после июльских событий к уголовной ответственности по царским законам. П. И. Стучка подверг критике попытки представить буржуазный суд беспристрастным и выдвинул идею создания революционных трибуналов для борьбы с политическими противниками в период революции: «Когда надо избавиться во время революции от противников революции, есть только одно средство — революционный трибунал, который руководствуется только своею политической совестью, а не лицемерною ссылкой на законность».⁵⁹

Уже в первые дни существования Советского государства трудящиеся на местах начали упразднять старые суды. В. И. Ленин, оценивая это движение, писал, что «революционные массы, после 25 октября 1917 г., вступили на верный путь и доказали жизненность революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские, суды еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата».⁶⁰

В середине ноября, когда П. И. Стучка был назначен и. о. Народного комиссара юстиции (15 ноября),

⁵⁹ «Правда» № 1—227, 1917 г., выпуск VI, Москва, 1932 г., стр. 42.

Данное высказывание позволяет судить о подлинных взглядах П. И. Стучки по вопросу о цели создания революционных трибуналов. Если уже в революции буржуазно-демократической П. И. Стучка рассматривал революционные трибуналы как средство, чтобы «избавиться» от противников революции, то еще более необходимо это средство в революции пролетарской. Поэтому неправильным является ничем не обоснованное утверждение П. Г. Мишунина, что П. И. Стучка считал «революционные трибуналы не столько карательными органами, сколько... обличительными, притом органами, возникающими стихийно» и этим допустил «серьезную ошибку» (П. Г. Мишунин. Очерки по истории советского уголовного права 1917—1918. Москва, 1954 г., стр. 29. См. также П. Мишунин. Из истории первого декрета о суде. — Вопросы истории, 1949 г., № 4, стр. 17).

⁶⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 36, стр. 197.

им совместно с М. Ю. Козловским⁶¹ был подготовлен проект декрета о суде.⁶²

Отдельные положения проекта были изложены П. И. Стучкой в статье «Классовый или демократический суд», которую Е. Н. Городецкий справедливо рассматривает как изложение первоначального плана советской политики в области юстиции.⁶³

В упомянутой статье нас могут интересовать в основном три момента.

Во-первых, требование решительного преобразования судебной системы. П. И. Стучка считал, что революция действует очень медленно по отношению к старому суду. «Необходимо, — писал он. — устранить этот аппарат старой власти и немедленно ввести суд на основании выборов, чисто демократических, с правом отозвания выборных судей таким же путем».⁶⁴

⁶¹ М. Ю. Козловский (1876—1927) — деятель польского и русского революционного движения. После Великой Октябрьской социалистической революции являлся председателем Чрезвычайной следственной комиссии в Петрограде, затем член коллегии Наркомюста, председатель Малого Совнаркома.

Как указывает П. Г. Дауге, в первые послереволюционные годы М. Ю. Козловский являлся одним из ближайших сотрудников П. И. Стучки в деле строительства нового суда (См. P. Dauge. P. Stučka's dzīve un darbs. LVI, Rīgā, 1958. g. 510 lpp.).

⁶² См. П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права, ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 284.

⁶³ См. Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. Изд-во «Наука», 1965 г., стр. 327.

Е. Н. Городецкий на том основании, что первоначальный проект декрета «вряд ли... мог отличаться от основных положений» статьи «Народный или демократический суд», предполагает, что существовало три варианта проекта декрета о суде, что первый вариант проекта до нас не дошел и проект, опубликованный в Материалах Народного комиссариата юстиции является более поздним вариантом (См. указ. соч., стр. 328—329). Эта точка зрения представляется необоснованной, учитывая, что П. И. Стучка в 1922 году писал, что «первоначальный проект декрета о суде был найден в бумагах Наркомюста и в 1918 году напечатан в выпуске 2-м «Материалов Народного комиссариата юстиции.»» (См. П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 285).

⁶⁴ П. Стучка. Классовый или демократический суд. — «Правда», 23(10) ноября 1917 г., № 185(116).

Во-вторых, предложение объединить прокурорский надзор и адвокатуру, которые должны «превратиться в единый общественный, также выборный, институт».

В-третьих, отдельные мысли касательно характера правовых норм в будущем. П. И. Стучка считал, что «самое количество дел должно значительно уменьшиться с упрощением законов, ибо всем ведомо, что известные неясности законов, легко устранимые, но не устранявшиеся в течении полувека, создавали очень удобную почву для кляузничества и судебной волокиты».⁶⁵

Сам процесс разработки проекта Декрета № 1 о суде детально исследован Е. Н. Городецким и с его выводами можно согласиться.⁶⁶ Все же спорным остается один вопрос, как раз представляющий наибольший интерес для теории права: как к использованию старых норм права относился П. И. Стучка и как этот вопрос был решен в окончательной редакции декрета о суде.

П. Г. Мишунин без доказательств утверждает, что роль П. И. Стучки в создании Декрета № 1 о суде ограничивалась только работой над первым вариантом проекта, и нарочно пытается противопоставить окончательную редакцию декрета первоначальному варианту; отличие он усматривает, между прочим, в разном их отношении к старым законам. «Первоначальный проект Декрета № 1 о суде полностью отказывался от использования всех старых материальных и процессуальных законов. Советские суды, — утверждает П. Г. Мишунин, — должны были руководствоваться при разрешении уголовных и гражданских дел декретами Совета Народных Комиссаров и ВЦИК». Далее, противопоставляя этому положения окончательной редакции декрета, в которой, по его мнению, вопрос о нормах права был решен правильно, пишет: «Ссылка в декрете на возможность применения но-

⁶⁵ П. Стучка. Классовый или демократический суд. — «Правда», 23 (10) ноября 1917 г., № 185 (116).

⁶⁶ См. Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. Изд-во «Наука», 1965 г., стр. 328—335.

выми судами старых законов в интересах трудящихся явилась творческим применением марксизма в России...»⁶⁷ Е. Н. Городецкий отстаивает совершенно другую точку зрения: «П. И. Стучка не только не был противником использования старых законов, но он конкретно указал, какие из этих законов могут быть использованы»⁶⁸. Это заключение основано на книге

⁶⁷ П. Г. Мишунин. Очерки по истории советского уголовного права 1917—1918. Москва, 1954 г., стр. 25, 27.

Положения, инструкции и другие акты, изданные на местах в отношении суда — в большинстве случаев более или менее точно воспроизводят текст статьи 5 Декрета № 1 о суде (См. Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Народный Суд. Выпуск II. Изд-ие НКЮ, Москва, 1918 г., стр. 60—61, 77, 83—84, 100—101. Выпуск III стр. 44, 77). Но примечательно, что в тех случаях, когда имелись отступления от положений декрета, они выражались в более жестком отношении к старым нормам права: отменялись целые отрасли старого права. «Положением о временных революционных судах Новгородской губернии» из старых норм права допускалось только применение Устава гражданского судопроизводства, а в отношении уголовного права в Положении записано: «Признанного виновным суд приговаривает к наказанию, не ограничивая себя какими-либо существовавшими законоположениями, в качестве же **необязательного** (подч. мною — А. П.) для себя руководства, суд может пользоваться Уложением о наказ. и Уголовным Уложением». (Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Народный Суд. Выпуск II. Изд-ие НКЮ, Москва, 1918 г., стр. 43).

Отрицательная оценка старых норм права вообще была дана в «Наказе Изъюмского Уездного Съезда Мировых Судей Участковым Мировым Судам и Мировому Съезду»: «Все номинально уцелевшие узаконения, заключенные в 16 томах так наз. «Свода Законов Российской Империи», как показывает самое название, не могут претендовать на нормы права, которые признал бы и которым подчинился бы свободный народ, т. к. все они были призваны в подкрепление политического деспотизма и экономической порабощенности народа». (Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Народный Суд. Выпуск II. Изд-ие НКЮ, Москва, 1918 г., стр. 34).

Против преувеличения значения старых законов предостерегают и документальные свидетельства о начале практической деятельности народных судов.

В материалах о первом заседании временного революционного суда Выборгского района Петрограда и протоколах заседаний от 21 (8) ноября 1917 года не встречаются даже упоминания о старых законах. (Исторический архив, 1957 г., № 1, стр. 111—115). И. А. Ушаков на основе изучения материалов

П. И. Стучки «Народный суд в вопросах и ответах», где имеется перечень старых законов, которыми суды могут руководствоваться при рассмотрении гражданских дел.

Е. Н. Городецкий совершенно прав в той части, что он решительно отвергает утверждение о несоответствии взглядов П. И. Стучки и положений Декрета № 1 о суде, но в то же время представляется не совсем удачным его стремление сделать П. И. Стучку защитником старых законов. Суть ошибки П. Г. Мишунина кроется не столько в извращении взглядов П. И. Стучки, сколько в непонимании сути декрета.

Для уяснения подлинного смысла положений декрета по вопросу о нормах старого права, целесообразно этот вопрос рассматривать в связи с понятием революционного правосознания. Правосознание — это осознание классом своего интереса в праве, необходимости правового регулирования тех или иных общественных отношений или отмены такового, а революционное правосознание — это представление борющегося или завоевавшего политическую власть класса о будущих нормах права и правоотношениях, представление, основанное на программных требованиях авангарда этого класса — политической партии. Создавая свое

практической деятельности временного революционного суда Выборгского района констатирует, что этот суд совершенно не использовал законов свергнутых правительств (См. И. А. Ушаков. Создание первого народного суда в Петрограде. — Советское государство и право, 1957 г., № 1, стр. 8). То же подтверждается практикой деятельности народного суда в городе Москва (Пролетарская революция и право, 1918 г., № 2, стр. 23—30). Очень интересным свидетельством является протокол заседания исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Новодеревенского района Петрограда, где прямо говорится, что «настоящие суды судят не по законам, раньше изданным, а по совести» (Исторический архив, 1957 г., № 1, стр. 122). И только в приговорах и решениях сельских народных судов встречаются отдельные ссылки на старые законы (Пролетарская революция и право, 1918 г., № 2, стр. 18—21).

⁶⁸ Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. Изд-во «Наука», 1965 г., стр. 331.

право, в том числе и правовые нормы, класс, ставший господствующим, может санкционировать какую то часть норм права предыдущей общественно-экономической формации. Это наиболее отчетливо проявляется при смене у власти одного эксплуататорского класса другим. Примером может явиться буржуазная революция в Англии, в ходе которой завоевавшая политическую власть буржуазия санкционировала почти все нормы феодального права. Иначе дело обстоит в социалистической революции, здесь происходит коренная ломка всей правовой надстройки. Трудящиеся санкционируют лишь отдельные нормы старого права, которые соответствуют их требованиям и интересам. Этот процесс происходил и в Советском государстве при разработке правовых норм в виде конституций, кодексов и т. д., но это не просто рецепция или «применение старых законов», ибо фактическое содержание и их классовая сущность меняется. Так, например, обстояло дело с общедемократическими конституционными принципами, которые были провозглашены еще в период буржуазных революций, но вплоть до социалистической революции не были осуществлены. Советские конституции не только провозгласили, но и обеспечили на деле их осуществление для трудящихся классов, т. е. для большинства населения.

Если подходить к этому вопросу с точки зрения узконормативного понимания права, то мы дальше «применения старых законов» в оценке явления не сможем пойти. Иначе дело обстоит, если придерживаться марксистского синтетического понимания права. Формулу ст. 5 Декрета № 1 о суде — «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»,⁶⁹ — надо понимать как официальное признание той важной роли, какую революционное правосознание

⁶⁹ «Правда», 6 декабря (23 ноября) 1917 г., № 197(128).

играет в момент взятия политической власти новым классом и непосредственно после него.

Именно с целью раскрытия материального содержания понятия революционного правосознания, по свидетельству П. И. Стучки, В. И. Лениным было сформулировано примечание к ст. 5 Декрета: «Владимир Ильич не любил фраз без конкретного содержания. Его не привлекли ни «революционная совесть», ни «революционное правосознание». Но в то время как другие товарищи старались смягчить в декрете слово о «сжигании старых законов», гениальная мысль Владимира Ильича и тут нашла революционный, да притом вполне конкретный выход: он предложил к статье внести и примечание, что отмененными признаются все законы, противоречащие декретам нового правительства, а также программам — минимум победивших партий с.-д. и с.-р.»⁷⁰

В дальнейшем В. И. Ленин подчеркнул и классовую природу революционного правосознания. В ст. 8 части IV Декрета о суде № 2 читаем: «Судопроизводство, как по гражданским, так и по уголовным делам, происходит по правилам Судебных уставов 1864 г. постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Солдатских и Крестьянск[их] Депут[атов] и Совета Народных Комиссаров, и не противоречат правосознанию трудящихся классов».⁷¹ Термин «правосознание трудящихся классов» принадлежит перу В. И. Ленина. Рассматривая в январе 1918 года проект декрета, он им заменил термин — революционное правосознание.⁷² «Правосознание трудящихся классов» более четкое понятие, чем «революционное правосознание», ибо отражает характер социалистической революции в целом и революции права в частности.

⁷⁰ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 344—345.

⁷¹ Вестник Комиссариата Внутренних Дел, 1918 г., 1 марта (16 февраля), № 7, стр. 5.

⁷² Ленинский сборник. XXI. Партийное издательство, Москва, 1933 г., стр. 217.

Поправки В. И. Ленина к проекту данного декрета свидетельствуют о его взглядах на революционную законность, об его отрицательном отношении к использованию старых законов. Если в первоначальном проекте говорилось, что «в решениях и приговорах должны быть указаны мотивы отклонения Суда от существующих законов», то В. И. Ленин последнюю часть фразы заменил другой — «отмены Судом устарелых или буржуазных узаконений».⁷³ Наконец, в начале 1919 года в процессе разработки проекта Программы РКП(б) В. И. Ленин еще раз вернулся к этому вопросу и, обобщая опыт правового строительства, так оценивал «революцию права»:

«Отменив законы свергнутых правительств, партия дает выбранным советскими избирателями судьям лозунг — осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты его, руководствоваться социалистическим правосознанием, отмечая законы свергнутых правительств».⁷⁴

П. И. Стучка с самого начала работы над проектом Декрета № 1 о суде стоял на ленинских позициях, в чем можно убедиться сравнив тексты проектов. Предписание статьи 6 первоначального проекта — революционным судам руководствоваться «в своих решениях и приговорах не писанными законами свергнутых правительств, а декретами Совета Народных Комиссаров, революционной совестью и революционным правосознанием»,⁷⁵ нужно рассматривать в связи с введением к этому проекту.⁷⁶ Окончательный текст декрета введения не имеет, но идеи, содержащиеся в введении проекта, не были отвергнуты и нашли свое выражение в конкретных статьях декрета.

⁷³ Ленинский сборник. XXI. Партийное издательство, Москва, 1933 г., стр. 217.

⁷⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 38, стр. 115.

⁷⁵ Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Народный Суд. Выпуск II. Изд-ие НКЮ, Москва, 1918 г., стр. 104.

⁷⁶ В введении первого проекта говорилось: «Великая рабочая и крестьянская революция рушит основы старого буржуазного порядка, покоящегося на эксплуатации труда капиталом, и вызывает необходимость коренной ломки старых юридических

Таким образом существенных отличий между первоначальной и окончательной редакциями декрета нет, в обоих случаях отношение к старым законам было отрицательное.

**Разработка проблем
советского права в процессе
проведения в жизнь
Декрета № 1 о суде**

После принятия Советом Народных Комиссаров Декрета № 1 о суде необходимо было организо-

вать его проведение в жизнь, что было нелегкой задачей в условиях отчаянного сопротивления представителей старой юриспруденции. Реализацией декрета очень интересовался В. И. Ленин; в написанной 25 ноября записке в Петроградский комитет РСДРП(б) он запрашивал, «проведена ли... в Петроградском Совете резолюция о судах? и что сделано практического?»⁷⁷

Для реализации декрета необходимо было разъяснить трудящимся его положения, теоретически обосновать их.

Революционная практика поставила вопрос о соотношении права и правовых норм, об их роли в деятельности суда. В ходе социалистической революции старый суд и старая система норм права были сломлены и создан новый — народный суд, который должен был руководствоваться новым правом. Однако новых норм права еще не было или их было мало, но

учреждений и институтов, старых сводов законов, приспособленных к отжившим общественным отношениям и создания новых подлинно-демократических учреждений и законов.

Перед рабочим и крестьянским правительством встает неотложная творческая задача по созданию новых судов и по выработке новых законов, которые должны отразить в себе правосознание народных широких масс.

Но уже в настоящий момент жизнь настоятельно требует уничтожения отжившего судебного, бюрократического и ценового, буржуазного аппарата, и отмены действия сохранившихся донныне силу особенно ненавистных революционному правосознанию законов». (Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Народный Суд. Выпуск II. Изд-ие НКЮ, Москва, 1918 г., стр. 103—104).

⁷⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 50, стр. 9.

это не означало отсутствия права вообще. Во всяком случае налицо была одна из форм советского права — правосознание трудящихся классов или пролетарское правосознание, которое и Декретом № 1 о суде было признано руководящим началом для суда.

По проблеме правосознания разгорелись ожесточенные теоретические споры, в которых столкнулись противоположные мировоззрения — пролетарское и буржуазное. Ссылкой на правосознание в Декрете № 1 о суде особенно пыталась воспользоваться психологическая теория права.

Эта теория видит суть права в психических переживаниях индивида и совершенно игнорирует волю господствующего класса, обусловленную его материальными условиями жизни. Эта чисто субъективно-идеалистическая концепция права.⁷⁸

Психологическая теория права использовалась старой профессурой для борьбы с марксистско-ленинской теорией права. В ее сети попали отдельные представители советской правовой мысли (А. В. Луначарский, М. А. Рейснер, Г. С. Гурвич и др.), которые пытались примирить психологическую концепцию права с марксизмом или считали, что некоторые положения этой школы могут быть использованы марксизмом.

Первая из статей, посвященных Декрету № 1 о суде, была статья А. В. Луначарского — «Революция и суд». В этой статье была сделана попытка показать сущность правосознания, его роль в социалистической революции. А. В. Луначарский считал, что в классовом обществе каждый класс имеет свое правосознание, причем господствующие классы пытаются повлиять на правосознание эксплуатируемых, «стремятся внедрить в сознание народа, будто их судебные

⁷⁸ Л. И. Петражицкий так сформировал основополагающие идеи своего учения: «Право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически», «надлежащим и единственно возможным приемом наблюдения правовых явлений следует признать метод самонаблюдения, интроспективный метод» (Проф. Л. И. Петражицкий. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. Издание III-е, С.-Петербург, 1908 г., стр. 3, 31).

порядки — это сама «Справедливость»». ⁷⁹ В статье дано весьма интересное понятие правосознания революционного класса — «предчувствие новых юридических отношений и форм, находящихся в глубоком соответствии с созданными его революцией новыми хозяйственными условиями жизни». ⁸⁰ А. В. Луначарский не разъяснил, в каком смысле им употребляется слово форма, то ли с целью акцентирования связи между материальными общественными и юридическими отношениями, составляющими форму первых, то ли для обозначения норм права. Несмотря на эту неясность, из этого определения вытекает, что А. В. Луначарский придавал доминирующее значение в правосознании представлениям о правоотношениях. В соответствии с учением марксизма-ленинизма об отличиях между социалистической и буржуазной революциями, А. В. Луначарский констатировал, что буржуазия могла заменить феодальное право римским правом постепенно в феодальном обществе, пролетариат же, напротив, никаких возможностей для правового творчества в буржуазном обществе не имеет. «Революция для того и совершается, чтобы создать новое право, чтобы новому правосознанию масс завоевать возможность стать действительностью». ⁸¹

Данная статья имела положительное значение для популяризации идей декрета. Она была написана доходчиво, эмоционально, образно и в этом отношении должна быть оценена по достоинству. Все же нельзя умалчивать и существенные недостатки статьи. Но сперва о некоторых поверхностных выводах касательно ее содержания в трудах отдельных современных авторов. П. Г. Мишунин утверждает: «Искажение истории декрета № 1 о суде родилось со слов П. И. Стучки, в ряде своих работ утверждавшего, что А. В. Луначарский выступал против проекта декрета о суде и потом внезапно переродился в горячего сторонника нового декрета. Это перерождение П. И. Стучка при-

⁷⁹ «Правда», 1 декабря (18 ноября) 1917 г., № 193 (124).

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

писывал психологической теории права... Такого рода извращения позднее стали даже проникать и в науку».⁸²

Н. Н. Полянский находит, что ссылка А. В. Луначарского на проф. Петражицкого обусловлена стремлением «сделать свою статью более убедительной для буржуазной интеллигенции».⁸³

Статья А. В. Луначарского, как свидетельствует ее содержание, написана под известным влиянием психологической теории права. Это сказывается в утверждении автора, что Декрет № 1 о суде предусматривал замену позитивного права интуитивным правом нового класса. А. В. Луначарский считал, что в обществе налицо позитивное или писанное право и интуитивное право — идеалы новых классов. Обе формы права действуют одновременно при согласии между ними, если же такого нет — позитивное право погибает. Великую Октябрьскую социалистическую революцию он рассматривал как крушение позитивного права.

После революции «это интуитивное право, отражающее собою классовые интересы масс и соответствующее создающемуся новому хозяйственному укладу, может отчетливо сформулироваться лишь в процессе непосредственного правового революционного творчества».⁸⁴ Позднее, возвращаясь к данному вопросу, П. И. Стучка высказал афоризм, что в данном конкретном случае в революции помогла теория контрреволюционного кадетского профессора Петражицкого, а не теория Маркса,⁸⁵ и это было написано еще при

⁸² П. Г. Мишунин. Очерки по истории советского уголовного права 1917—1918. Москва, 1954 г., стр. 41.

⁸³ Н. Н. Полянский. Первые страницы советской науки о суде. — Известия высших учебных заведений. Правоведение, 1957, № 1, стр. 108.

⁸⁴ «Правда», 1 декабря (18 ноября) 1917 г., № 193 (124).

⁸⁵ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 287.

Высказывания П. И. Стучки касательно взглядов А. В. Луначарского не раз получали неверное истолкование. В частности можно указать на интересную работу М. С. Строговича «Основные вопросы советской социалистической законности», где весьма основательно проанализирована деятельность П. И. Стучки по укреплению революционной законности.

жизни А. В. Луначарского. О влиянии некоторых идей психологической теории права на А. В. Луначарского позднее писал и М. А. Рейснер, который утверждал, что это он в беседе с А. В. Луначарским доказал, что революционное право существует, хотя «никакое законодательство его еще не закрепило».⁸⁶

Ставить знак равенства между взглядами А. В. Луначарского и М. А. Рейснера, хотя последний на это напрашивался, мы не можем. Хотя А. В. Луначарский и называет «подлинными учеными» Менгера, Еллинека и Петражицкого, в его статье главное не влияние психологической теории права, а положительные, марксистские выводы.

Если М. А. Рейснер вообще идентифицировал право с правосознанием и на основе этого утверждал, что любой класс в обществе имеет свое право, то А. В. Луначарский понятие права связывал с классовыми интересами господствующего класса. Однако в своих взглядах на право он не был последователен,

В работе М. С. Строгович, ссылаясь на статью П. И. Стучки «Старый и новый суд», утверждает: «П. И. Стучка правильно отвергал возможность для советского права какого-либо заимствования из психологической школы права, однако он ошибочно усматривал некоторое проявление ее влияния в Декрете о суде № 1» (см. М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности. Изд-во «Наука», Москва, 1966 г., стр. 87). Подобная интерпретация высказываний П. И. Стучки является неправильной, так как П. И. Стучка говорил не о действительном влиянии психологической школы права на содержание декрета, а об отражении этого процесса в головах отдельных людей, в том числе конкретно о субъективных представлениях А. В. Луначарского. П. И. Стучка пишет, что психологическая школа права «могла бы обрадоваться», что создатели Декрета № 1 о суде «стали на ее точку зрения... но мы глубоко расходимся с ней в обосновании этой точки зрения» (П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 233). В другой статье П. И. Стучка говорил, что по мнению А. В. Луначарского понятие революционного правосознания перешло к нам от Петражицкого (там же, стр. 344). Но какого бы не было правосознание отдельных революционеров, «на деле победила **революция!**» (там же, стр. 160).

⁸⁶ М. Рейснер. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Госуд. изд-во, Ленинград-Москва, 1925 г., стр. 21.

ибо местами отождествлял право с правосознанием-интуитивным правом, но при этом делал противоположные М. А. Рейснеру выводы: «Но этот новый класс до тех пор, пока он является угнетенным, . . . естественно лишен возможности формулировать свое правосознание, он не может создать в воздухе идеал своего суда и свой чаемый кодекс».⁸⁷

Теорию марксизма с психологической теорией права пытался объединить М. А. Рейснер.⁸⁸ Он свел право к правосознанию, но одновременно признавал классовый характер последнего и его связь с экономикой. В своем докладе на Всероссийском Съезде Комиссаров Юстиции М. А. Рейснер провозгласил: «Республика основана на правосознании масс, а не класса угнетателей, а следовательно нуждается не в создании особого права и законов, стоящего над массами, а в таком праве, которое бы рождалось и выходило непосредственно из самой народной массы».⁸⁹

Опасность такого подхода заключалась в отрицательном отношении к разработке норм советского права, т. к. народный суд, по мысли М. А. Рейснера, нужен только для того, чтобы подметить и толковать народное правосознание.

Впоследствии М. А. Рейснер пытался представить революционное правосознание в качестве «интуитивного классового права».⁹⁰

⁸⁷ «Правда», 1 декабря (18 ноября) 1917 г., № 193 (124).

⁸⁸ Еще в своих дореволюционных работах М. А. Рейснер считал пробелом исторического материализма «отсутствие социально-психологической теории» (М. А. Рейснер. Государство. Часть II—III. Москва, 1912 г., стр. 9).

В рассматриваемый период им были опубликованы отдельные статьи по государственному праву (см. напр. М. Рейснер. Крах буржуазного парламента. — «Правда», 5 января 1918 г., № 3 (267); М. А. Рейснер. Что такое советская власть. Москва, 1918 г. и др.). В 1918—1919 годах переиздавалась написанная еще до революции работа «Государство» в трех частях. Для развития марксистско-ленинской общей теории права эти работы не имели значения.

⁸⁹ Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Выпуск I. Изд-ие НКЮ, Москва, 1918 г., стр. 50.

⁹⁰ М. Рейснер. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Госуд. изд-во, Ленинград-Москва, 1925, стр. 21—22.

Г. С. Гурвич на основе материалов устного опроса отдельных делегатов III Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов написал статью «Вся власть Советам», в которой наряду с другими вопросами рассматривалась и организация охраны революционного порядка. Автор привел слова одного из делегатов, что «чистая совесть, беспристрастие, строгая справедливость — вот наши законы» и истолковал их следующим образом: «Если исключить из этой триады беспристрастие, — свойство, необходимое для судьи, но не являющееся источником правотворчества, — то останутся элементы той правовой интуиции, которые вполне пригодны для создания самого подлинного права — **комплекса психических императивно-аттрибутивных переживаний (подч. мною — А. П.)**»⁹¹

Подлинно научное обоснование положениям Декрета № 1 о суде могло быть дано только с позиций марксизма-ленинизма, требующего широкого, всестороннего изучения права, материалистически-диалектического подхода к нему. Право как сложное общественное явление непрерывно меняется, отдельные стороны его в разные моменты исторического развития становятся доминирующими, но право в целом не исчерпывается той или другой его стороной.

Теоретические вопросы, связанные с реализацией Декрета № 1 о суде, с марксистско-ленинских позиций исследовались П. И. Стучкой и Д. И. Курским, вопросы практической деятельности народных судов получили освещение в статьях некоторых работников аппарата советской юстиции: Г. О. Дамберга, В. Имшенецкого, А. Р. Кадича, Н. В. Крыленко, Е. Б. Пашуканиса, Б. Сперанского и др.

П. И. Стучка первую статью, посвященную Декрету № 1 о суде опубликовал в начале января 1918 года. Это статья «Старый и новый суд», в которой обоснована закономерность предусмотренных декретом преобразований, рассказывается о причинах, вызвавших

⁹¹ Сборник статей по пролетарской революции и праву. Изд-во НКЮ, Петроград, 1918 г., № 1—4, стр. 17.

трудности в ходе его принятия. Отвечая критикам декрета, П. И. Стучка еще раз разъяснил необходимость слома старой судебной системы ввиду ее эксплуататорского характера, ввиду того, что эта система являлась самой надежной опорой капиталистического строя.

В декрете было закреплено, что местные суды и революционные трибуналы избираются Советами. Отстаивая это положение, П. И. Стучка в статье приводил следующие аргументы: коммунисты за народную власть, оно осуществляется Советами, а разделение власти остается только как техническое разделение труда. Советская власть «должна быть единой властью, включая в себя и законодательную, и исполнительную и, наконец, судебную».⁹²

П. И. Стучка решительно отмежевался от формально нормативного понимания характера права, выступал прогив «чисто механического взгляда на право как на произвольно издаваемый закон». Рассматривая право в качестве надстройки, «естественно вырастающей из существующих и изменяющихся экономических и социальных отношений»,⁹³ он считал невозможным сразу создать новые нормы права для нового советского суда. В статье была дана характеристика отдельных частей юридической надстройки, различалось внутренне осознанное право, писаное право или закон и правоотношения.

Доминирующая роль в юридической надстройке, по его мнению, принадлежит правоотношениям. «Этот писанный закон далеко не охватывает всех существующих правовых отношений и весьма часто лишь очень неверно отражает действительное право, ... «сознаваемое» и на деле осуществляемое живыми людьми» в нормальное время и тем более в период революции.⁹⁴ Революционное правосознание народа

⁹² П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 238.

⁹³ Там же, стр. 232.

⁹⁴ Там же.

П. И. Стучка связывал с требованием простоты законов; нормы права, понимание которых доступно только юристу специалисту, как ненародные должны быть отвергнуты.

В 1918 году была опубликована книга П. И. Стучки «Народный суд в вопросах и ответах», которая в подзаголовке названа неофициальным руководством для народного суда. В предисловии, датированном 30 апреля 1918 года, П. И. Стучка писал, что работа над книгой была им начата еще в декабре 1917 года, следовательно книга написана в период самых решительных революционных преобразований и потому заслуживает детального рассмотрения в целях исследования проблем развития революционного понимания права в процессе Великой Октябрьской социалистической революции.

Данная книга наряду с первыми декретами о суде сыграла большую роль в создании советского судебного права. Это была первая работа, в которой рассмотрены принципы организации и деятельности суда, вопросы гражданского и уголовного судопроизводства, работа, призванная заменить отсутствующие в этот момент советские процессуальные законы.⁹⁵ Книге не случайно был придан характер необязательного технического руководства. Это вытекало из признанной тогда советскими юристами концепции, что народному суду уставы судопроизводства «обязательны лишь постольку, поскольку они убедительны своим техническим совершенством», а по всем вопросам «чисто техническим», таким как собирание доказательств, способы расследования дела, для судейской изобретательности открывается полный простор.⁹⁶

Книга «Народный суд в вопросах и ответах» содержит ряд важных теоретических высказываний о праве.

⁹⁵ Д. И. Курский книгу охарактеризовал как «очень популярное изложение процесса в Народном Суде» (Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Народный Суд. Выпуск III. Изд-ние НКЮ, Москва, 1918 г., стр. 11).

⁹⁶ П. Стучка. Народный суд в вопросах и ответах. Книгоиздательство «Коммунист», Москва, 1918 г., стр. 3—4.

Во-первых, в книге П. И. Стучкой впервые сделана попытка очень кратко сформулировать понятие права. Право рассматривается как форма общественных отношений: «Всякое право является известною регламентацией, известным определением взаимоотношений людей данного общества. При изменении этих взаимоотношений должна, следовательно, меняться и вся надстройка, в виде правовых норм (правил)».⁹⁷

Во-вторых, в книге дан интересный, диалектический анализ одного из процессов, составляющих революцию права, о сущности которой уже говорилось в начале статьи. П. И. Стучка представлял этот процесс следующим образом: общественные отношения регламентируются правом; общественные отношения меняются; соответственно этому возникает новое правосознание — «внутреннее убеждение». П. И. Стучка подметил несколько ступеней в процессе выработки в народных массах нового отношения к праву. Революционное понимание права идет от отдельных лиц к группам, от групп к классу, а потом распространяется на все человечество. Интересно отметить, что такое отображение процесса распространения нового правосознания перекликается с учением В. И. Ленина о государстве диктатуры пролетариата, где при переходе к социализму «партия... вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата»,⁹⁸ что необходимо привлечь всех трудящихся, все население к управлению государством: «Социалистический характер демократизма Советского, — то есть пролетарского, в его конкретном, данном, применении, — состоит... в том, .. что создается наилучшая массовая организация авангарда трудящихся, крупно-промышленного пролетариата, позволяющая ему руководить наиболее широкими массами эксплуатируемых, втягивать их в самостоятельную политическую жизнь, воспитывать их политически на их собственном опыте, что таким образом впервые делается приступ к тому,

⁹⁷ П. Стучка. Народный суд в вопросах и ответах. Книгоиздательство «Коммунист», Москва, 1918 г., стр. 31.

⁹⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 42, стр. 203—204.

чтобы действительно поголовно население училось управлять и начинало управлять».⁹⁹

В-третьих, П. И. Стучка рассмотрел вопрос об отношении народного суда к старым законам. И здесь этот вопрос рассматривается в связи с революционным правосознанием, что является еще одним подтверждением правильности вышеизложенного тезиса, что Декрет № 1 о суде отражает отрицательное отношение П. И. Стучки к старым законам и допускает их санкционирование только в случае соответствия отдельных норм права революционному правосознанию. П. И. Стучка считал, что революция разрушает «старый буржуазный строй и его законы», однако в сознании людей долго сохраняются старые законы. Не допуская применения старых уголовных законов, П. И. Стучка полагал, что в переходное время возможно применение тех старых гражданских законов, которые «отчасти еще соответствуют настоящим взаимоотношениям людей».¹⁰⁰

Революционное правосознание, — указывал П. И. Стучка, — «должно быть мерилом, насколько каждый данный старый закон... должен считаться отмененным или измененным».¹⁰¹

В-четвертых, рассматривая проблему закона и законности в переходный период, П. И. Стучка считал, что «в революционное переходное время, при отсутствии твердого писанного закона по всем вопросам, было бы лицемерно всюду ссылаться на законность. Поэтому закономерность действия того или иного должностного или частного лица всегда необходимо обсуждать с точки зрения классовой справедливости большинства трудового населения».¹⁰² В то же время, несмотря на

⁹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 36, стр. 203. См. также том 34, стр. 304; том 38, стр. 170.

¹⁰⁰ П. Стучка. Народный суд в вопросах и ответах. Книгоиздательство «Коммунист», Москва, 1918 г., стр. 29—30, 55.

¹⁰¹ Там же, стр. 32.

¹⁰² Там же, стр. 70.

П. И. Стучка пользовался и другим термином — «правомерность». (См. П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 178).

трудности в проведении в жизнь законов в период революционных преобразований и острой классовой борьбы, П. И. Стучка решительно выступал против нигилистического отношения к законам: «Мы отнюдь не анархисты, отрицающие всякий закон, ибо стоим за планомерное строительство, т. е. за возможно широко действующий закон рабочего класса».¹⁰³ Аналогичные мысли высказаны П. И. Стучкой в статье «Пролетарская революция и суд». Эта статья интересна тем, что в ней впервые в нашей юридической литературе было дано разграничение норм права в зависимости от степени закрепления в них интереса господствующего класса. П. И. Стучка считал, что при разработке системы норм советского права допустимо использование отдельных норм старого права, но при этом следует руководствоваться классовым взглядом на право и решительно отвергать нормы, закрепляющие политику старого строя:

«В каждом томе свода законов мы находим правила двоякого рода: правила, определяющие одну техническую сторону данной отрасли, а рядом правила, определяющие самую суть, самое направление деятельности. Особенно ярко это видно в томах свода, которые занимают чисто техническими вопросами, как, напр[имер], почта и телеграф, пути сообщения и т. д. Никакой закон не изменит предельной быстроты движения поездов и т. д. Но рядом помещены статьи, определяющие железнодорожную политику того или иного строя, который необходимо изменить немедленно же, тогда как просто техническое руководство останется почти без изменения и только упростится или сократится, освобождаясь от лишнего балласта остатков бюрократической эпохи. То же самое мы можем сказать по поводу суда. Законы о составе суда и томы так называемого материального права, которые применяет суд, беспощадно сожжены, но технические производственные правила (и буржуазный юрист их называет законами судопроизводства) в общих чер-

¹⁰³ П. Стучка. Народный суд в вопросах и ответах. Книгоиздательство «Коммунист», Москва, 1918 г., стр. 29.

тах могут оставаться в силе, потеряв только прежнюю свою безусловную обязательность».¹⁰⁴ К проблеме деления норм права на основные и технические П. И. Стучка возвращался в статье «Пролетарское право», в книге «Революционная роль права и государства», а затем в 1930 году в статье «Право — закон — техника».¹⁰⁵

Под техническими нормами П. И. Стучка подразумевал как санкционированные государством технические нормы в прямом смысле этого слова, так и нормы права подсобного характера, к которым он причислял преимущественно нормы судопроизводства.

На наш взгляд вполне обоснованной является мысль, что в той или иной отрасли права имеются технические нормы, которым законодатель придал силу закона. Кроме того, каждая отрасль права состоит из таких правовых норм, которые имеют существенное, перво-степенное значение и определяют характер каждой отрасли в целом и принадлежность ее к данной системе права.

Н. Н. Полянский расценил мысли П. И. Стучки о том, что процессуальные нормы преимущественно технические и не имеют прежней безусловной обязательности, как «способные подрывать силу и авторитет закона». Такие соображения, — писал он, — послужили базой для так называемого «упрощенчества» в деятельности органов юстиции.¹⁰⁶

Но с такой оценкой вряд ли можно согласиться. П. И. Стучка считал процессуальные нормы не имеющими прежней безусловной обязательности потому, что непосредственно после революции допускалось применение старых процессуальных норм, а эти нормы не могли естественно быть и не были по-прежнему обязательными. Кроме того, он предвидел, что при

¹⁰⁴ П. Стучка. Пролетарская революция и суд. — Пролетарская революция и право, 1918 г., № 1, стр. 4.

¹⁰⁵ См. П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 464—471.

¹⁰⁶ Н. Н. Полянский. Первые страницы советской науки о суде. — Известия высших учебных заведений. Правоведение, 1957 г., № 1, стр. 110.

разработке новых норм процессуального права можно унаследовать кое-что от буржуазного права. Чтобы не связать руки народному суду, он именовал их техническими нормами и считал, что будущий устав судопроизводства будет только руководством или пособием.

В дальнейшем вопрос о разделении норм права на основные и технические поднимался П. И. Стучкой при обсуждении вопроса о том, как сделать право доступным широким массам.

Наше право уже сегодня содержит огромное количество санкционированных государством технических норм. Дальнейший прогресс в развитии производства материальной жизни, науки, техники, культуры обуславливает возрастание количества этих норм. В этом свете вопрос, поднятый П. И. Стучкой почти 50 лет тому назад, не потерял своего значения.

При исследовании проблемы развития революционного правопонимания, привлекает внимание вопрос о создании материальных норм советского права, которые служили бы победоносному шествию социалистической революции.

П. И. Стучка указывал, что работа по созданию «нового писанного права» потребует определенного времени, так как «не имеет прецедентов, готовых образцов»,¹⁰⁷ но для его создания необходимо использовать правотворческий материал, который дает народный суд и вся текущая жизнь. Речь, конечно, идет не о прецедентном праве, которого в социалистическом государстве не может быть. Словам П. И. Стучки «о правотворческой работе» суда можно дать только следующее истолкование: суд должен дать опыт, который затем обобщается и закрепляется законодательством. В области уголовного права П. И. Стучка предлагал «выработать основные принципы квалификации преступлений и проступков»¹⁰⁸ и предоставить народным судьям свободу в определении рода и меры наказания. Судьи должны быть «достаточно проникнуты правосознанием трудящихся масс» и те судьи, кото-

¹⁰⁷ «Известия», 16 апреля 1918 г., № 75 (339).

¹⁰⁸ «Известия», 25 апреля 1918 г., № 82 (346).

рые в оценке «устарелых или буржуазных законов» не будут согласны с трудящимися — «классом громадного большинства» будут беспощадно отзываться.¹⁰⁹ Правильно понимая необходимость дать суду нормы нового советского права, П. И. Стучка к освещению роли норм уголовного права в деятельности народного суда подошел несколько настороженно, чтобы не связывать руки суду. Народный суд несомненно играет творческую роль, но это не дает основания считать, что в законе нет необходимости указывать «точную цифру наказания», что указания народному суду должны быть даны «только в общих чертах и в общем направлении» и что в нормах права следует предусмотреть только минимальную меру наказания.¹¹⁰ Но, по-видимому, судебная практика не дала тогда еще достаточного материала для определения «точной цифры наказания».¹¹¹

Революционное правотворчество и законность в социалистическом государстве находятся в тесной связи между собой. Вопрос о законности П. И. Стучка рассматривал конкретно, в зависимости от наличия новых, т. е. советских, законов, без которых невозможна новая, т. е. революционная законность.

В период работы над книгой «Народный суд в вопросах и ответах», т. е. в конце 1917 — в начале 1918 года, он вместо термина законность употреблял другой — «закономерность». В июне 1918 года П. И. Стучка уже говорил вслед за В. И. Лениным о «неукоснительном подчинении декретам центрального Раб[оче]-Крестьянского Правительства».¹¹² Меся-

¹⁰⁹ «Известия», 7 июня 1918 г., № 115 (379).

¹¹⁰ «Известия», 3 мая 1918 г., № 88 (352).

¹¹¹ Работники народных судов требовали предоставления суду максимальной свободы в его деятельности. На Всероссийском Съезде Губернских и Областных Комиссаров Юстиции председатель Петроградского Совета Народный судей С. Я. Рапорт заявил, что по уголовным делам Петроградский Совет Судей «стоит на той точке зрения, что суд должен быть неограничен в своей компетенции» (Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Выпуск I. Изд-ие НКЮ, Москва, 1918 г., стр. 10).

¹¹² «Известия», 6 июня 1918 г., № 114 (378).

цем позже, 6 июля 1918 года в своем выступлении на II Всероссийском Съезде Областных и Губернских Комиссаров Юстиции П. И. Стучка уже определял революционную законность как **соблюдение советских законов**.

«Пока декрет существует, нам — блюстителям революционной законности — не следует делать отступлений или вести даже агитацию против того, что мы сами же создали. Надо вести борьбу за лучшее в порядке организации».¹¹³

По мысли П. И. Стучки, народные массы должны широко привлекаться к борьбе за соблюдение советских законов: при диктатуре пролетариата происходит отказ государства «от монополии на «правду» и «справедливость», право преследования правонарушителей предоставляется любому гражданину».¹¹⁴ Строгое соблюдение советских законов П. И. Стучка требовал и в своей практической деятельности. В отношении адресованном ВЧК 26 июля 1918 года он писал, что необходимо соблюдать строгий учет, отказаться от формальной неурядицы, в результате которой нарушаются права советских граждан.¹¹⁵

Статья П. И. Стучки «Годовщина первого декрета о суде» была опубликована в конце 1918 года. В ней П. И. Стучка оценивал результаты проведенного за первый год существования советской власти переворота в области суда, намечал задачи, требующие решения в процессе революции права. В статье констатировано, что Декретом № 1 о суде было провозглашено: «Долой свод законов, да здравствует революционное правосознание». Но это не означает отрицания законов вообще. «Самым лучшим средством борьбы против старых законов, — писал П. И. Стучка, — является издание и проведение в жизнь нового закона, но проведение в жизнь не механическое, а сознательное. Поэтому сами законы

¹¹³ Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Народный Суд. Выпуск III. Изд-ие НКЮ, Москва, 1918 г., стр. 23.

¹¹⁴ «Известия», 16 апреля 1918 г., № 75 (339).

¹¹⁵ ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, л. 61.

должны стать простыми и всем понятными и должны слиться с правосознанием революционных широких масс, в единое коммунистическое мировоззрение, что возможно только путем их популяризации и широкого распространения».¹¹⁶

Проблеме создания материальных норм советского права, их роли в деятельности советского суда, внимание уделял Д. И. Курский.¹¹⁷

В первые месяцы после Октябрьской революции Д. И. Курский писал: «Непосредственно связанные с массами советских избирателей, заседатели в своих решениях и приговорах непременно будут выявлять и выявляют те правовые воззрения, которые отвечают классовым интересам рабочих и беднейших крестьян».¹¹⁸

Но уже 2 июля 1918 года, выступая с речью на II Всероссийском Съезде Областных и Губернских Комиссаров Юстиции, Д. И. Курский говорил, что нужно дать суду нормы права для руководства. Стадии, когда суд руководствовался революционным правосознанием, Д. И. Курский противопоставлял уже новую стадию его развития, когда деятельность суда основана на нормах права. Обращаясь к участникам съезда, он говорил: «Мы здесь, в центре уже выходим из той стадии, когда мы говорили вам — работникам на местах: мы сломали старые суды, создавайте новые Народные Суды и пусть они решают дела, руководствуясь своей революционной совестью. Для нас в центре стало ясно, что необходимо создать нормы этим судам».¹¹⁹ Проведение новых норм советского права, по мнению Д. И. Курского, приведет к ломке

¹¹⁶ «Правда», 7 декабря 1918 г., № 266.

¹¹⁷ Д. И. Курский (1874—1932) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства; Народный комиссар юстиции РСФСР с 1918—1928 г. Окончил юридический факультет Московского университета в 1898 году.

¹¹⁸ Д. Курский. Основы революционного суда. — Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Выпуск I. Изд-ие НКЮ, Москва, 1918 г., стр. 56.

¹¹⁹ Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Народный Суд. Выпуск III. Изд-ие НКЮ, Москва, 1918 г., стр. 10.

старого материального права. Наличие новых норм права, что в особенности относится к уголовному праву, позволяет сосредотачивать суду внимание на явления, которые «подтачивают и могут погубить великое дело, совершенное Российским пролетариатом».¹²⁰ Д. И. Курский не переставал признавать правотворческую роль народного суда, считая его «чистым родником подлинного народного права».¹²¹

Вопрос о том, как на практике руководствоваться статьей 5 Декрета № 1 о суде привлекал внимание многих практических работников. Наблюдался разный подход к этому вопросу, значит и разный подход к проблеме становления советского права. Если П. И. Стучка и Д. И. Курский, признавая за судом правотворческую роль, сосредотачивали внимание на задаче выработки новых норм права для суда, то Н. В. Крыленко,¹²² признавая ценность судебной практики для зафиксирования «нового, что внесла революция в старое уголовное и процессуальное право», считал, что суд должен руководствоваться старыми процессуальными, уголовными и гражданскими законами, которые не отменены и не противоречат революционному правосознанию. По своему содержанию его мысли близки к положениям декрета, однако создается впечатление, что ударение Н. В. Крыленко ставил на применение старых норм права, что творчество нового он усматривал через старое т. к. «руководствуясь в общем прежними нормами, суды располагают большим простором революционного правотворчества».¹²³ В некоторой степени нигилистические

¹²⁰ Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Народный Суд. Выпуск III. Изд-ие НКЮ, Москва, 1918 г., стр. 10.

¹²¹ Д. Курский. Заметки о Народном Суде. — Пролетарская революция и право, 1918 г., № 2, стр. 21.

¹²² Н. В. Крыленко (1885—1938) — видный деятель Советского государства. С 1918 года работал в органах юстиции: председателем Верховного революционного трибунала ВЦИК, заместителем Наркома юстиции, прокурором Республики; с 1931 года — Нарком юстиции РСФСР, а с 1936 года — Нарком юстиции СССР. Окончил юридический и историко-филологический факультеты Петербургского университета.

¹²³ «Известия», 5 сентября 1918 года, № 191 (455).

взгляды в отношении норм права вообще высказывал А. Р. Кадич, один из первых народных судей в городе Москве. Основной задачей судьи он считал — прислушиваться к правовым воззрениям, присущим массам, носителями которых являются народные заседатели. Поэтому он старался избегать, по возможности, ссылок на «действовавшее и действующее право»,¹²⁴ понимая под этим нормы как старого права, так и советского права. Подобные выводы сделал и Б. Сперанский, председатель Витебского окружного народного суда. Он полагал, что народный суд в приговорах выражает «право самих народных масс, то право, которое жило в их собственном народном сознании», что в приговорах и решениях формируется, выкристаллизовывается народное правосознание.¹²⁵ В статье «Новый суд», опубликованной 26 апреля 1918 года в газете «Известия СРС и Кр. Д. гор. Москвы и Московской области», утверждалось, что, при рассмотрении дел в суде, «одинаковое значение с законом должны иметь соображения справедливости, т. е. чисто психические переживания судей».¹²⁶ В этих взглядах нашло отражение резко отрицательное отношение трудящихся масс к законам свергнутых правительств, но их теоретическое обоснование часто перекликалось с психологической теорией права.

Связь права и общественной жизни признавал Г. О. Дамберг,¹²⁷ но он не шел дальше «народного быта». По его мнению область процессуального права наиболее благоприятна для быстрого создания новых форм. Но сложнее обстоит дело в области материаль-

¹²⁴ А. Р. Кадич. О Народном Суде. — Пролетарская революция и право, 1918 г., № 2, стр. 28.

¹²⁵ Сперанский. Народные заседатели. — Пролетарская революция и право, 1918 г., № 5—6, стр. 29—30.

¹²⁶ Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Народный Суд. Выпуск II. Изд-ие НКЮ, Москва, 1918 г., стр. 31.

¹²⁷ Г. О. Дамберг — в качестве уполномоченного следственной комиссии Военно-революционного Комитета при Петроградском Совете проводил закрытие Правительствующего Сената. Подробный отчет о его деятельности дается в статье «К закрытию Сената» (Известия, 6 декабря 1917 г., № 244).

ного права, черпающего свое содержание из различных «чрезвычайно сложных сторон народного быта».¹²⁸ Вопрос, насколько возможно создание новых форм в последней области, Г. О. Дамберг оставил открытым. Но именно в этой области, как мы уже видели, П. И. Стучка требовал самых решительных преобразований.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что Декрет № 1 о суде, основные положения которого были предложены и теоретически обоснованы П. И. Стучкой, являлся решительной мерой советской власти по претворению в жизнь учения марксизма-ленинизма о государстве и праве. Вместе с тем он способствовал упрочению в советской юридической науке ряда важных идей: о классовом характере права, о необходимости отмены старого права, о связи правосознания класса с требованиями его авангарда — политической партии и других.

Конституция РСФСР 1918 года

Вторым документом, имеющим исключительно большое значение в процессе революции права, является

Конституция РСФСР 1918 года.

Необходимость создания конституции Советского государства была продиктована самой жизнью, первыми успехами социалистической революции. Уже в конце декабря 1917 года В. И. Ленин констатировал, что «за несколько недель разрушены почти до основания недемократические учреждения в армии, в деревне, на фабрике». На местах повсюду установилась советская власть. Советы «покрыли сетью всю страну».¹²⁹ Слом всего старого государственного аппарата и создание новых государственных органов в центре и на местах явилось результатом самостоятельности руководимых большевиками революционных трудящихся масс. Это неизбежно вызвало разно-

¹²⁸ Г. Дамберг. К созданию новых форм судоустройства. — «Известия», 29 сентября 1918 г., № 211 (475).

¹²⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 35, стр. 191, 239.

образии, особенности, пестроту отдельных звеньев государственного аппарата. Конституция должна была обобщить имеющуюся практику, выявить устойчивое, типичное, закрепить их и этим способствовать планомерному строительству государственного аппарата диктатуры пролетариата.¹³⁰

Задача разработки проекта конституции была чрезвычайно трудной, ибо конституция социалистического типа создавалась впервые и ее создатели не имели перед собою готовых образцов. Ничего не могло дать и предпринятое изучение организации и функций центральных государственных органов и организации местного самоуправления в федеративных буржуазных государствах¹³¹ — опыт буржуазного классового государства не мог быть использован при создании государства нового типа.

Руководящая роль в создании первой Советской Конституции принадлежит В. И. Ленину и ЦК РКП(б). В трудах В. И. Ленина были разработаны теоретические основы Советской конституции, в написанной им по поручению партии программной работе «Очередные задачи Советской власти», посвященной вопросам общей политики в новом периоде революции, было определено основное направление деятельности советского государственного аппарата. В. И. Ленин являлся автором важнейших декретов и деклараций, принятых в первые месяцы Советской власти, в которых были сформулированы советские конституцион-

¹³⁰ Я. М. Свердлов в лекции, прочитанной 22 октября 1918 года слушателям дополнительных курсов администрации и политического руководства, характеризуя положение в области государственного строительства ко времени начала работы над проектом конституции, заявил, что «у нас по существу уже более или менее сложился государственный советский аппарат, но не было еще строгого разграничения функций и труда между отдельными, созданными нами органами». Необходимо было разграничить деятельность советов, определить их взаимоотношения, внести планомерность во взаимоотношения между различными советскими организациями. (ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 55, лл. 23—26).

¹³¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 85, лл. 68—76; д. 86, лл. 45—56.

ные принципы, нашедшие отражение в Конституции РСФСР 1918 года. Исключительно велика роль В. И. Ленина в практической разработке проекта конституции. В. И. Ленину направлялись подготовительные материалы отдельных частей проекта,¹³² он знакомился со стенограммами работы комиссии по выработке конституции Советской Республики, давал оценку отдельным положениям.¹³³ Окончательный текст проекта конституции разрабатывался под непосредственным руководством В. И. Ленина в качестве председателя особой комиссии ЦК РКП(б). Комиссия ЦК РКП(б) на своих заседаниях рассмотрела два проекта конституции, представленные комиссией по выработке конституции Советской Республики¹³⁴ и Народным Комиссариатом Юстиции РСФСР. В нашей политической и юридической литературе подробно освещена деятельность комиссии по выработке конституции Советской Республики.¹³⁵ Что же касается проекта конституции, подготовленного НКЮ, то большинством авторов признается его значение,¹³⁶ но тем не менее история разработки этого проекта почти не исследована. Исключением является книга Д. А. Чугаева «Первая Конституция Советского государства»,

¹³² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 89, л. 3; д. 90, л. 28.

¹³³ ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 31, л. 27; ЦГАОР СССР, ф. 6980, оп. 1, д. 6, л. 10.

¹³⁴ Такое название комиссии, образованной 1 апреля 1918 г. ВЦИК, было дано на заседании ВЦИК (единственное отличие: вместо слова «по» употреблялось «для»), это название приводится также в протоколе заседания Президиума ВЦИК от 3 апреля 1918 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 31, л. 2; ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 34, д. 4, л. 1.), однако в нашей юридической литературе упомянутая комиссия обычно называется Конституционной комиссией ВЦИК.

¹³⁵ См. Проф. Г. С. Гурвич. История Советской Конституции. Изд-ие Социалистической Академии, Москва, 1923 г.; Е. Городецкий, Ю. Шарапов. Свердлов. Жизнь и деятельность. Госполитиздат, Москва, 1961 г.; Советские конституции. Справочник. Госуд. изд-во полит. лит., Москва, 1963 г. и др.

¹³⁶ См. С. С. Кравчук. Тридцать лет первой Советской Конституции. Изд-во «Правда», Москва, 1948 г.; С. Л. Ронин. Первая Советская Конституция. Юридическое изд-во Мин. Юст. СССР. Москва, 1948 г.; В. Г. Филимонов. Первая Советская Конституция. Госюрисдат, Москва, 1960 г.

которая дает общее представление о разработке проекта конституции в НКЮ, однако автором допущено ряд неточностей, в частности неправильно освещена роль П. И. Стучки в разработке данного проекта, его взгляды на Советскую конституцию. Д. А. Чугаев считает, что вначале, исходя из мотивов, изложенных в статье «Конституция гражданской войны», П. И. Стучка вообще «выступал против Конституции Советского государства», а после того, как разработанные М. А. Рейснером «Основные начала Конституции РСФСР» были отвергнуты Конституционной комиссией ВЦИК, П. И. Стучка организовал в НКЮ разработку своего проекта конституции, который «был написан, по поручению Коллегии Народного комиссариата юстиции, профессором Рейснером и его последователем юристом А. Гойхбаргом».¹³⁷

Версия Д. А. Чугаева, что П. И. Стучка являлся решительным противником разработки конституции, совершенно неубедительна. В опубликованной в сентябре 1918 года статье П. И. Стучки «Конституция гражданской войны» сказано: «В самый острый период гражданской войны нам пришлось приступить к облечению в письменную форму существующей у нас реально Конституции. И вполне естественно возник вопрос о том, возможна ли вообще писаная конституция переходного времени». Приводятся в статье и аргументы, почему пришлось решать этот вопрос и сообщается, что «взял верх тот взгляд, что необходимо изложить в статьях основного закона то, что достигнуто в жизни...»¹³⁸ Но это же не доказательство, что П. И. Стучка «выступал против», а других аргументов в подтверждении данной версии в книге Д. А. Чугаева мы так и не можем найти. Если же принимать во внимание, что в том же году П. И. Стучка вполне определенно констатировал, что «настал момент приступить к кодификации, к сводке всего про-

¹³⁷ Д. Чугаев. Первая Конституция Советского государства. Москва, 1949 г., стр. 157.

¹³⁸ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 250—251.

летарского права переходного времени в систематический сборник», первое место в котором займет Советская Конституция,¹³⁹ то становится ясным, что утверждения Д. А. Чугаева никак не вяжутся с действительностью. Более того, мало кто из советских юристов в 20-х годах сделал столько для изучения проблем Советской конституции и ее популяризации, как П. И. Стучка.¹⁴⁰

Нет никаких оснований считать, что только после заседания комиссии по выработке конституции Советской Республики 19 апреля, когда были отвергнуты тезисы М. А. Рейснера, П. И. Стучка вдруг начинает интересоваться практической стороной разработки проекта конституции. Наоборот, вся практическая деятельность П. И. Стучки в Народном комиссариате юстиции свидетельствует об исключительно большом значении, придаваемом им кодификации советского права. П. И. Стучка 12 декабря подписал приказ «Об отмене прежнего деления Комиссариата Юстиции на департаменты и об установлении нового деления», которым предусматривалось создание Отдела законодательных предположений и кодификации.¹⁴¹ Хотя, как справедливо отмечает М. П. Ирошников, в период до января 1918 года почти ни один из декретов Советской власти не был разработан этим органом,¹⁴² с деятельностью Отдела законодательных предположений и кодификации связано начало работы над проблемами советской конституции. На отдел была возложена задача составления проекта Совет-

¹³⁹ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 268—269.

¹⁴⁰ За статьей «Конституция гражданской войны» последовали другие работы: Конституция РСФСР Республики в вопросах и ответах. Книгоизд-во «Коммунист», Москва-Петроград, 1919 г.; Padomju Konstitūcija. — Darbs, 1919. g., N 2.; Piezīmes par Padomju Konstitūciju. ККР СК Latv. aģ. un prop. nod., M., 1921. g. и Учение о государстве и конституции РСФСР. Изд-во «Красная новь», Москва, 1922 г.

¹⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 1, д. 4, л. 70.

¹⁴² М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата. Изд-во «Наука», Москва-Ленинград, 1966 г., стр. 110.

ской Конституции, кодификация того, что «завоевано и записано». С момента образования Отдел законодательных предположений и кодификации возглавлял редактор отделения государственного права М. А. Рейснер. Став вторично Народным комиссаром юстиции (18 марта 1918 г.), П. И. Стучка уделяет особое внимание работе этого отдела: он руководит заседаниями бюро Отдела законодательных предположений и кодификации, разрабатывает план активизации деятельности отдела. В мае 1918 года за подписью П. И. Стучки было опубликовано «Положение об отделе законодательных предположений и кодификации Народного Комиссариата Юстиции». В отделе предполагалось сосредоточить разработку законопроектов и кодификацию «действующих законов по всем ведомствам Рабоче-Крестьянского Правительства Российской СФСР».¹⁴³

После III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, еще до образования комиссии по выработке конституции Советской Республики в отделе велась подготовительная работа по выработке проекта конституции.¹⁴⁴ Консультант Отдела законодательных предположений и кодификации Г. С. Гурвич на основе материалов устного опроса отдельных делегатов III съезда Советов написал статью «Вся власть Советам», в которой предпринял

¹⁴³ Пролетарская революция и право, 1918 г., № 1, стр. 67.

¹⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 6980, оп. 1, д. 3, л. 1.

Г. С. Гурвич впоследствии приводил весьма интересные подробности работы над проектом конституции в Отделе законодательных предположений и кодификации НКЮ: «Когда здесь вскоре после III Съезда, но уже по эвакуации правительства из Петербурга в Москву, решили приступить к предварительным занятиям по созданию конституции, то считалось само собою разумеющимся, что, прежде всего, нуждаются в установлении основные начала государственного строя, каковы: источники верховной власти, способы осуществления этой власти, формы соединения народностей Республики в связи с вопросами самоопределения национальностей. Затем, должна быть определена конструкция центральных органов власти». (Проф. Г. С. Гурвич. История Советской Конституции. Изд-ие Социалистической Академии, Москва, 1923 г., стр. 8—9).

попытку составить представление об организации и основных направлениях деятельности местных Советов.

1 апреля 1918 года на пленарном заседании ВЦИК было решено в состав комиссии по выработке конституции Советской Республики включить по одному представителю от ряда комиссариатов, в том числе от Народного комиссариата юстиции. 2 апреля по заявлению П. И. Стучки коллегия НКЮ решила делегировать в состав упомянутой комиссии заведующего отделением государственного права Отдела законодательных предположений и кодификации М. А. Рейснера.¹⁴⁵ К работе комиссии в качестве сведующего лица с правом совещательного голоса был привлечен и Г. С. Гурвич.¹⁴⁶ Отдел законодательных предположений и кодификации не только передал комиссии по выработке конституции Советской Республики разработанные к моменту ее образования подготовительные материалы к проекту, но в ходе работы комиссии сотрудничал с последней, в частности подготовил обширную справку «Компетенция Советов и съездов Советов», где, исходя из практики, были перечислены права местных органов государственной власти.¹⁴⁷

В НКЮ следили за работой комиссии по выработке конституции Советской Республики, в коллегии неоднократно обсуждался вопрос о конституции. Это подтверждается заявлением М. А. Рейснера на заседании комиссии 19 апреля, что «в коллегии были некоторые недоумения по поводу целого ряда мыслей, целого ряда важных вопросов, которые в конституции никоим образом не могут быть так быстро разрешены, так быстро пропущены».¹⁴⁸

Самостоятельная работа над проектом конституции в НКЮ начинается в июне месяце. 11 июня 1918 года на заседании коллегии НКЮ П. И. Стучка выступил с докладом о конституции, после чего постановили —

¹⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 2, л. 8.

¹⁴⁶ Там же, ф. 6980, оп. 1, д. 3, л. 2.

¹⁴⁷ «Известия», 22 июня 1918 г., № 127 (391).

¹⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 6980, оп. 1, д. 6, л. 24.

поручить собрать весь материал по Конституции Советской Республики М. А. Рейснеру.¹⁴⁹

Чем же было вызвано подобное решение? Работа комиссии по выработке конституции Советской Республики затягивалась, ее завершению мешали как трудности объективного характера — необходимость в кратчайший срок изучить и обобщить огромный практический материал, так и субъективного характера — в комиссии наряду с партией большевиков были представлены левые социал-революционеры и социал-революционеры максималисты, между которыми существовали разногласия по целому ряду вопросов,¹⁵⁰ ошибочные взгляды отстаивались «левыми коммунистами». Поэтому, когда 26 июня в ЦК РКП(б) рассматривался вопрос о Советской Конституции, по словам Я. М. Свердлова, «пришли к тому заключению, что к этому съезду представить всю конституцию в полном виде нам не удастся. Отдельные тт., в том числе т. Ленин полагали, что нужно этот вопрос снять с порядка дня в виду того, что конституция в целом не готова. Но мне удалось настоять на том, что отдельные части этой конституции, в частности наиболее разработанная часть о Советах в организационном отношении и может быть принята теперь».¹⁵¹

Есть основание предположить, что работа в НКЮ над проектом конституции велась по заданию СНК, ибо на заседании СНК 28 июня П. И. Стучка выступил с сообщением о проекте конституции Российской Советской Республики и было постановлено: «Обратить внимание всех комиссариатов на необходимость уси-

¹⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 2, л. 64.

¹⁵⁰ В состав комиссии по выработке конституции Советской Республики входили: Я. М. Свердлов (председатель), М. Н. Покровский (заместитель председателя), В. А. Аванесов (секретарь), А. И. Бердников (с.-р. максим.), Д. П. Боголепов, Н. И. Бухарин, Г. С. Гурвич, М. И. Лацис, Д. А. Магеровский (лев. с.-р.), М. А. Рейснер, Э. М. Склянский, А. П. Смирнов, И. В. Сталин, Ю. М. Стеклов, А. А. Шрейдер (лев. с.-р.) (ЦГАОР СССР, ф. 6980, оп. 1, д. 17, л. 1. См. также Ленинский сборник. XXI. Партийное изд-во, Москва, 1933 г., стр. 268).

¹⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. 6980, оп. 1, д. 11, л. 1.

ленной работы над проектом конституции. Поручить К-ту Юстиции сообщить немедленно в другие комиссариаты все уже разработанное им по этому вопросу».¹⁵²

Первоначальная редакция проекта конституции по поручению коллегии НКЮ была подготовлена в Отделе законодательных предположений и кодификации, о чем свидетельствует надпись на одной из машинописных копий проекта, сохранившейся среди документов Совнаркома: «Проект Отделения Государственного Права Народного Комиссариата Юстиции».¹⁵³

В дальнейшем проект рассматривался в коллегии НКЮ, которая в исследуемый период была в следующем составе: Народный комиссар П. И. Стучка, его заместитель Д. И. Курский и члены коллегии М. Ю. Козловский, П. А. Красиков и М. А. Чегодаев. Мы еще не располагаем данными о том, какое конкретное участие в разработке проекта принимали отдельные члены коллегии. Очевидно в этой работе не участвовал П. А. Красиков, который в июне и в начале июля месяца не присутствовал на заседаниях коллегии.¹⁵⁴ В то же время архивные материалы свидетельствуют о том, что проект не только разрабатывался под руководством П. И. Стучки, но и при его непосредственном участии. Сохранился, отпечатанный на пишущей машинке, первичный вариант первой, второй и третьей глав проекта с исправлениями П. И. Стучки, в соответствии с которыми и была сформулирована окончательная редакция проекта конституции, представленного НКЮ.

Статья 1 первой главы вначале была дана в следующей формулировке: «Вся власть в пределах РСФСР Республики принадлежит рабочим, крестьянам, трудовым казакам, батракам и всем трудящимся».¹⁵⁵

П. И. Стучка уточнил, что речь идет о «беднейших» крестьянах. Это соответствует указаниям В. И. Ле-

¹⁵² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 2, л. 82.

¹⁵³ Там же, д. 90, л. 8.

¹⁵⁴ Там же, ф. 353, оп. 2, д. 2, лл. 58—84.

¹⁵⁵ ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, л. 19.

нина, что Советское государство «есть диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства».¹⁵⁶ П. И. Стучка намеревался дополнить текст статьи, но потом, видимо, передумал, зачеркнул весь текст статьи и написал свою формулу: «Вся власть в пределах РСФСР обл. принадлежит всему рабочему населению страны, объединяющ. в Советы депутатов Р.»¹⁵⁷

¹⁵⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 37, стр. 314.

¹⁵⁷ ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, л. 19.

Данная статья, на которую обратил внимание В. И. Ленин, представляет несомненный интерес, так как в ней удачно отражено единство интересов городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства, она несомненно написана под влиянием взглядов В. И. Ленина, который, анализируя мысли К. Маркса о сущности завоевания политической власти пролетариатом, указал: «Можно, пожалуй, кратко, драстически, выразить все дело так: замена старой («готовой») государственной машины и парламентов Советами рабочих депутатов и их доверенными лицами. В этом суть!! А **нерабочее население?** (подч. мною — А. П.) Кто не работает, тот не должен есть (а не то, что государством управлять)!!» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 33, стр. 230.)

В статье «Конституция гражданской войны» П. И. Стучка специально останавливается на формулировке «все рабочее население, объединенное в городских и сельских советах», считает ее «более правильной и точной, с марксистской точки зрения». (Пролетарская революция и право, 1918 г., № 3—4, стр. 16.)

П. И. Стучка писал о «Советах депутатов Р.». Что означает это сокращение «России» или «Рабочих», судить трудно, т. к. оно не было расшифровано. Однако в Конституции ССР Латвии 1919 года, проект которой разрабатывался под руководством П. И. Стучки, высший орган государственной власти республики назывался — Съезд Советов рабочих депутатов Объединенной Латвии, а местные органы государственной власти — Советы рабочих депутатов. (См. Padomju varas konstitucionālie akti Latvijā. LVĪ, Rīgā, 1957. g., 131.—132. lpp.) Поэтому есть основание думать, что под сокращением «Р.» имелось ввиду «Рабочих».

Вопрос об аграрной политике Советского правительства Латвии в 1919 году много дискутировался. На VIII съезде Коммунистической партии Латвии говорилось об ошибочной оценке поместий как чисто капиталистических предприятий, о признании отношений на селе чисто капиталистическими, без пережитков феодальных отношений. (Latvijas Komunistiskās Partijas VIII kongress. Protokoli un rezolūcijas. Spartaks, 1931. g., 321.—322. lpp. Sk. arī 241.—244. lpp.) Но то, что играет роль при определении линии практической работы,

Исправления были внесены П. И. Стучкой и в другие статьи первой главы, причем наиболее значительные из них в статьи 7 и 8. П. И. Стучка вычеркнул часть текста статьи 7, которая предусматривала, что Советы и их съезды осуществляют власть не только в пределах конституции, но «и в самовольных границах, которые определяются Советами согласно настоящей конституции».¹⁵⁸ Таким образом, П. И. Стучка выступил против попыток противопоставить местные Советы центру, против их бесконтрольности. Статья 8 первоначально была сформулирована так: «В случае установления в других государствах Советской социалистической федерации РСФСР Республика входит с ними в единый союз на основах всеобщей федерации Советов». Это соответствовало пониманию советской федерации как союза Советов всех ступеней, из чего вытекало представление о любом советском государстве как о федеративном.

П. И. Стучка предложил другой вариант статьи: «По мере установления в других странах Социалистической Советской власти РСФСР Республика входит с ними в единый союз. соц. фед. Сов. Республик».¹⁵⁹

нельзя механически применять при решении теоретических проблем. Наряду с критикой ошибок практически организаторского характера, надо признать, что название органов государственной власти в Конституции Советской Латвии отражало специфическую особенность в Латвии того периода — наличие количественно довольно обширной прослойки пролетариата в деревне. В деревне диктатуру пролетариата поддерживали сельскохозяйственные рабочие, безземельные крестьяне, испольщики-арендаторы и малоземельные крестьяне, причем в политической жизни наибольшую роль играл сельский пролетариат. То, что отличает сельского пролетариата от городского, как условия труда, бытовые и т. д. несомненно слабее того, что их объединяет.

¹⁵⁸ ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, л. 19.

¹⁵⁹ Там же.

Невольно возникает вопрос, как понимать сокращенные слова? В опубликованном тексте проекта конституции, предложенного НКЮ, написано: «Союз социалистических федеративных советских республик». (Пролетарская революция и право, 1918 г., № 3—4, стр. 54.) Но сокращенные слова можно толковать и по иному — союз — социалистической федерации

Таким образом П. И. Стучка, в противовес расплывчатому пониманию союза на основах федерации, вполне определенно отстаивал понимание социалистической федерации как союза государств. Эту статью проекта в редакции П. И. Стучки выделил и В. И. Ленин, указывая, что речь может идти не только об установлении советской власти, но гораздо шире — «советской или иной пролетарской».¹⁶⁰

Исправления, в основном редакционного характера, были сделаны П. И. Стучкой и в тексте второй и третьей главы.¹⁶¹

В проектах конституции, разработанных комиссией по выработке конституции Советской Республики и коллегией НКЮ, раздела о суде не было. Среди личных бумаг П. И. Стучки сохранился написанный им набросок о суде.

П. И. Стучка, в противовес буржуазным теориям разделения власти, исходил из единства законодательной, исполнительной и судебной власти, из полновластия Советов:

«1. Вся полнота верховной власти в пределах Российской С. Фед. Сов. Республики, как законодательная, так и исполнительная, а равно судебная, принадлежит в центре — Всер. Съезду Р., К. и Кр. Деп., избранному им ВЦИК и представителю последнего Сов. Нар. Ком., а на местах — местным Советам и их представительным органам».

Обосновывая специфику системы судебных органов как части государственного аппарата, П. И. Стучка ввел понятие «технического» выделения власти, пони-

Советских Республик. В пользу последнего предположения можно привести следующие аргументы: отвергая понимание советской федерации как союза Советов, П. И. Стучка вряд ли допускал существование только федеративных советских республик; к тому времени наряду с РСФСР была провозглашена и УССР (25 декабря 1917 г.), однако название последней не содержало никаких указаний относительно федеративного характера государства.

¹⁶⁰ Ленинский сборник. XXI. Партийное изд-во, Москва, 1933 г., стр. 267.

¹⁶¹ ЦГИА ЛССР, ф. 7380, он. 1, д. 4, лл. 19—20, 23—24.

мая под этим осуществление судебными органами, которые образуются и подотчетны Советам, единой государственной власти в специфической государственно-правовой форме:

«2. Советы судебную власть технически выделяют и передают в ведение особых судебных установлений общего или специального характера, предоставляя этим установлениям самостоятельно и окончательно решать все переданные в их ведомство дела в пределах данных им полномочий.

3. Состав судебных установлений, без исключения, состоит из лиц избираемых и в любой момент свободно отзываемых Советами».

Наконец, П. И. Стучка вкратце обрисовал сложившуюся к тому времени систему советских судебных органов:

«4. Судебные установления делятся на: 1) общие — местные народные суды и советы народных судей; 2) временные — окружные народные суды и областные суды и 3) специальные суды: по ссорам между трудом и капиталом, основанные на добровольном соглашении частных лиц третейские суды, всякие примирительные камеры и т. п.»¹⁶²

Дискуссионным является вопрос о том, какие идеи получили отражение в проекте конституции, предложенном НКЮ, каков его характер. Д. А. Чугаев пишет, что П. И. Стучка, М. А. Рейснер и А. Г. Гойхбарг «критиковали Советскую Конституцию с позиции буржуазного права», что проект Комиссии ВЦИК и проект НКЮ являлись полной противоположностью, ибо М. А. Рейснер провел в последнем «все свои основные положения, направленные на отрицание основных принципов Советского государства: диктатуры пролетариата, Советской федерации, демократического централизма и социалистического демократизма».¹⁶³ С. С. Кравчук считает, что в проекте НКЮ ничего не говорилось о диктатуре пролетариата и федерация

¹⁶² ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, л. 21.

¹⁶³ Д. Чугаев. Первая Конституция Советского государства. Москва, 1949 г., стр. 156, 158.

строилась без учета особенностей быта и национального состава областей.¹⁶⁴

Г. С. Гурвич придерживался иного мнения, которое тем более интересно, что он являлся непосредственным участником работ комиссии по выработке конституции Советской Республики. Он утверждал, что между проектами «нет особенно резких принципиальных расхождений», за исключением вопроса о федерации, но и в этом вопросе расхождения не бросаются в глаза, благодаря формулировке статьи 4 проекта НКЮ.¹⁶⁵

Последняя точка зрения представляется наиболее обоснованной. Действительно, проект конституции, подготовленный комиссией по выработке конституции Советской Республики, обладал рядом достоинств и как таков лег в основу Конституции РСФСР 1918 года и в этом большая заслуга членов конституционной комиссии — большевиков и в первую очередь ее председателя Я. М. Свердлова. Это однако не может послужить причиной противопоставления обоих проектов. Такое противопоставление, допущенное в ряде исследований по проблемам истории Советской Конституции, было вызвано фактом участия И. В. Сталина — члена комиссии по выработке конституции Советской Республики — на первых ее заседаниях. В обстановке культа личности И. В. Сталина это обстоятельство послужило достаточной причиной для отрицания работы по созданию проекта конституции, проведенной вне рамок комиссии по выработке конституции Советской Республики. Толчок к этому дал А. Я. Вышинский, который все внимание сосредоточил на исследовании деятельности упомянутой комиссии, а за комиссией ЦК РКП(б) под руководством В. И. Ленина признал только «тщательное редактирование» проекта.¹⁶⁶

¹⁶⁴ С. С. Кравчук. Тридцать лет первой Советской Конституции. Изд-во «Правда», Москва, 1948 г., стр. 15.

¹⁶⁵ Проф. Г. С. Гурвич. История Советской Конституции. Изд-ие Социалистической Академии, Москва, 1923 г., стр. 82.

¹⁶⁶ Первая Советская Конституция. Сборник документов под ред. А. Я. Вышинского. Юрид. изд-во НКЮ СССР, Москва, 1938 г., стр. 17.

Изучение текста проекта конституции, разработанного в НКЮ, в увязке со взглядами непосредственных авторов проекта, изложенными в ряде статей, позволяет сделать вполне обоснованный вывод об отсутствии отличий принципиального характера между обоими проектами. Конечно, предложенному НКЮ проекту была присуща своя специфика, он содержит ряд спорных положений т. к. отражает течения правовой мысли в самом Наркомюсте, обусловленные разным подходом к решению возникших уже к самому началу революции права наиболее актуальных вопросов общей теории права, как о сущности права, о процессах развития права и др. Эти разногласия, в том числе между П. И. Стучкой и М. А. Рейснером, проявились в требованиях введения в проект тех или иных положений, но они не дают никакого основания для голословного обвинения проекта в разных погрешностях.

Вздорность обвинения в отрицании диктатуры пролетариата доказана уже вышеприведенной статьей 1 проекта, написанной П. И. Стучкой, и об этом больше говорить нет надобности.¹⁶⁷

Иначе был решен вопрос о закреплении в конституции прав и обязанностей граждан. Как мысль П. И. Стучки о том, что «хартия вольностей» граждан рабоче-крестьянской республики «в конституции гражданской войны или диктатуры пролетариата... наиболее интересна»,¹⁶⁸ так и то обстоятельство, что статья «Конституция гражданской войны» в основном

¹⁶⁷ Это подтверждается оценкой, данной статье 10 Конституции РСФСР, основную часть текста которой, как мы дальше увидим, составляет инкорпорированная статья 1 проекта НКЮ, в нашей юридической литературе. М. Г. Кириленко, например, пишет: «Важнейшим принципом Советской Конституции стал принцип подлинного социалистического народовластия, выраженного в форме всеобъемлющей системы Советов, являющихся массовой организацией именно тех классов, которые были угнетены капитализмом, то есть рабочих и полупролетариев». (Труды научной сессии, посвященной сорокалетию конституции РСФСР 1918 года, Москва, 1959 г., стр. 14.)

¹⁶⁸ Пролетарская революция и право, 1918 г., № 3—4, стр. 16.

посвящена рассмотрению «хартии вольностей», — позволяют сделать заключение, что П. И. Стучка придавал большое значение закреплению в Советской конституции прав граждан, их материальным гарантиям. Но в проекте конституции, предложенном НКЮ, о правах граждан не говорилось ничего, победила идея М. А. Рейснера, что в Советском государстве вся власть принадлежит рабочему населению страны, а в понятие «всей власти» включены и все права. По его мнению буржуазные конституции основное внимание обращали на индивида, а в советском государстве господствующим является не индивид, а рабочее общество, и поэтому декларацию индивидуальных и субъективных прав М. А. Рейснер считал противоречащей духу Советской конституции. «Смысл у Советских «свобод» может быть только один — что соответственные Совдспы должны по требованию трудящихся дать им помещения для собраний, типографии для газет и т. п. Но в таком случае, если это нужно почему-то специально оговорить, это нужно в такой именно форме и выразить; не в форме «свобод», а в форме соответственных обязанностей Советов. Вот почему в проекте Советской Конституции, представленном в свое время Коллегией Народного Комиссариата Юстиции, никаких «прав», «вольностей» или «свобод» вообще не было».¹⁶⁹

Аналогичные мысли высказал и А. Г. Гойбарг, который писал о намерении «декларативную форму провозглашения известных прав заменить нормами относительно неотъемлемых общественных прав».¹⁷⁰

Проект отражает и существующие между авторами разногласия в вопросе о федерации. В результате исправлений и дополнений П. И. Стучки в проекте (статья 8) было дано ленинское понимание федерации — субъектами советской федерации признава-

¹⁶⁹ М. Рейснер. Пролетарская конституция. — Вестник народного просвещения Союза Коммун Северной области, 1918 г., № 6—8, стр. 37—38.

¹⁷⁰ А. Г. Гойхбарг. О Советской конституции. — Пролетарская революция и право, 1918 г., № 3—4, стр. 4.

лись Советские республики.¹⁷¹ Содержание статей 5 и 12 отражает взгляды М. А. Рейснера на федерацию: ленинскому национально-территориальному принципу он противопоставил территориальный принцип, субъектами советской федерации считал отдельные Советы. Отличие между советской и буржуазной федерацией М. А. Рейснер усмотрел только в величине субъектов: «Советский строй распространил союзный принцип с крупных территориальных единиц... на мелкие... Поэтому у нас и получилась не республика кантонов, штатов или вообще областных государств, а республика Советов — всех без различия».¹⁷² Нельзя таким образом согласиться с утверждением, что в проекте вообще отрицались принципы советской федерации, но, конечно, наряду с правильными положениями проект содержит и ошибочные.

Не соответствует действительности и утверждение С. С. Кравчука, что в рассматриваемом проекте конституции игнорировались особенности быта и национального состава областей. В статье 4 первой главы вполне определенно записано: «Местные и Окружные Советы в тех случаях, когда этого требуют хозяйственные и этнографические условия, могут образовывать особые областные Союзы на Областных Съездах».¹⁷³

Положительными моментами разработанного в НКЮ проекта конституции следует считать именно наличие в нем идеи диктатуры пролетариата и федерации социалистических советских республик, весьма

¹⁷¹ В Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа говорилось о Советской Российской республике как федерации «Советских национальных республик». (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 35, стр. 221.)

¹⁷² М. Рейснер. Пролетарская конституция. — Вестник народного просвещения Союза Коммун Северной области, 1918 г., № 6—8, стр. 38.

О федерации «территориально-хозяйственных организмов (местных советов)» писал также А. А. Молочков. (А. Молочков. Поступательный прогресс. — Пролетарская революция и право, 1918 г., № 5—6, стр. 17; см. также стр. 20.)

¹⁷³ Пролетарская революция и право, 1918 г., № 3—4, стр. 53.

тщательно разработанных глав об органах государства, о бюджете республики, о гербе и флаге РСФСР.

Оказал ли проект конституции, представленный НКЮ, влияние на разработку окончательного текста конституции?

С целью выяснения этого вопроса изучались поправки В. И. Ленина к проекту Конституции РСФСР, сравнивались тексты обоих проектов и окончательный текст Конституции РСФСР 1918 года, учитывались также мнения высказанные по этому поводу в нашей юридической литературе. Это помогло дать детально разработанный ответ на вышеставленный вопрос.

В ходе работы над проектом Конституции РСФСР В. И. Ленин изучил проект конституции, представленный НКЮ, и сделал в нем свои отметки к статьям 1, 8, 12, 14 и к пунктам второму, пятому и седьмому статьи 18.¹⁷⁴ Данный проект был рассмотрен на заседании комиссии ЦК РКП(б), где было заслушано также выступление П. И. Стучки. Так как протоколы комиссии ЦК РКП(б) до сих пор не обнаружены, нет возможности выяснить подробности обсуждения этого вопроса в комиссии, в результате которого по указанию В. И. Ленина ряд положений из разработанного в НКЮ проекта конституции были включены в текст окончательной редакции проекта, разработанного комиссией ЦК РКП(б).¹⁷⁵

Во-первых, статья I почти дословно инкорпорирована в текст статьи I «Общих положений» проекта Конституции РСФСР. После утверждения Конституции

¹⁷⁴ См. Ленинский сборник. XXI. Партийное изд-во, Москва, 1933 г., стр. 267—268; Декреты Советской власти. Том II. Госуд. изд-во полит. лит., Москва, 1959 г., стр. 546—549.

¹⁷⁵ Д. А. Чугаев, признавая на деле отдельные факты использования комиссией ЦК РКП(б) материалов проекта конституции, разработанного в НКЮ, тем не менее без доказательств утверждает, что влияние этого проекта на содержание принятой V Съездом Советов Конституции РСФСР является только широко распространенной в печати легендой. (См. Д. Чугаев. Первая Конституция Советского государства, Москва, 1949 г., стр. 158.)

У Съездом Советов она стала статьей 10, которая гласит: «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах».¹⁷⁶

Во-вторых, в соответствии с пометкой В. И. Ленина к статье 12 — «разработать с обязательной гарантией равноправия и прав меньшинств»¹⁷⁷ было позаимствовано содержание пунктов X и XII статьи 27 проекта НКЮ и «Общие положения» дополнены статьями 11, 12 и 13 (после утверждения ст. ст. 20, 21, 22 Конституции РСФСР).

В-третьих, в разработанном НКЮ проекте конституции (пункт тринадцатый статьи 18) к компетенции Центральной власти РСФСР было отнесено «общее, социальное и уголовное законодательство, общее положение о судебном устройстве и судопроизводстве, а также провозглашение амнистий».¹⁷⁸

В проекте комиссии по выработке конституции Советской Республики говорилось об «основании судебных установлений».¹⁷⁹ В окончательном виде этот вопрос был решен в духе положений проекта НКЮ. Среди «предметов ведения» Всероссийского Съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета были упомянуты: «общегосударственное законодательство, судоустройство и судопроизводство, гражданское, уголовное законодательство и пр.», а также в отдельном пункте было выделено «право амнистии, общей и частичной».¹⁸⁰ В соответствии с редакцией пункта «б» статьи 13 предложенного НКЮ проекта был дополнен пункт второй статьи 100 про-

¹⁷⁶ История Советской Конституции. 1917—1956. Госуд. изд-во юрид. лит., Москва, 1957 г., стр. 145.

¹⁷⁷ Ленинский сборник. XXI. Партийное изд-во, Москва, 1933 г., стр. 267.

¹⁷⁸ Пролетарская революция и право, 1918 г., № 3—4, стр. 56.

¹⁷⁹ Там же, стр. 42.

¹⁸⁰ Там же, стр. 80.

екта Конституции РСФСР.¹⁸¹ Эти пункты неизменными вошли в утвержденный текст конституции.¹⁸²

В-четвертых, выработанный в НКЮ проект в отличие от второго проекта конституции содержал специальную главу (глава одиннадцатая) «О гербе и флаге РСФС Республики», состоящую из двух статей:

«84. Герб РСФС Республики состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-на-крест рукоятками книзу, окруженных венцом из колосьев.

85. Торговый морской и военный флаг РСФС Республики состоит из полотнища красного (алого) цвета, в левом углу которого у древка на верху помещены желтые буквы: РСФСР».¹⁸³ Незначительно дополненная данная глава была включена в текст Конституции РСФСР 1918 года.¹⁸⁴

В-пятых, проект оказал некоторое влияние при решении вопроса о включении Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа в текст конституции. Г. С. Гурвич, руководствуясь воспоминаниями участников этих событий, дает следующее их описание: «От взора т. Ленина не укрылось, что самое ценное и существенное в декларации — это перечень революционных мероприятий, уже частью осуществленных к тому времени, частью намеченных к исполнению. Не могло укрыться и то, что проект НКЮ, очень скупой на декларативного характера заявления, не мог, однако, отказаться от заимствования этого, именно, перечня, что им было сделано, впрочем, в крайне неудачной форме. Все это, естественно, привело к отысканию того первоисточника, в котором перечень этот был приведен впервые с неподражаемой

¹⁸¹ Пролетарская революция и право, 1918 г., № 3—4, стр. 54, 89.

¹⁸² См. История Советской Конституции. 1917—1956. Госуд. изд-во юрид. лит., Москва, 1957 г., стр. 151, 155.

¹⁸³ Пролетарская революция и право, 1918 г., № 3—4, стр. 67.

¹⁸⁴ См. История Советской конституции. 1917—1956. Госуд. изд-во юрид. лит., Москва, 1957 г., стр. 157—158.

Заимствование из проекта НКЮ описания герба и флага Республики признавал и Г. С. Гурвич. (См. Проф. Г. С. Гурвич. История Советской Конституции. Изд-ие Социалистической Академии, Москва, 1923 г., стр. 91.).

яркостью и непосредственностью. «Январскую Декларацию включить в июльскую Конституцию!» — сказал т. Ленин».¹⁸⁵

Следовательно, разработанный в НКЮ проект конституции сыграл весьма положительную роль в создании первой Советской Конституции и ему должно быть отведено достойное место в истории нашего конституционного права.

Принятие Конституции РСФСР 1918 года явилось стимулом для теоретических исследований в области конституционного права, разработки проблем революционного правопонимания. В ходе подготовки проекта конституции в печати своими предложениями делились члены комиссии по выработке конституции Советской Республики: М. Я. Лацис¹⁸⁶ — о реорганизации ВЦИК и ВСНХ,¹⁸⁷ Ю. М. Стеклов¹⁸⁸ — о необходимости обобщения практики Советов.¹⁸⁹ В целях разъяснения Конституции РСФСР выступили со статьями и брошюрами видные деятели Коммунистической партии, например, Н. П. Авилов-Глебов,¹⁹⁰ Н. К. Крупская¹⁹¹ и др.

¹⁸⁵ Проф. Г. С. Гурвич. История Советской Конституции. Изд-ие Социалистической Академии, Москва, 1923 г., стр. 90—91.

¹⁸⁶ М. Я. Лацис — Я. Ф. Судрабс (1888—1938) — партийный и советский работник. После Октябрьской революции работал членом коллегии НКВД и ВЧК, был председателем Чрезвычайной комиссии и Военного трибунала 5-й армии на Восточном фронте.

¹⁸⁷ См. «Известия», 4 апреля 1918 г., № 65(329); 6 апреля 1918 г., № 67(331).

¹⁸⁸ Ю. М. Стеклов (1873—1941) — после Октябрьской революции являлся членом ВЦИК, редактором газеты «Известия ВЦИК», выдающийся публицист. На V Всероссийском Съезде Советов Ю. М. Стеклов в своем выступлении 9 июля 1918 года изложил особенности Советской конституции, ее отличие от буржуазных конституций. Он охарактеризовал Первую Конституцию РСФСР как «конституцию новых социальных отношений», колоссальное значение которой заключается в следующем: «В ней русская революция окончательно сметает остатки старого строя и создает новые социальные отношения». («Известия», 11 июля 1918 г., № 144(408).)

¹⁸⁹ См. «Известия», 4 апреля 1918 г., № 65(329).

¹⁹⁰ См. Н. Глебов. Наш основной закон. Разъяснение Конституции РСФСР. Изд-во ВЦИК, Москва, 1918 г.

¹⁹¹ См. Н. Крупская. Конституция РСФСР. Изд-во ВЦИК, Москва, 1918 г.

Существенной чертой Советской конституции В. И. Ленин считал ее реальность. «Советская конституция... не сочинена юристами, не списана с других конституций. В мире не бывало таких конституций, как наша. В ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всем мире»,¹⁹² — писал В. И. Ленин. Вслед за ним П. И. Стучка констатировал, что Конституция РСФСР 1918 года «излагает организацию власти пролетариата и трудящегося крестьянства, не занимающего наемного труда».¹⁹³

Опираясь на ленинские идеи, П. И. Стучка выделил в качестве одного из принципов Советской конституции — совпадение писанной и неписанной конституции, признак, который в дальнейшем он рассматривал как присущий советскому праву вообще. Различая при буржуазном строе писанную и неписанную конституцию, т. е. действительное соотношение общественных сил и его письменное изложение, П. И. Стучка решающее значение признает за первым. Дуализм устраняется только после социалистической революции, когда при создании писанной конституции «реальное соотношение сил соответствует письменному его изложению».¹⁹⁴

Пролетарское право

К середине 1918 года вполне очевидными стали первые успехи в проведении революции права. Они заключались не только в проведении в жизнь системы правоотношений, соответствующей интересам трудящихся классов, в формировании революционного взгляда на право у все более широких масс, но также в наличии системы норм нового права — были изданы законодательные акты, содержащие правовые нормы по всем отраслям права, началась уже подготовка проектов советских кодексов, первый из которых был утвержден 16 сентября 1918

¹⁹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 37, стр. 147.

¹⁹³ Пролетарская революция и право, 1918 г., № 3—4, стр. 16.

¹⁹⁴ П. Стучка. Конституция РСФСР Республики в вопросах и ответах. Книгоизд-во «Коммунист», Москва-Петроград, 1919 г., стр. 8—9.

года («Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве»).

В процессе революции права все отчетливее раскрывалась сущность нового исторического типа права. Если в момент принятия и проведения в жизнь Декрета № 1 о суде основной проблемой общей теории права, как мы уже видели, являлась проблема революционного правосознания, то теперь Коммунистическая партия акцентировала внимание теоретиков права на изучение нового исторического типа права в целом.

К первой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, по предложению В. И. Ленина, с целью популяризации успехов советской власти было решено подготовить сборник статей «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». Статьи для сборника в основном были написаны осенью 1918 года, но издание задержалось и только в 1919 году, уже ко второй годовщине революции, книга увидела свет.

Сборник статей «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата» состоит из пяти отделов, содержащих сведения о достижениях социалистической революции в разных областях жизни.¹⁹⁵ В отделе, посвященном праву, были опубликованы статьи: «Пролетарское право» П. И. Стучки, «Пролетариат и гражданское право» А. Г. Гойхбарга, «Пролетарская революция и уголовное право» М. Ю. Козловского, «Народные суды» Д. И. Курского и «Революционные Трибуналы в практике российской пролетарской революции» Н. В. Крыленко.

В вышеупомянутых статьях П. И. Стучки и М. Ю. Козловского говорилось о праве, рожденном социалистической революцией, как о пролетарском праве. Идея пролетарского права являлась существенным достижением марксистско-ленинской правовой науки. Буржуазные ученые, отрицавшие классовый характер

¹⁹⁵ Названия отделов следующие: 1. Политическая диктатура пролетариата; 2. Экономическая диктатура пролетариата; 3. Пролетариат и культура; 4. Пролетариат и право; 5. Пролетарская революция среди капиталистического строя.

права, проповедовали теорию «единого потока», согласно которой право развивается эволюционно без революционных перемен. Этим антинаучным взглядам была противопоставлена идея «пролетарского права», в которой нашел отражение революционный переворот в праве, совершенный Октябрьской революцией, проявилось откровенное признание классового характера права. В этой связи интерес представляет вопрос о термине «пролетарское право», который ранее не упоминался в марксистской литературе. В работах К. Маркса и В. И. Ленина говорилось вообще о праве в переходный период от капитализма к коммунизму, ими была раскрыта сущность пролетарского права, но сам термин ими не употреблялся. Этот термин появляется в советской юридической литературе в 1918 году в работах П. И. Стучки и М. Ю. Козловского.¹⁹⁶ Сейчас трудно установить, кто первым употреблял термин «пролетарское право». П. И. Стучка впоследствии разъяснил, что он «статью («Пролетарское право» — А. П.) в сборнике «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», составленном в ознаменовании первой годовщины «октября» осенью 1918 г., писал по заданной ЦК партии теме».¹⁹⁷ Из этого можно предположить, что термин «пролетарское право» исходил из ЦК РКП(б).

Статьи П. И. Стучки, М. Ю. Козловского и А. Г. Гойбарга, опубликованные в вышеупомянутом сборнике, были первые в нашей литературе, написанные с целью осветить вопросы о характере и перспективах развития пролетарского права в целом и отдельных его отраслей с юридической точки зрения, представляющие тем больший интерес, что рукописи всех статей для сборника «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата» до их напечатания были просмотрены

¹⁹⁶ Сам термин не рождался сразу, а выработался в результате постепенного осмысления процессов социалистической революции. Сначала появились термины «пролетарский суд» и «пролетарское правосознание», а потом название распространилось и на право вообще. (П. Стучка. Правосудие нового строя. II. — «Известия», 7 июня 1918 г., № 115(379).)

¹⁹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 58, л. 342.

В. И. Лениным.¹⁹⁸ Статьи М. Ю. Козловского «Пролетарская революция и уголовное право» и А. Г. Гойхбарга «Пролетарская революция и гражданское право» вначале были опубликованы в первом номере журнала «Пролетарская революция и право», датированном 1 августом 1918 года. Статья П. И. Стучки, судя по его высказываниям, написана в начале октября 1918 года, однако целесообразно сначала рассмотреть ее, ибо здесь вопрос о пролетарском праве является центральным.

Статью «Пролетарское право», как вспоминает П. И. Стучка, ему, отсутствовавшему из Москвы,¹⁹⁹ пришлось написать за исключительно короткий срок — 10 дней, однако она заслужила положительную оценку В. И. Ленина. П. И. Стучка писал: «Я не знаю, остались ли следы (заметки или т. п.) его (В. И. Ленина — А. П.) мнения в письменной форме, на словах он выразил неожиданно лестный для меня отзыв на мою статью. . .»²⁰⁰

Статья П. И. Стучки «Пролетарское право» носит сводный характер и исключительно разнообразна по количеству охватываемых вопросов. В ней П. И. Стучка пересказывает выводы, изложенные им в своих ранее опубликованных статьях, в которых обобщался опыт Октябрьской революции в области строительства народных судов и революции права. Статья состоит из четырех частей.

В первой части центральным является вопрос об отношении пролетарской революции к праву. П. И. Стучка констатировал, что пролетарская революция отрицает буржуазное право и создает новое —

¹⁹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 58, л. 342.

¹⁹⁹ С 6 по 23 сентября 1918 года П. И. Стучка находился в Берлине, где в качестве представителя РКП(б) принимал участие на партийной конференции и совещаниях партии независимых социалистов Германии. (Подробнее об этом см. «Правда», 24 ноября 1918 г., № 255.)

²⁰⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 58, л. 342.

Статья была издана в 1919 году на латышском языке в переводе Д. Стучки, однако заглавие было переведено неточно как «Пролетарская законность». (P. Stučka. Proletariāta likumība. Rīgā, 1919. g.).

пролетарское право как право переходного периода от капитализма к коммунизму. Пролетарское право в своем развитии проходит две стадии: право переходного времени или право диктатуры пролетариата и право социалистического общества. Относительно первого из них, он поясняет: «И этот переходный период требует особого права переходного времени, отчасти потому, что самый строй меняется не в один миг, отчасти же потому, что старый строй продолжает жить в головах людей как традиция прошлого».²⁰¹

Частью всей данной проблемы у П. И. Стучки является вопрос об отношении революции к нормам предшествующего исторического типа права. В противовес буржуазной революции, которая терпимо относилась к старым нормам права и старые законы продолжали применяться, пролетарская революция «торжественно бросает на костер все 16 томов «Сводов законов Российской империи.»²⁰² Но П. И. Стучка, как последовательный диалектик, не отрывал задачу отменительную от созидательной. Отвергая старые законы, левозсеровские попытки рецепции старых норм права под видом переработки их в новые кодексы, П. И. Стучка тем не менее никогда не выступал против законов вообще. И блестящая к этому иллюстрация то исключительное внимание, которое он уделяет проблеме разработки норм права в своей статье о пролетарском праве. П. И. Стучка усматривает задачу в том, чтобы «закрепить в статьи действительные завоевания пролетарской революции», «творить новые, действительно революционные законы».²⁰³

И как ответ бессмысленному обвинению — в мечтании о полном уничтожении законов, выдвинутому А. Я. Вышинским в адрес П. И. Стучки,²⁰⁴ воспринимаются сегодня слова П. И. Стучки:

²⁰¹ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 259.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ А. Я. Вышинский. Вопросы теории государства и права. Госуд. изд-во юрид. лит., Москва, 1949 г., стр. 77.

«Нет, мы не анархисты, а напротив, придаем большое, может быть подчас чрезмерное значение законам, но только законам нового строя. И эти законы настолько же соответствуют старым законам, насколько новый строй может быть согласован с отвергнутым или отмирающим строем».²⁰⁵

Во второй части рассмотрен народный суд в системе нового государственного аппарата. П. И. Стучка еще раз возвращается к отстаиваемому им уже ранее в теории — статья «Старый и новый суд», на практике — в набросках к проекту конституции — принципу единства законодательной, исполнительной, судебной власти как характерной черты социалистического государства. Особая судебная власть признается только как «техническое разделение труда».

П. И. Стучка видел в народном суде творческую силу, участвующую в созидательной работе пролетарской революции. Правотворческая роль народного суда не выражается в применении старых прецедентов, а обусловлена тем, что ему неоткуда и нечего позаимствовать. «Всякое позаимствование, — утверждает П. И. Стучка, — ведет к сознательной или бессознательной контрреволюции».²⁰⁶

Логическим выводом из этого тезиса является третья часть статьи, где П. И. Стучка показывает как в советском законодательстве проявилось отрицательное отношение пролетарской революции, которая «старых законов... признавать не могла», к сохранившим силу буржуазным нормам права. Целесообразность формулировки статьи 5 Декрета № 1 о суде и примечания к ней проверена практикой и выражается в полном отрицании буржуазного права. Пересказав содержание 8 декретов, изданных в течении первого года революции, начиная с Декрета о земле, П. И. Стучка констатирует, что «в результате камня на камне не осталось от всего буржуазного права».²⁰⁷

²⁰⁵ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 260.

²⁰⁶ Там же, стр. 264.

²⁰⁷ Там же, стр. 268.

Разработка новых законов осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, для этого необходимо время. Во-вторых, «взаимоотношения людей в переходное время не отличаются постоянством и говорить о закреплении на письме права переходного момента можно только со значительными оговорками».²⁰⁸

Признавая задачей момента кодификацию пролетарского права переходного времени, П. И. Стучка в четвертой части статьи, посвященной этому вопросу, в качестве важной цели выдвигает доступность законов — «кодекса» народу. Пролетарское право, по его мнению, «есть прежде всего упрощение, популяризация нашего нового общественного строя».²⁰⁹

П. И. Стучка сделал попытку наметить примерную систему пролетарского права, он говорил о «систематическом сборнике», «кодексе» пролетарского права, различая в нем следующие части: Советская Конституция, права и обязанности граждан, как российских, так и чужестранцев, социальное право (семейное право, имущественные права, правила о труде), договорное право, международное право. Хотя само разделение отраслей довольно далеко от нашего сегодняшнего понимания вопроса, но проблема была поставлена, причем поставлена впервые.²¹⁰

В кодификации П. И. Стучка рекомендовал прежде всего разделить все нормы права на основные и технические. Основные нормы права в «кодексе» пролетарского права наиболее существенные, которые нужно знать широким массам, наиболее стабильные. Основное право дополняется дальнейшими узаконениями —

²⁰⁸ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 265.

²⁰⁹ Там же, стр. 271.

²¹⁰ Это тем более примечательно, что еще 10 лет спустя, например, Е. Б. Пашуканис пытался оспаривать возможность создания системы права переходного периода.

А. Я. Вышинский, извращая взгляды П. И. Стучки, необоснованно приписал и П. И. Стучке мысли об отрицании возможности создания системы советского социалистического права. (См. А. Я. Вышинский. Вопросы теории государства и права. Госуд. изд-во юрид. лит., Москва, 1949 г., стр. 77.)

«техническими инструкциями, руководствами, в которых обязательны лишь самые общие места».²¹¹

Такова в общих чертах, предложенная П. И. Стучкой позитивная программа, которая при знакомстве со статьей «Пролетарское право» и представляет наибольший интерес. Заслуга П. И. Стучки в том, что он не только пытался дать общую характеристику пролетарского права, но и наметил практический план его дальнейшей разработки.

Статьи М. Ю. Козловского «Пролетарская революция и уголовное право» и А. Г. Гойхбарга «Пролетарская революция и гражданское право», как это уже видно из их названия, были написаны с целью показать изменения, внесенные пролетарской революцией в отраслях уголовного и гражданского права. Но мы не ставим задачу освещения развития отдельных отраслей права и затрагиваем эти вопросы только в той степени, в какой они переплетаются с формированием нового революционного взгляда на право.

В статье М. Ю. Козловского, написанной с марксистских позиций, дан короткий обзор возникновения и развития права, в том числе и его судьбы после социалистической революции, сделана попытка доказать неизбежность исчезновения преступлений в связи с исчезновением «классового строя».

М. Ю. Козловский защищал марксистский тезис, что право рождается с разделением общества на классы и исчезает с исчезновением классов. Смена исторических типов права происходит революционным путем: «Рост средств производства неизбежно приводит к такому фазису эволюции производственных отношений, когда право, правовые формы становятся из

²¹¹ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 270.

Впоследствии, когда кодификация была уже проведена, П. И. Стучка касаясь мыслей, высказанных в статье «Пролетарское право», писал: «Мы, к сожалению, не пошли по указанному пути, а перепутали в одном кодексе общие начала и технические правила, объявляя их одинаково обязательными. От этого пути действительно пора отступить». (П. Стучка. Классовое государство и гражданское право. Изд-ие СА, Москва, 1924 г., стр. 72—73).

средств охраны оковами этих отношений, тормозом развития материальных интересов. Тогда происходят революции и разрушается существовавший правовой порядок».²¹²

Право в подлинном его смысле, в эксплуататорском обществе — «система угнетения большинства меньшинством».²¹³ Совершенно иной характер право приобретает после социалистической революции. Переходный строй от капитализма к социализму творит пролетарское право — «право не в подлинном его смысле». Примечательна попытка М. Ю. Козловского конкретизировать основные этапы развития пролетарского права.

Первый этап — это переходный период от капитализма к социализму, от социалистической революции до победы над буржуазией и упрочения господства рабочего класса. Право этого периода — «средство подавления сопротивления меньшинства трудящимися классами», оно само — результат правотворчества трудящихся масс. «В эту эпоху — право не кодекс, не писанный свод законов; без всяких законов, без особых правил вооруженный народ борется со своими классовыми противниками».²¹⁴

Второй этап — это социалистическое общество. Право здесь существует в качестве «внешней охраны производственных отношений». И, наконец, последний этап — переход к коммунизму, когда право постепенно отмирает. М. Ю. Козловский подошел довольно близко к пониманию новых черт права при полной и окончательной победе социализма: «С окончательным подавлением буржуазии пролетарское «право» будет постепенно терять свои функции и заменяться правилами организаций хозяйственной жизни — производства, распределения, потребления».²¹⁵

М. Ю. Козловский верно изложил марксистско-ленинский взгляд на развитие права. В 1918 году раз-

²¹² Пролетарская революция и право, 1918 г., № 1, стр. 23.

²¹³ Там же, стр. 24.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же, стр. 25.

работка советского права только началась. Были допущены и ошибки. Ошибочно было предположение М. Ю. Козловского, что в течение всего переходного периода так и не будет кодексов, писанного свода законов.

А. Г. Гойхбарг²¹⁶ пытался соединить учение марксизма с теорией социальных функций Леона Дюги и юридическим социализмом Карла Реннера, что наложило отпечаток и на содержание статьи «Пролетарская революция и гражданское право». Наличие права, по его мысли, в обществе вызвано «постоянной борьбой людей», но не в качестве классовой борьбы — такого термина А. Г. Гойхбарг не употреблял, а борьбу между отдельными индивидами, группами, государствами. Право является «организацией принуждения», «общественным принуждением», «общественной необходимостью».²¹⁷

А. Г. Гойхбарг говорил о замене буржуазного строя социалистическим, но этот процесс сводил к устранению, опять-таки, «всякой борьбы между людьми на почве материальных средств существования».²¹⁸ Он предполагал, что с исчезновением борьбы между людьми исчезнет и право.

А. Г. Гойхбарг признал правильными идеи Карла Реннера в отношении революций. Различие между буржуазной и социалистической революциями он

²¹⁶ А. Г. Гойхбарг (1883—1962) — в 1918 году работал в Отделе законодательных предположений и кодификации, а в 1920—1921 годах членом коллегии Наркомюста. В дальнейшем председателем Малого Совнаркома (1921—1923).

А. Г. Гойхбарг работал в области гражданского, семейного и гражданского процессуального права, в 1918 году на основе старых процессуальных законов им был разработан проект Устава Гражданского Судопроизводства. (См. Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Народный Суд. Выпуск IV. Изд-ие НКЮ, Москва, 1918 г.) Наряду с рассматриваемой статьей А. Г. Гойхбаргом в 1918 году были написаны: «Отмена наследования», «О браках и разводах», «Первый кодекс законов РСФСР» и другие статьи, а в 1919 году появился в свет сборник «Пролетариат и право» и брошюра «Социальное законодательство Советской Республики».

²¹⁷ Пролетарская революция и право, 1918 г., № 1, стр. 9.

²¹⁸ Там же.

усмотрел в следующем: буржуазные революции характеризуют обезгосударствление экономической жизни, а в пролетарской революции «организованное общество берет в свои руки господство над экономией, — такова материальная задача пролетарского новообразования». ²¹⁹ Ограничиваться только констатацией этой, не самой отличительной чертой пролетарской революции, значит, с обратной стороны, защищать ту же самую мысль юридических социалистов — «о вращении по пути права и притом только легальным путем в новое общество». ²²⁰ Империалистическое государство в наше время все активнее вмешивается в вопросы управления экономикой и этот процесс как прямые апологеты буржуазии, так и правоопортунистические лидеры в международном рабочем движении представляют как вращение в социализм. Но если заправила буржуазного мира возлагали особые надежды на применении методов государственного регулирования экономики, то «это не привело и не может привести к излечению капитализма от его коренных пороков». ²²¹

Процесс создания советского права А. Г. Гойхбарг сначала представлял в виде эволюции и дал отрицательный ответ на вопрос, могут ли «быть изданы декреты об отмене всего прежнего буржуазного правового уклада» немедленно после начала пролетарской революции. ²²² Принципиальные различия между правом советским и правом предшествующих исторических типов А. Г. Гойхбаргом ступшевывались. Он предполагал, что изменения в праве произойдут в течение всего переходного периода от капитализма к социализму, когда некоторые области права будут бурно развиваться, а другие хиреть и исчезать.

А. Г. Гойхбарг различал отдельные части юридической надстройки, но революция права им была понята неправильно. Он предполагал, что в отличие от области

²¹⁹ Пролетарская революция и право, 1918 г., № 1, стр. 12.

²²⁰ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 211.

²²¹ «Правда», 30 марта 1966 г., № 89(17406).

²²² Пролетарская революция и право, 1918 г., № 1, стр. 10.

законодательства, действовавшее право — под этим, надо думать, подразумевалась система правоотношений — «сравнительно давно уже скрывало в себе тенденции нового строя»,²²³ другими словами — формирование социалистических правоотношений началось уже в буржуазном обществе.

Несколько односторонне А. Г. Гойхбарг оценил роль норм права при социализме. Он правильно считал, что пролетарскую революцию нельзя осуществить путем декретов и законов, определяющих «способы, которыми могут быть приобретены те или иные права», предостерегал от чрезмерной веры в декреты и законы, но сущность закона в процессе социалистической революции не понимал. Государство должно заниматься организацией управления, и намечание задач и планов «совершается первоначально также в виде постановлений, с виду похожих на прежние законы».²²⁴

И отдельные последующие работы А. Г. Гойхбарга содержат фрагменты, позволяющие судить о взглядах автора по вопросам общей теории права. Так, в вопросе о революции права А. Г. Гойхбарг несколько позднее требовал более решительных преобразований: «Трудовое общество должно уничтожить всю существовавшую в буржуазном обществе частно-правовую форму экономических отношений, всю частно-правовую регулировку отношений имущественных и отчасти личных, — иначе все гражданское право».²²⁵

В статье «Первый кодекс законов РСФСР» А. Г. Гойхбарг, говоря о перспективах развития «кодексов пролетарской власти» или «кодексов пролетарских законов», как им назывались нормы советского права, высказал определенно правильную мысль о возрастании роли норм организационного характера. Но в изображении этого процесса он исходил только из функций норм права, предполагал, что с полной победой социализма лишними станут нормы, выполняющие функции «угнетения воли отдельных людей»,

²²³ Пролетарская революция и право, 1918 г., № 1, стр. 10.

²²⁴ Там же, стр. 14—15.

²²⁵ А. Г. Гойхбарг. Пролетариат и право. Изд-ие НКЮ, 1919 г., стр. 37.

но останутся нормы организационные, выполняющие функции «рационального, разумного учета, организации и распределения материала, сил и средств общества».²²⁶

В связи с разработкой теоретических основ отдельных отраслей пролетарского права, и другими авторами были написаны работы, представляющие интерес с точки зрения изучения формирования общей теории права.

По отдельным вопросам науки права статьи представил А. А. Яблоньский,²²⁷ пытавшийся как-будто бы с марксистских позиций осмыслить процессы революции права. Но его суждения все-таки довольно далеки от марксизма. Советскому праву он приписывал черты внеклассового явления. А. А. Яблоньский в национализации промышленных и торговых предприятий увидел причину тому, что «право теряет свой характер орудия классовой борьбы, а становится организационно-технической нормой, указывающей каждому его место в производстве, в зависимости от квалификации».²²⁸ Понятие правовой нормы А. А. Яблоньский толковал расширенно: в капиталистическом обществе к правовым нормам кроме законов относятся и «правила, инструкции и т. п., которые устанавливает отдельный предприниматель-хозяин для своего предприятия», а в Советском государстве правовой нормой становится коллективный договор.²²⁹

По существу на позициях нормативизма стоял А. А. Молочков.²³⁰ Рассматривая нормы права —

²²⁶ Пролетарская революция и право, 1918 г., № 7, стр. 5.

²²⁷ А. А. Яблоньский — в 1918 году работал юрисконсультom Отдела законодательных предположений и кодификации НКЮ, написал следующие статьи: Мировое гражданство. («Известия», 13 октября 1918 г., № 223(487).); Конституция труда. (Пролетарская революция и право, 1918 г., № 5—6.); Основные начала земельного права. (Пролетарская революция и право, 1918 г., № 7.).

²²⁸ Пролетарская революция и право, 1918 г., № 5—6, стр. 10.

²²⁹ Там же, стр. 6, 8.

²³⁰ А. А. Молочков — в 1918 году член Президиума Совета народных судей города Москвы, в 1919 году помощник редактора Отдела законодательных предположений и кодифика-

«нормы социальной власти», он подходил к их изучению с формально-логической стороны и предложил следующее деление: нормы руководящие — нормы максимум, нормы охранительные — нормы минимум и нормы реализуемые — нормы осуществляемого. «В вопросе о функциях власти правильнее методологически исходить не от органов власти — элемента вторичного, а от самого содержания норм социальной власти, элемента в известном смысле первичного», — утверждал А. А. Молочков и на деле игнорировал специфику норм права, смешивал правовые нормы с нормами общественных организаций.²³¹

Наряду с написанными Д. И. Курским в рассматриваемый период статьями по вопросам организации и деятельности народного суда, особо стоит его статья «Новое уголовное право», посвященная одной отрасли права — советскому уголовному праву. Наличие к тому времени значительного количества декретов, содержащих уголовно — правовые нормы, позволяло Д. И. Курскому наметить примерную систему норм советского уголовного права. Но декреты, предусматривающие те или иные составы преступлений, в тот период часто содержали нормы, характеризующиеся недостаточно определенной диспозицией и санкцией, что было естественно для только что начинающей свой путь развития отрасли права. Это обстоятельство отметил и Д. И. Курский, обращая особое внимание на правотворческую деятельность пролетарского народного суда, где большая роль принадлежит правосознанию: «Но деятельность претора или роль судьи буржуазного права коренным образом отличается от правотворческой деятельности пролетарских народных судов. Претор или буржуазный судья только дополнял закон толкованием т. е. выполнял подсобную функ-

ции НКЮ, написал статьи: Поступательный прогресс. (Пролетарская революция и право, 1918 г., № 5—6.); Путь к власти. (Пролетарская революция и право, 1918 г., № 8—9—10.); На тему о социальных нормах. (Пролетарская революция и право, 1919 г., № 1(11).) и др.

²³¹ Пролетарская революция и право, 1919 г., № 1(11), стр. 86—88.

цию. Рамки деятельности пролетарского народного суда не только несравненно шире и в этой функции, поскольку существуют определенные нормы, но и самое существо деятельности народного суда коренным образом отлично: в своей основной деятельности — уголовной репрессии — народный суд абсолютно свободен и руководствуется прежде всего своим правосознанием». ²³² Однако специфику советского уголовного права того времени, вызванную недостаточной разработкой правовых норм, Д. И. Курский считал вообще характерной для советского уголовного права и в связи с этим переоценивал значение правосознания в деятельности народного суда в будущем и выступал против точного определения в законе «состава преступления» и «меры наказания». Задачей науки «современного» т. е. советского уголовного права, по его мнению, является — «наметить общие основы нового уголовного права, фиксировать внимание народного суда на этих основах, не нарушая свободы правотворчества самого суда». ²³³

**Руководящие начала
по уголовному праву
РСФСР**

Существенную роль в разработке вопросов общей теории права сыграли

«Руководящие начала по уголовному праву РСФСР». Этот документ был опубликован за подписью П. И. Стучки в декабре 1919 года. В юридической литературе по сей день является спорным вопрос об авторстве этого документа. ²³⁴ Есть основания считать

²³² Пролетарская революция и право, 1919 г., № 2(12)—4(14), стр. 23.

²³³ Там же, стр. 30.

²³⁴ В нашей юридической литературе в большинстве случаев автором «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» признается М. Ю. Козловский. (См. П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 21; В. Иванов. У истоков советского уголовного законодательства. — Советская юстиция, 1967 г., № 3, стр. 11—12.) М. И. Блум считает П. И. Стучку «одним из основных авторов» этого документа. (О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке. Изд-во «Звайгзне», Рига, 1965 г., стр. 192.)

«Руководящие начала» в какой-то степени коллективно разработанным документом, первоначальная редакция которого была подготовлена М. Ю. Козловским. Проект «Руководящих начал» подвергся детальному обсуждению на ряде заседаний коллегии НКЮ под председательством П. И. Стучки,²³⁵ с участием членов коллегии М. Ю. Козловского, П. А. Красикова, Л. А. Саврасова и Н. А. Черлюнчакевича. На заседании коллегии 25 июля 1919 года с поправками были приняты введение и 9 первых статей, 8 августа — принято до статьи 23, 13 августа — до статьи 26. 11 ноября на заседании коллегии для участия в дальнейшем обсуждении проекта решили пригласить Д. И. Курского. Однако последний по какой-то причине лично явиться не мог и прислал письменное заявление, которое было обсуждено на заседании коллегии 25 ноября и решено принять за основу «наказа» уже принятый коллегией проект М. Ю. Козловского. 2 декабря вопрос рассматривался в последний раз и было постановлено: «Принять весь проект со сделанными поправками; внести особую статью об условном наказании, поручив ее редакцию т. т. Козловскому и Черлюнчакевичу и подписать т. Стучка, при его согласии, без представления в Коллегию».²³⁶

В рукописи «Третий год Советской юстиции», где П. И. Стучка выдвинул задачу завершения кодификации пролетарского права переходного времени, «Руководящие начала» расценивались в качестве важной части этой работы. П. И. Стучка писал: «Самая трудная задача в этом отношении уже начата; на днях будут опубликованы руководящие начала Сов. уголовного права, являющиеся общею частью сов. уголовного уложения. В коротеньких тезисах тут будет изложено

²³⁵ В 1919 году Д. И. Курский, Народный комиссар юстиции, был мобилизован партией и назначен комиссаром главного полевого штаба и членом Реввоенсовета. (См. М. Л. Шифман. Дмитрий Иванович Курский. Изд-во МГУ, 1956 г., стр. 14.) Во второй половине 1919 года во время его отсутствия заседаниями коллегии НКЮ руководил заместитель наркома П. И. Стучка.

²³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 3, л. 216; см. также лл. 208—215.

то, что коренным образом отличает советского криминалиста от буржуазного». ²³⁷

В «Руководящих началах» была сделана первая попытка дать с марксистских позиций официальное определение права:

«Право — это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой». ²³⁸

Изложение определения права в нормативном акте беспрецедентный случай. Какую цель этим преследовали авторы «Руководящих начал», чье это предложение — сегодня точно установить не представляется возможным. Вряд ли такой целью являлось использование формы официального документа для придания большего веса определению. Гораздо вероятнее — авторами преследовалась цель ориентировать судебных работников сосредоточить основное внимание на проведение в жизнь норм советского права, на охрану системы правоотношений, соответствующей интересам трудящихся классов, а также предостерегать практических работников от узконормативного, формального подхода к праву.

Хотя определение права, данное в «Руководящих началах» является исходной точкой дальнейших теоретических исследований П. И. Стучки по вопросу о понятии права, он не преклонялся слепо перед ним и впоследствии писал, что это определение было основано лишь на революционном чутье, а не на глубоком изучении вопроса. Взяв за основу это определение, но отнюдь не ограничиваясь его рамками П. И. Стучка в 1921 году написал книгу «Революционная роль права и государства».

Революционная роль права и государства

Существование
многочисленных,
противоречивых,

часто неправильных толкований важнейших проблем общей теории права тормозило дальнейшее развитие

²³⁷ ПА ЦК КПЛ, ф. 55, оп. 4, д. 16, л. 14.

²³⁸ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. ЛГИ, Рига, 1964 г., стр. 702.

всей юридической науки. Сознвая это и учитывая свои возможности, П. И. Стучка счел целесообразным выступить на основе учения марксизма-ленинизма с попыткой решения в целом основных проблем общей теории права, выдвинутых революцией права. Результатом этой работы была книга «Революционная роль права и государства».

Книга «Революционная роль права и государства» является своего рода рубежом, где завершается один и начинается другой период развития общей теории права в нашей стране. В книге П. И. Стучка не только подвел итог начальному периоду развития общей теории права, но и поставил вопросы, решить которые можно было только в ходе дальнейшей революции права.

С 1921 года начинается новый этап в развитии Советского государства — этап мирного строительства. Гражданская война закончилась, однако положение страны было тяжелым — народное хозяйство было сильно разрушено. В этой обстановке X съезд РКП(б) принял решение о переходе к новой экономической политике.

Строительство основ социализма путем использования торговли, рынка и денежного обращения обуславливали необходимость дальнейшего развития советского права, еще более острой стала необходимость разработки новых норм советского права и их кодификации. Для решения практических задач необходимо было создать прочную теоретическую основу, создать цельное учение о праве с позиций марксизма-ленинизма и очистить теорию права от буржуазного мировоззрения.

Зимой 1921 года в Оргбюро ЦК РКП(б) рассматривался вопрос о написании учебника по теории и практике советского права. Оргбюро ЦК РКП(б) 31 января 1921 года постановило: «Поручить т. Стучке написать... учебник в течение 2—3 месяцев».²³⁹

Книгу П. И. Стучка написал в течение четырех с половиной месяцев. В письме В. И. Ленину от 21 июля 1921 года П. И. Стучка писал:

²³⁹ ПА ЦК КПЛ, ф. 55, оп. 7, д. 3, л. 3.

«Я хотел Вас также просить просмотреть в рукописи мою работку «Революционная роль права», но не застав Вас, сдал в печать и готовлю немецкий перевод. Боюсь, не слишком ли она вышла юридической, но без этого нельзя было обойтись. Это общая часть, которая должна составить введение к системе Советского гражданского права, пожалуй, еще трудно уловимого».²⁴⁰

Необходимость написания «Революционной роли права и государства» П. И. Стучка мотивировал тем, что правовые проблемы юристами-марксистами совершенно не изучались, что буржуазное мировоззрение обитает в головах у широких масс, а выпавшая на его долю задача «закрытия старого суда и упразднения права», как бы обязывали его исполнить то, за что по той или иной причине не взялись другие, а именно: теоретически изложить то, что сделала в области права наша революция.²⁴¹

Книга П. И. Стучки являлась первым целостным трудом по теории права, написанным на основе учения марксизма-ленинизма.²⁴²

²⁴⁰ ПА ЦК КПЛ, ф. 55, оп. 4, д. 16, л. 9.

²⁴¹ П. И. Стучка. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве и государстве. 1. Общее учение о праве. Госуд. изд-во, 1921 г., стр. 4.

²⁴² Первое издание книги «Революционная роль права и государства» состоит из предисловия и следующих глав: 1. Что такое право? 2. Общественные отношения и право; 3. Классовый интерес и право; 4. Организованная власть господствующего класса и право; 5. Право — революция; 6. Право и закон; 7. История нашего правопонимания; 8. Разграничение отраслей права; 9. Исторические заметки о советской организации власти.

В 1923 году П. И. Стучка писал, что он «дал или пытался дать цельную концепцию, целостное понимание права» (П. И. Стучка. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 2-е издание, 1923 г., стр. 8).

Г. Я. Клява констатирует, что «этой книгой было положено начало разработке вопросов марксистско-ленинской общей теории права как особой отрасли советской правовой науки» (О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке. Сборник статей. Изд-во «Звайгзне», Рига, 1965 г., стр. 109).

В ней рассмотрены важнейшие проблемы: обоснована специфика советской юридической науки, как подлинной науки, дано понятие права, как сложного меняющегося социального явления, рассмотрены признаки права, проблема соотношения между правом и революцией, подчеркнут революционный характер советского права, и, наконец, разоблачена сущность и служебная роль буржуазных теорий права.²⁴³

Выясняя, почему ни одна буржуазная школа права не смогла дать ответа на вопрос, что такое право, П. И. Стучка вполне определенно сформулировал вывод о коренном различии между буржуазной и советской науками права.

Для советской правовой науки прежде всего характерно признание классового характера права. П. И. Стучка пишет, что «только классовое понимание права вносит необходимую определенность, без кото-

²⁴³ О значении данной книги в формировании марксистского взгляда на право у практических работников юстиции свидетельствует написанное в декабре 1922 года письмо предсовнарсуда Армянской ССР А. Есяян:

«Дорогой друг — учитель Стучка. Сейчас в 1 ч. 15 минут ночи я кончил чтение вашей книги «Революционная роль права и государства». Смешно в моем возрасте (30 лет) прибегать к таким приемам благодарности, свойственным истеричкам барышням в отношении любимчиков артистов и певцов, но простите за человеческую слабость и примите мою искреннюю благодарность за то, что меня из слепого сделали зрячим.

Я кончил юридический факультет Моск. Университета и в течение 4 лет изучал право, но по совести сказать ничего из всей этой путаницы не вынес.

Не потому, что изучал эту «науку» плохо (я занимался добросовестно и много), а потому, что сама «наука» была малопутная. Я удовлетворительно был знаком и с марксизмом, но путаницу такую создали в университете, что теорию Маркса не удавалось применять к распознаванию права.

Впервые основательно, ясно, по человечески, а не по «ученому» я распознал учение о праве и государстве. В течение 2 дней я приобрел то, что не мог приобрести в университете в течение 4 лет и последующих 4 лет судебной практики.

Примите мою благодарность и любовь...» (ПА ЦК КПЛ, ф. 55, оп. 7, д. 3, лл. 6—7).

рой юриспруденция есть только простая техника словесности».²⁴⁴

Мысль П. И. Стучки о коренном отличии советской правовой науки от буржуазной уловил один из основоположников школы нормативизма Г. Кельзен, который в книге «Коммунистическая теория права», пишет: «Также как Ленин, который псевдонауке о государстве, развитой буржуазными учеными, противопоставил настоящую науку, свою доктрину государства, Стучка противопоставил буржуазной доктрине права, которую он считает не научной действительно научную доктрину, свою марксистскую доктрину права (пер. мой — А. П.)».²⁴⁵ Но, разумеется, эта мысль оказалась не по душе такому откровенному идеологу буржуазии, как Г. Кельзен и он в своей книге этому вопросу посвящает целый раздел «Научный характер юриспруденции и признание классового характера права», в которой пытается доказать, что буржуазная наука все же является наукой, хотя и не признает классового характера права, т. е. не стоит на откровенно классовых позициях. Для этого Г. Кельзен ссылается на якобы присущую буржуазной юриспруденции объективность: некоторые буржуазные, мол, ученые не только оправдывают, но и выступают против капиталистической системы. Явно извращая мысли П. И. Стучки, Г. Кельзен приписывает ему отрицание научного характера буржуазной науки лишь потому, что она стоит на точке зрения класса, враждебного рабочему классу. Этим Г. Кельзен пытается доказать, что советская юриспруденция тоже не является наукой, ибо стоит на точке зрения рабочего класса, враждебного классу капиталистов.²⁴⁶ Но ведь П. И. Стучка вполне определенно писал, что юриспруденция «может сделаться наукой, лишь став на классовую точку зрения, безразлично, на точку ли зрения рабочего или враждебного ему класса, но классовую». Им дан также вполне обоснованный ответ на вопрос, почему это

²⁴⁴ П. Стучка. Революционная роль права и государства..., стр. 13.

²⁴⁵ Н. Kelsen. The communist theory of law. London, 1955, p. 71

²⁴⁶ Ibid., p. 74—75

невозможно для буржуазной науки: «Может ли она это? Нет, она не может. Ибо, внеся революционную (классовую) точку зрения в понятие права, она «оправдала» бы, сделала бы законной и пролетарскую революцию».²⁴⁷

П. И. Стучка очень метко охарактеризовал сущность классового, т. е. марксистско-ленинского понятия права: стать на классовой точке зрения по вопросу о праве означает признать классовую борьбу, выражение в праве интереса победившего класса, закономерную смену одного типа права другим — более высоким.

Своей книгой П. И. Стучка добивался утверждения марксистско-ленинских идей в науке о праве. Трудности у П. И. Стучки усугублялись тем, что взгляды классиков марксизма-ленинизма на право нигде еще не были систематически изложены. Говоря о юридической литературе, он писал: «Я, когда писал свою книжку, я ни в одной не нашел определения классового характера, ни у одного марксиста заграничного, кроме тех слов, которые были известны у нас в России».²⁴⁸

Последовательно применяя марксистско-ленинскую методологию, П. И. Стучка определил важнейшие признаки права.

Во-первых, он обратил внимание на классовый характер права. В соответствии со взглядами К. Маркса и В. И. Ленина, при изучении права он исходил из классовой борьбы, из классового интереса, подчеркивал, что право соответствует интересам господствующего класса: «Основным признаком той системы общественных отношений, — писал П. И. Стучка, — которая охватывается понятием «право», мы отметили ее соответствие интересу господствующего класса».²⁴⁹ П. И. Стучка выступал против вульгарного понимания интереса класса как «простой суммы отдельных инте-

²⁴⁷ П. Стучка. Революционная роль права и государства..., стр. 10.

²⁴⁸ ААН СССР, ф. 350, оп. 1-а, д. 19, л. 41.

²⁴⁹ П. Стучка. Революционная роль права и государства..., стр. 29.

ресов». Этот интерес отличается от интересов индивидов и юридических коллективов и П. И. Стучка на основании данного В. И. Лениным понятия класса выделял интерес класса «моментом, накладывающим отпечаток на всю совокупность борьбы данного класса. Это тот фокус, в котором отражается весь жизненный интерес данного класса. Этот интерес существует объективно, помимо воли самих членов класса, и степень сознания классом своего интереса — явление чисто историческое».²⁵⁰

Правильная постановка вопроса о классовом характере права позволяла сделать вывод, что в обществе, где нет классов, не существует и права. При первобытном коммунизме отношения между членами рода регулируются «нравами», «обычаями», носящими характер технических правил и только с разложением общества на антагонистические классы рождается право.

Во-вторых, П. И. Стучка правильно раскрыл неразрывную связь между правом и государством. П. И. Стучка писал об охране права «организованною властью этого класса», но под последней понимал «в первую голову государство».²⁵¹

В-третьих, на основе учения марксизма-ленинизма о базисе и надстройке, П. И. Стучка право рассматривал как форму общественных отношений²⁵² — порядок или систему общественных отношений. Основной формой права он считал правоотношения, которые исторически существуют ранее писанного права.

Такое понимание права сыграло положительную роль в формировании нашей юридической науки, и не случайно в нашей юридической литературе все настойчивее раздаются голоса о необходимости глубокого изучения и осмысливания теоретического наследия П. И. Стучки.

В последнее время по вопросу об определении права возникла полемика между Я. Ф. Миколенко, В. П. Ка-

²⁵⁰ П. Стучка. Революционная роль права и государства..., стр. 34.

²⁵¹ Там же, стр. 38.

²⁵² См. там же, стр. 16, 21.

змирчуком, А. К. Стальгевичем, а также С. Ф. Кечекьяном и А. А. Пионтковским, с одной стороны, и Д. А. Керимовым, П. Е. Недбайло, И. С. Самощенко и Л. С. Явичем, с другой стороны.

Я. Ф. Миколенко в статье «Право и формы его проявления» выступил в защиту синтетического понимания права, разработанного П. И. Стучкой.²⁵³ Соглашаясь с С. Ф. Кечекьяном и А. А. Пионтковским, что определение права должно охватить не только нормы права, но и правоотношения, Я. Ф. Миколенко идет дальше — предлагает в определение права включить также правосознание, сделать коренную ломку определения права, данного в 1938 году.

Взяв в основу определение права, сформулированное в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР», Я. Ф. Миколенко констатирует, что наибольшую трудность П. И. Стучка усматривал в разграничении правовых отношений как надстроечных от производственных отношений, и предлагает в качестве отличительного признака в определение права ввести указание на волевые отношения:

«Право — это закрепляемый и охраняемый государственной властью порядок общественных отношений в качестве волевых отношений».²⁵⁴

Предложения Я. Ф. Миколенко были решительно отвергнуты Д. А. Керимовым, М. Е. Недбайло, И. С. Самощенко и Л. С. Явичем в статье «К вопросу об определении понятия социалистического права».

Авторы статьи «К вопросу об определении понятия социалистического права» фактически отвергают предложения пересмотреть определение права, данное в 1938 году. Они признают за ним недостатки, но под знаменем борьбы против волюнтаризма и необоснованного стремления все «перестроить» на деле отказы-

²⁵³ В. П. Казимирчук попытку П. И. Стучки синтетически подойти к объяснению природы права оценивает как важный шаг в развитии советской теории права (В. П. Казимирчук. Наука права и метод конкретно-социологического исследования. — Советское государство и право, 1964 г., № 1, стр. 39—40).

²⁵⁴ Я. Ф. Миколенко. Право и формы его проявления. — Советское государство и право, 1965 г., № 7, стр. 52.

ваются от кардинальной переработки этого определения права.

Авторы данной статьи выступают за признание нормативности права и это по их мнению позволяет отличить «право» (т. е. правовые нормы) от иных частей юридической надстройки; нормативный подход к праву, якобы, незаменим для практики, благодаря ему можно оценить то или иное поведение как законное или незаконное, установить, что есть право и что произвол и т. д.

Нормативность действительно является существенным, но не единственным свойством права. Нельзя усмотреть в нормативности специфику права, ведь кроме норм права существуют и другие социальные нормы.

Недоумение вызывает утверждение, что «классики марксизма-ленинизма, помимо всего прочего, непрестанно подчеркивали нормативность социалистического права».²⁵⁵

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин неоднократно писали о нормах права, но из этого не следует заключение, что они признавали одну лишь нормативность права. Для правильного решения вопроса необходимо всегда помнить важнейшее положение диалектической логики: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»».²⁵⁶

Для нас бесспорным является определение буржуазного права, данное в «Манифесте Коммунистической партии»: «Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса».²⁵⁷

Внимание привлекает то обстоятельство, что К. Маркс и Ф. Энгельс говорят о воле класса, возве-

²⁵⁵ Д. А. Керимов, П. Е. Недбайло, И. С. Самощенко, Л. С. Явич. К вопросу об определении понятия социалистического права. — Известия высших учебных заведений. Правоведение, 1966 г., № 2, стр. 18.

²⁵⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 42, стр. 290.

²⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 4, стр. 443.

денной в закон, а не о законе, выражающем волю класса. «Возведенная в закон воля... класса» в абстрактном виде проявляется в норме права, а в конкретном — в правоотношениях. Следовательно, формула, данная в «Манифесте Коммунистической партии», позволяет судить о широком, всестороннем подходе К. Маркса и Ф. Энгельса к вопросу о сущности права.

Об отрицательном отношении К. Маркса и Ф. Энгельса к узконормативному пониманию права свидетельствует и следующее их высказывание:

«Так как государство есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы и в которой все гражданское общество данной эпохи находит свое сосредоточение, — то из этого следует, что все общие установления опосредствуются государством, получают политическую форму. Отсюда и происходит иллюзия, будто закон основывается на воле, и притом на оторванной от своей реальной основы, свободной воле. Точно так же и право в свою очередь сводят затем к закону (подч. мною — А. П.)».²⁵⁸

В законах или нормах права связь между правом и государством очевидна, но вместе с тем закон (норма) заслоняет остальное, составляющее право. В силу этого и может возникнуть иллюзия, что право исчерпывается законом (нормой). Высмеивая попытку Е. Дюринга создать универсальное правовое учение в результате теоретического изучения *Cogrus juris* и практического углубления в прусское право, Ф. Энгельс для создания теории права требовал прежде всего изучить правоотношения, которые дают конкретное содержание нормам права:

«Но когда берешься сочинять философию права для всех миров и для всех времен, то следовало бы хоть кое-что знать также и о правовых отношениях таких наций, как французы, англичане и американцы...»²⁵⁹

Д. А. Керимов и другие авторы названной статьи критикуют определение права, данное Я. Ф. Миколенко

²⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 3, стр. 63.

²⁵⁹ Там же, том. 20, стр. 113.

как не отражающее классовую сущность права и материальную обусловленность, подменяющее категорию сущности предмета категорией цели, как сводящее право к фактическим отношениям. Статья Я. Ф. Миколенко расценивается как такая, которая «может создать неверное представление о состоянии общей теории государства и права в нашей стране и, главное, не может способствовать решению задач успешного развития законодательства и его правильного применения, дальнейшего укрепления советского правопорядка и воспитания людей в духе уважения к советскому закону, в духе ленинских принципов социалистической законности».²⁶⁰

Согласиться с такой оценкой невозможно, поскольку это самовольная фантазия авторов статьи. Предложения Я. Ф. Миколенко являются результатом дальнейшего развития взглядов А. А. Пионтковского и других критиков узконормативного понимания права, отражают процесс развития науки о праве, процесс очищения тех наслоений, которые в теории права были вызваны культом личности.

Данная Д. А. Керимовым, П. Е. Недбайло, И. С. Самощенко и Л. С. Явичем оценка синтетического понимания права, как тормозящего развитие социалистической законности и правопорядка никак не вяжется с тем фактом, что волюнтаристический, узконормативный подход к праву был навязан нашей науке, прямо таки в порядке административного волюнтаризма А. Я. Вышинским, который теоретически «обосновал» грубейшие нарушения социалистической законности.

Я. Ф. Миколенко говорит о трех частях юридической надстройки: правовых нормах, правоотношениях и правосознании, которые охватываются понятием «право». Он, в сущности, не видит различий между правом и правовой надстройкой.²⁶¹ Д. А. Керимов, П. Е. Недбайло, И. С. Самощенко и Л. С. Явич считают, что

²⁶⁰ Д. А. Керимов, П. Е. Недбайло, И. С. Самощенко, Л. С. Явич. К вопросу об определении понятия социалистического права. — Известия высших учебных заведений. Правоведение, 1966 г., № 2, стр. 23.

²⁶¹ См. Я. Ф. Миколенко. Право и формы его проявления. — Советское государство и право, 1965 г., № 7, стр. 48, 51.

при решении вопроса о понятии права «нельзя отождествлять... право любого исторического типа с юридической надстройкой».²⁶²

Думается, что выход из этого положения можно найти, если признать, что к юридической надстройке относятся правовые нормы, правоотношения и правосознание, в том числе и идеология права. Право образуют в совокупности правоотношения, правовые нормы и правосознание господствующего класса.

Выступая против включения правоотношений в понятие права, авторы статьи «К вопросу об определении понятия социалистического права» считают правоотношения «необходимой формой осуществления» права, но «органическая связь возможности и действительности не означает их тождества», поэтому нельзя отождествлять «право с правоотношениями, в которых оно реализуется».²⁶³ Но если пользоваться этой аргументацией, получается, что право — только возможность! Не это ли ведет к выводу, что «само право лежит вне правовой надстройки, в метаюридической области», к выводу, который, согласно утверждению Д. А. Керимова и других авторов статьи, якобы вытекает из синтетического понятия права.

Выступая против включения в понятие права правосознания, авторы статьи считают, что это приводит к причислению к праву того, «что решают любые органы власти, суд». В качестве аргумента задается и такой вопрос: «Разве правосознание преступника перестает быть правосознанием от того, что он не признает закона?»²⁶⁴

Но правосознание — осознание классом своего интереса в праве — не имеет своим содержанием простую сумму интересов отдельных его членов, и если правосознание класса выражается отдельным лицом, то оно может быть выражено хорошо или плохо, или не быть

²⁶² Д. А. Керимов, П. Е. Недбайло, И. С. Самощенко, Л. С. Явич. К вопросу об определении понятия социалистического права. — Известия высших учебных заведений. Правоведение, 1966 г., № 2, стр. 18.

²⁶³ Там же, стр. 20.

²⁶⁴ Там же, стр. 22—23.

выражено вообще. С позиций марксистско-ленинской методологии следует признать, что выше изложенный вопрос авторами статьи вообще поставлен ненаучно, софистически.

Наконец, плодотворность синтетического понятия права подтверждается историей развития советского права и на это справедливо указывает В. П. Казимирчук: «Для первого периода в становлении Советского государства и других социалистических стран характерным является отмена старого, эксплуататорского права, хотя в это время развернутая и полная система новых нормативных актов еще отсутствует. Если исходить из понимания содержания права только как системы норм, то можно прийти к выводу об отсутствии в этот период права, что не соответствует исторической правде».²⁶⁵

Но вернемся к книге П. И. Стучки «Революционная роль права и государства». Кроме уже изложенного, значение этой книги в том, что в ней П. И. Стучка первым в советской юридической литературе поставил вопрос об активной роли права в обществе. А. Я. Вышинский впоследствии обвинял П. И. Стучку и его последователей в том, что они лишили право его активной, творческой роли.²⁶⁶ Содержание рассматриваемой книги свидетельствует как раз об обратном. Целую главу «Право — революция» П. И. Стучка посвящает выяснению воздействия права на развитие экономического базиса и общества в целом. В то же время имея ввиду относительную самостоятельность правовой надстройки, П. И. Стучка указывал, что «не следует слишком преувеличивать значения права и закона, как революционного фактора, но еще в меньшей степени преуменьшать эту роль».²⁶⁷ Показывая революционную роль советского права, П. И. Стучка разоблачал реакционную роль современного буржуазного права.

²⁶⁵ В. П. Казимирчук. Право и методы его изучения. Из-во «Юридическая литература», Москва, 1965 г., стр. 68.

²⁶⁶ Основные задачи науки советского социалистического права. Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1938 г., стр. 32.

²⁶⁷ П. Стучка. Революционная роль права и государства... стр. 77.

П. И. Стучка в данной книге дал последовательную критику буржуазных теорий права. Сущность теории права зависит от места, которое занимает, и роли, которую играет в обществе класс, интересы которого данная теория выражает. Прогрессивный класс является носителем прогрессивных правовых идей, а реакционный класс — почитателем реакционных идей. Так, теория естественного права XVII—XVIII веков не представляла ничего иного, как «только правовую, т. е. политическую программу восходящего класса буржуазии», она, следовательно, отражала формирующееся правосознание буржуазии. В результате победы буржуазной революции правосознание буржуазии было проведено в нормах буржуазного права, теория естественного права получила воплощение в праве, дуализм между теорией и положительным законом исчез, но продолжал существовать «между писанным законом и действительным правом буржуазной демократии». Лозунг «Назад к естественному праву», появившийся в конце XIX века, свидетельствует уже о пропасти, образовавшейся между отжившим свое время буржуазным строем и будущим социальным строем. В этих условиях теория естественного права стала уже реакционной.

П. И. Стучка разоблачил и реакционную сущность психологической теории права Петражицкого, подчеркнул ее популярность в кадетских кругах царской России.

П. И. Стучка возглавил борьбу против «юридического мировоззрения», за торжество марксизма-ленинизма в правовой науке.

Книгой П. И. Стучки «Революционная роль права и государства» было положено «начало систематической разработке марксистско-ленинской общей теории государства и права»²⁶⁸ как отрасли юридической науки.

²⁶⁸ О. П. Гринберг. О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке. — О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке. Сборник статей. Изд-во «Звайгзне», Рига, 1965 г., стр. 10.

Георгий Пименович
ГАЛИЛЕЕВ

старший преподаватель кафедры
государственно-правовых наук.

У ИСТОКОВ ЛЕНИНСКИХ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

«Ленин завещал нам два принципа:
революционную законность и научное
советское строительство».

П. СТУЧКА

Советский народ торжественно отметил 50-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Вместе с нами славный юбилей отмечали народы братских социалистических стран, мировое коммунистическое и рабочее движение, все передовое человечество. Это был триумф ленинской мысли, высоких идеалов марксизма-ленинизма.

«За минувшие десятилетия, — говорится в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», — дело Октябрьской революции прошло всестороннюю историческую проверку, показало свою неодолимую силу, непреходящее значение идей марксизма-ленинизма как для нашей страны, так и для народов всей планеты... Марксизм-ленинизм стал властителем душ сотен миллионов людей на земле, коммунистическое движение превратилось в самую влиятельную политическую силу современности¹. Нынче советский народ под руководством Коммунистической партии уверенно строит новое общество. Создание материально-технической базы коммунизма, формирование коммунистических общественных

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС. Политиздат, 1967 г. Стр. 4.

отношений, воспитание нового человека — таковы главные задачи этого строительства.

Коммунистическая партия мобилизует энергию и волю советского народа на выполнение больших задач, используя самые разнообразные средства идейного и организационного воздействия на общественную жизнь. Одним из таких средств является социалистическая законность.

XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, рассматривая главные вопросы политической, экономической, идеологической и организаторской деятельности партии, поставил конкретные задачи по дальнейшему укреплению социалистической законности.

Творцом социалистической законности был Владимир Ильич Ленин. Ему принадлежит разработка ее основных принципов. Великий вождь указал также пути и методы претворения в жизнь этих принципов. Он непосредственно руководил осуществлением правопорядка, личным примером воспитывал партию, всех трудящихся в духе добросовестного, неукоснительного соблюдения декретов и постановлений Советской власти. Не случайно поэтому советскую социалистическую законность называют **ленинской**. И в наши дни заветы Владимира Ильича Ленина помогают партии успешно решать поставленные в ее Программе задачи государственного строительства и развития демократии общенародного государства.

Социалистическая законность родилась в пламенные дни Великого Октября. «Октябрьская революция, — говорится в Постановлении ЦК КПСС от 4 января 1967 года,² — открыла пути решения коренных проблем, выдвинутых всем ходом предшествующего развития Всемирной истории: о будущем общества, о характере социального прогресса, о войне и мире, о судьбах мировой цивилизации».

В то время рушился старый строй, просуществовавший много столетий. На его обломках рождалось первое в мире государство рабочих и крестьян. Появились

² «Правда» за 6 января 1967 г.

законодательные акты. Возникла марксистско-ленинская наука о государстве и праве.

В этот ответственный для нашей Родины период жил и творил Петр Иванович Стучка — верный соратник Владимира Ильича Ленина, крупный юрист, выдающийся деятель нашей партии и советского государства.

Петр Иванович Стучка был рядом с Лениным в ответственное и грозное время. Он принимал участие в Октябрьском вооруженном восстании, в работе исторического II Всероссийского съезда Советов, на котором была провозглашена Советская власть, избрано правительство первого в мире государства рабочих и крестьян. Как известно, именно на этом съезде были приняты первые ленинские декреты советской власти, которые и положили начало **социалистической законности**, ставшей важнейшим методом диктатуры пролетариата, способствующим революционному переустройству общества.

Крайне нужна была революционная законность, строгое ее выполнение молодому пролетарскому государству. И прежде всего для подавления сопротивления свергнутых классов, защиты завоеваний Великого Октября. «Не впадая в утопизм, — писал в те дни В. И. Ленин, — нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научатся работать на общество **без всяких норм права**, да и экономических предпосылок **такой** перемены отмена капитализма не дает сразу».³

За несколько дней до штурма Зимнего, буржуазная газетенка «Биржевые вести» цинично писала примерно так: предположим, что большевики возьмут власть. Что же получится? Получится то, что в лабораториях Российской академии они начнут гнать самогон, а полотна великих мастеров используют на портянку. Собственно, в таком духе тогда выступала буржуазная печать и о «большевистском правопорядке».⁴

Но враги нового строя просчитались. Трудящиеся нашей страны, взяв власть в свои руки, начали смело

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 95.

⁴ «Биржевые вести» за 13 октября 1917 года.

создавать свой государственный аппарат, уверенно творить новое право. Социалистическая законность возникла вместе с пролетарской властью. Она явилась правотворчеством самих народных масс, руководимых партией большевиков. В революции, и только в ней, действительно истоки социалистической законности. Поэтому она называется **революционной законностью**.

Создание социалистической законности началось с принятия Вторым Всероссийским съездом Советов первых декретов Советской власти.

Уже тогда, в первые дни существования нашего государства был остро поставлен вопрос об отношении революции к законности. Буржуазные юристы, как правило, твердили, что законность и революция — несовместимые вещи, что революция — это произвол, анархия, отрицание любой законности. Слуги денежного мешка из кожи лезли вон — да лезут и сейчас — чтобы доказать, что только старая буржуазная законность способна защитить устой общества и его политическую организацию. И, дескать, незачем создавать новую законность. В этот ответственный момент серьезный удар будущим теоретикам нанесли труды П. Стучки, в которых неизменно защищалась ленинская линия, имеющая в своей основе учение Маркса и Энгельса о революционной исторической миссии пролетариата.

Под законностью П. Стучка подразумевал «...организованный способ управления государством, организованное руководство общественной и государственной жизнью».⁵

Такое управление немыслимо без законов. Но закон и законность, — порчеркивал Стучка, — имеют конкретное классовое содержание. Революционная законность основана на революционных законах и осуществляется диктатурой пролетариата. Далее он поясняет, что законность сама по себе является лишь формой,

⁵ П. Стучка. Учение о государстве пролетариата и крестьянства и его конституции СССР и РСФСР, М.—Л., 1926, стр. 215.

«содержание которой зависит от того, какой класс находится у власти и чье классовое право охраняет и проводит это государство».⁶

П. И. Стучка четко различал законность буржуазную и советскую, социалистическую, как принципиально различные типы законности противоположных классов, подчеркивал их классовую породу, выдвигая превосходство законности социалистической, ее активную, последовательно революционную роль.

В мае 1917 года Стучка выступил в «Правде» со статьей «На почве закона или на почве революции?». Ее появление было вызвано тем, что меньшевики, эсеры, кадеты, выступая против социалистических преобразований в России, стали твердить, что большевики, мол, поддерживают не идею закона и законности, а призывают к «самоуправству», «самовластию», нарушению «законного порядка». Враги революции пытались сбить с толку массы, дискредитировать в глазах трудящихся новую власть. Разоблачая врагов революции, П. И. Стучка писал, что когда произносится очередное слово о «самоуправных» действиях нашей революции, то некоторые юристы не могут оторваться от привычного им понятия самовольных, самочинных действий в целях осуществления **мнимого права**. «Революция, — писал В. И. Ленин, — должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи **старой** государственной машины, а в том, чтобы он **разбил** эту машину и командовал, управлял при помощи **новой** машины...»⁷

Не следует забывать, что в условиях революции не всегда новые законы появляются тогда, когда они необходимы массам. Более того, известный период действуют еще старые законы, защищающие старый буржуазный порядок, и вот этим законам должна быть противопоставлена революционная энергия масс, устанавливающая выгодные и удобные ей отношения. Именно на это указывал еще К. Маркс перед судом присяжных в Кельне, когда он утверждал, что буржу-

⁶ П. Стучка. Учение о государстве... стр. 216.

⁷ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 33, стр. 115.

азной законности, на которую опирались обвинения против коммунистов, противостоит «почва революции», создающая новое революционное право, соответствующее интересам рабочего класса и руководимых им трудящихся масс.⁸

П. И. Стучка всегда подчеркивал, что старая, буржуазная правовая наука не является наукой в собственном смысле слова, так как она находится во власти буржуазных предрассудков, служит лишь отделению правовых вопросов от масс. Она не может быть использована рабочим классом, трудящимися, строящими новую жизнь. Им нужна новая, настоящая наука о праве, опирающаяся целиком на теоретическое наследие К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, на опыт революционной борьбы народных масс, по содержанию и форме доступная и понятная им.⁹

Не только об использовании старых законов говорил Стучка, выступая против бюрократизма, унаследованного нашим молодым государством от русского царизма; П. И. Стучка в то же время отстаивал необходимость заимствования делового метода управления, который в буржуазном обществе прокладывает себе дорогу конкурентной борьбой за существование. Он призывал «обращать больше внимания» на прообраз буржуазного государства без примеси остатков старого режима, т. е. на конституции и практику всяких торговых, акционерных и прочих видов обществ и товариществ.»¹⁰ Из этих актов, по его мнению, можно извлечь пользу для будущего развития наших советских учреждений.

На долю П. И. Стучки выпала историческая роль в разработке вопросов общетеоретического характера,

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, 1957 г., стр. 256.

⁹ Г. Я. Клява. Роль П. И. Стучки в развитии марксистско-ленинской общей теории права. Сборник статей «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Рига. Издательство «Звайгзне», 1965 год.

¹⁰ П. И. Стучка. Учение о государстве и Конституции РСФСР. М., 1921 г., стр. 5.

непосредственно связанных с законностью, — о сущности права, о задачах и перспективах советского права. Им в нашей юридической литературе было дано первое определение права с марксистских позиций. В «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» оно прозвучало в следующем определении: «Право — это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой».¹¹

В последующих своих научных трудах П. И. Стучка подробно развивал и разрабатывал эту концепцию права, но впервые она была им сформулирована именно в ведомственном официальном документе, сыгравшем большую роль в развитии Советского уголовного права.

В нашей юридической литературе позже критиковалось это определение, указывалось, что этим определением право растворялось в экономике, в общественных отношениях, теряло свою активную, организующую роль. П. И. Стучка действительно давал повод к подобным упрекам в свой адрес. Давал повод он и к тому, чтобы усматривать в его концепции заимствование из буржуазной, так называемой социологической школы права.

Позднее по этому поводу он писал, что находился под влиянием социологической школы права (Муромцева, Коркунова, отчасти Иеринга и др.). Брал он у них **только результат** исследований, а отнюдь не буржуазно-классовые атрибуты их науки.

В действительности П. И. Стучка, как правильно указывал профессор А. Миколенко, вовсе не отождествлял право с общественными отношениями и не растворял его в них, так как он говорил о праве, как о **системе**, о порядках общественных отношений. А под **системой** в данном случае он понимал особую форму организации общественных отношений, форму опосредствования этих отношений. Таким образом,

¹¹ См. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР».

П. И. Стучка в значительной мере сближал понятие права с правопорядком, видел его сущность в правоотношениях, но никак не отождествлял право с экономикой и вовсе не отрицал специфических его черт, как части надстройки.¹²

Творческому освоению и использованию теоретического наследства, оставленного П. Стучкой, несомненно препятствует обстоятельство, что до сих пор достаточно не разоблачена несостоятельность выдвинутых в свое время Вышинским обвинений в адрес П. Стучки по поводу извращения им марксизма-ленинизма в области права.¹³

П. И. Стучка боролся с буржуазным формализмом и нормативизмом, он правильно связывал право с общественными отношениями и именно в общественных отношениях видел реальность права как общественного явления. В этом несомненное положительное значение данного П. И. Стучкой определения права, которое было шагом вперед в развитии советской правовой науки, хотя признать его вполне правильным нельзя, и наша юридическая наука на нем, разумеется, не могла остановиться и в дальнейшем подвергла его пересмотру. Да и сам П. И. Стучка не раз указывал на неточность, на приблизительный характер своего определения.

П. И. Стучке была чужда имевшая тогда некоторое распространение точка зрения, согласно которой советское право с самого начала своего возникновения перестает играть существенную роль, выветривается, отмирает. Сторонники этой теории считали, что в регулировании общественных отношений основную роль играют различные, так сказать, неправовые способы воздействия на общественные отношения. П. И. Стучке была чужда позднее появившаяся концепция, что всякое право, включая и советское, имеет буржуазный характер, буржуазную форму.

¹² Я. Ф. Миколенко. П. И. Стучка о революционной роли советского гражданского права. Сборник «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Рига, изд. «Звайгзне», 1965 г., стр. 137.

¹³ Там же, стр. 138.

Рождалось новое государство, рождалось новое право. И, естественно, в таких условиях сталкивались различные точки зрения по многим важным вопросам теории. Но одних правовых норм, как бы положительны они ни были, недостаточно для создания социалистической законности. Необходимо было и их точное, неукоснительное соблюдение.

На VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов, состоявшемся спустя год после победы Великой Октябрьской социалистической революции, было принято специальное постановление «О точном соблюдении законов».¹⁴

В этом историческом документе социалистическая законность провозглашалась **одним из основополагающих принципов всей жизни советской республики.** Тезисы этого постановления, как известно, были написаны В. И. Лениным и утверждены Центральным Комитетом Коммунистической партии. «Законность, — говорилось в первом пункте ленинских тезисов, — должна быть повышена (или строжайше соблюдается), ибо основы законов РСФСР установлены».¹⁵

Поддерживая важное решение съезда Советов, П. Стучка говорит о том, что «суть пролетарской революции в том и заключается, что победа ее и учреждение пролетарской диктатуры в руки революции дает еще новое могучее орудие — государственную власть, а часть осуществления государственной власти именно заключается в законе, в возможности организованно, в правовом порядке воздействовать на ход развития, прежде всего в классовой борьбе».¹⁶

Неуклонно и последовательно борясь за укрепление социалистической законности, за соблюдение мудрых ленинских идей, П. И. Стучка принимал самое активное участие в разработке новых законов. Он придавал большое значение упорядочению правовых норм. Он был сторонником разработки системы советского

¹⁴ «Собрание узаконений РСФСР», 1928, № 90, стр. 908.

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 129.

¹⁶ П. И. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права, М., 1931, стр. 205.

права, как необходимой основы для систематизации и кодификации законодательства.

«Если мы будем только говорить о революционной законности, — указывал Д. И. Курский, — а законов не будет, то это будет весьма эффективное слово, но не больше. Необходимо иметь твердую и в достаточной степени разработанную систему норм, чтобы не только говорить о революционной законности, но и проводить ее в жизнь».¹⁷

Стучка в данном вопросе активно поддерживал Курского. Он всегда был сторонником укрепления законности, создания твердых правовых норм, боевых судебных органов.

Под руководством В. И. Ленина были проведены широкие кодификационные работы, создание нового суда. И ближайшими помощниками В. И. Ленина стали М. И. Калинин, Д. И. Курский, П. И. Стучка.

Новые формы общественных отношений должны были получить защиту в судебном порядке и, конечно, выражение в законе. С переходом к мирному строительству к советскому праву, закону были предъявлены повышенные требования. Это особенно относилось к Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету.

«...Надо добиться, — говорил по этому поводу на XI съезде партии В. И. Ленин, — чтобы ВЦИК работал более энергично и правильно собирался на сессиях, которые должны быть более длительными. Сессии должны обсуждать проекты законов, которые иногда наспех вносятся в Совнарком без обязательной надобности. Лучше отложить и дать местным работникам внимательно обдумать и строже требовать от составителей законов, чего у нас не делается.

Если сессии ВЦИК будут более длительны, они разделятся на секции и подкомиссии и сумеют проверить работу более строго, добиваясь того, что, по моему, составляет весь гвоздь, всю сущность теперешнего политического момента: центр тяжести перенести

¹⁷ Д. И. Курский, Избранные статьи и речи, М., 1948, стр. 74.

на подбор людей, на проверку фактического исполнения».¹⁸

В этой же связи XI съезд партии указал на необходимость усиления законодательной работы на сессиях ВЦИК.

«ВЦИК, — говорилось в резолюции XI съезда партии, — должен на деле стать органом, разрабатывающим основные вопросы законодательства, в первую очередь направленные к восстановлению сельского хозяйства, промышленности и финансов, и систематически контролирующим как деятельность отдельных наркоматов, так и деятельность Совета Народных Комиссаров».¹⁹

В период перехода Советского государства на мирную работу по восстановлению народного хозяйства, Советское социалистическое право подвергалось существенным изменениям. Разумеется, переход к НЭПу не вел к изменению политической сущности нашего государства, нашего права. Менялись только формы и методы его деятельности в период «борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом».²⁰

Этим и следует объяснить то, что ведущая отрасль Советского социалистического права — государственное право и его основной источник — Конституция РСФСР 1918 года — осталась в своих принципиальных положениях незыблемой. В молодой советской правовой науке большое внимание обращается на теоретическую разработку советского государственного права, вслед за ним и разработку советского гражданского права.

Не случайно на научной конференции о теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке, состоявшейся в 1965 г. в Латвийском государственном университете, доктор юридических наук профессор А. К. Стальгевич и другие ученые уделили

¹⁸ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 45, стр. 115—116.

¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, 1953, стр. 601.

²⁰ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 39, стр. 271.

много внимания разработке наследия П. И. Стучки именно по этим вопросам.²¹

П. И. Стучка придавал особое значение разработке Конституции 1918 года — основного закона молодого советского государства. Он подчеркивал, что следует «... изложить в статьях основного закона то, что достигнуто в жизни, только не в статьях окаменелых, по типу буржуазных конституций, и не боясь изменений в них, так только они будут вызваны ходом пролетарской революции. Так получилась наша Конституция переходной эпохи, как я назвал бы ее — Конституция гражданской войны...»²²

Эта мысль, отмечает профессор А. Стальгевич,²³ созвучна с ленинскими положениями. Именно Ленин подчеркивал, что наша Конституция 1918 года — первая Конституция молодого государства рабочих и крестьян — не выдумка, не сочинена юристами, что в ней записан «опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всем мире».²⁴

Характерно, что в основном труде, посвященном учению о советском государстве и его Конституции, П. И. Стучка отводит видное место проблеме революционной законности. «Законность сама по себе, — пишет П. И. Стучка, — не что иное, как только **организованный способ** управления государством».²⁵ Далее он поясняет, что законность сама по себе является лишь формой, «содержание которой зависит от того, какой класс находится у власти и чье классовое право охраняет и проводит это государство».²⁶

П. И. Стучка всегда подчеркивал классовую сущность законности, превосходство советской социалистической законности над буржуазной.

²¹ Сборник «О теоретическом наследии П. Стучки в советской правовой науке». Статья А. К. Стальгевича (стр. 21—34).

²² П. И. Стучка. Конституция гражданской войны. — Пролетарская революция и право, 1918, № 3/4, стр. 15.

²³ Сборник «О теоретическом наследии П. И. Стучки...» Рига, изд. «Звайгзне», 1965 г.

²⁴ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 37, стр. 147.

²⁵ П. И. Стучка. Учение о государстве... стр. 216.

²⁶ Там же, стр. 216.

Уже в первые годы Советской власти П. И. Стучка в своих работах и выступлениях отмечал революционную, активно воздействующую и преобразующую роль советского государства и права в развитии социалистических общественных отношений.

Так, в советском праве получили свое выражение все мероприятия Советского государства по осуществлению новой экономической политики. С одной стороны, советское право отразило деятельность допущенных под контролем социалистического государства и в ограниченных размерах частнокапиталистических элементов, с другой, советское право продолжало быть средством укрепления и развития социалистического базиса. Эти два момента и составляли ту ось, вокруг которой вращалась вся правотворческая деятельность Советского государства.

П. И. Стучка работал не только над созданием ряда законопроектов гражданского, уголовного кодексов, кодекса законов о труде, процессуальных кодексов, но и руководил работой по слому старой, буржуазной судебной системы и созданию нового, демократического, пролетарского суда. Нужно было научно обосновать необходимость этого революционного шага.

«... Вековая буржуазная идеология, — пишет П. Стучка в статье «Старый и новый суд»,²⁷ — упорно властвовала над умами даже наших революционеров. Понятия буржуазной правды и справедливости переживают свои реальные основы и вносят немало путаницы в речи и даже действия верных в остальном революционеров. Вот почему в первый момент предложение ломки всего старого здания классового суда вызвало сомнения в головах некоторых весьма лево настроенных товарищей и, как ни странно, — главным образом, в рядах теоретиков».²⁸

«Для меня, — продолжает П. Стучка, — с первого дня революции не было сомнений в том, что только на

²⁷ См. сборник статей — П. И. Стучка, 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931, стр. 8.

²⁸ П. И. Стучка, Старый и новый суд. См. сборник статей — П. И. Стучка, 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931, стр. 8.

развалинах этого храма буржуазной справедливости нам удастся возвести здание социалистической справедливости, более скромное по своему внешнему виду, но бесконечно более прочное по своему содержанию».²⁹

Ученый дал философское обоснование активной правотворческой деятельности Советского государства. Надо было сделать, учил он, чтобы закон поспевал за революцией. Советские законы и право не могут и не должны быть консервативным, задерживающим фактором, они должны всегда играть революционную роль.

«Многим кажется, — писал П. Стучка, — что революционная законность — это только «громкое» слово, что она не рассчитана на будничные отношения и занимает в государственной системе какое-то исключительное положение. Но ведь революционный закон призван охранять прежде всего собственные **отношения миллионов** на культурных основаниях, защищать их от наскоков, наездов и перегибов, конечно, не забывая и «правовых отношений» крупных размеров».³⁰

П. Стучка неоднократно подчеркивал, что советский закон в особенности должен стать формой организации трудящихся в управлении государством. Он пришел к выводу, что революционная законность не только не противоречит диктатуре пролетариата, но является присущей Советской власти формой обеспечения самой широкой демократии трудящихся. Ученый предсказывал, что именно своими декретами, законами, постановлениями советская власть будет способствовать пробуждению самых широких масс.

Советская власть дает трудящимся не только формальные права, но и экономическую возможность саморазвития. «**Это новый способ** их классовой борьбы, — писал П. Стучка, — против угнетателя, против бая, против кулака, но с **поддержкой** самого Советского государства, посредством его власти, его

²⁹ П. И. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931, стр. 8.

³⁰ П. И. Стучка. Революция и революционная законность. — В кн.: «Избранные произведения...». Рига, 1964, стр. 480.

законов и права».³¹ Борьба самих трудящихся города и деревни за соблюдение революционной законности рассматривалась Стучкой как доля их участия в управлении государством.

«... Советская власть должна отсесть все лишние осложнения, — писал П. И. Стучка, — упрощая также и право и суд до таких размеров, чтобы рабочий от станка, крестьянин, если не от сохи, то от плуга, были бы в состоянии участвовать в судебном деле».³²

Кандидат философских наук П. Кокис³³ в 1965 году обнаружил в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС черновик до тех пор неизвестного письма Стучки, адресованного бывшему Наркому юстиции РСФСР Д. И. Курскому. В этом письме, касаясь вопроса о законности, упрощения советского закона и широкого вовлечения трудящихся масс в деятельность народных судов, П. И. Стучка писал: «... Я считаю, что, серьезно говоря о внедрении законности, надо подумать на первом месте о **самом законе**, о его упрощении, о его согласованности, о его популяризации...». Далее он категорически требует искоренить любую возможность проявления беззакония: «Надо изменить нашу излюбленную формулу: сначала арестовать, потом собирать обвинительный материал...».³⁴ Высказанные в этом письме мысли не потеряли своей актуальности и в наши дни — дни, когда Коммунистическая партия, весь наш народ искореняют малейшие возможности нарушения советской социалистической законности.

Предъявите конкретное обвинение, изучите все улики, проверьте обоснованность ареста, восстановите права граждан, если они нарушены, — вот требования, которые с исключительной настойчивостью проповедовал П. И. Стучка.

³¹ П. И. Стучка. Двенадцать лет революции, государства и права. — В кн.: «Избранные произведения...», стр. 460.

³² П. И. Стучка. Культура и право. — В кн.: «Избранные произведения...», стр. 436.

³³ См. «Известия Академии наук ЛССР» № 2 (223) за 1966 г.

³⁴ Там же.

В своих работах Стучка сурово, но справедливо критиковал буржуазные концепции применения и толкования норм права. В специальной главе (XXIII) первого тома «Курса Советского гражданского права» он выдвигает задачу о необходимости разработать советскую **теорию** толкования и применения законов.

Применение закона П. И. Стучка понимал как согласование, увязку данного дела с существующим правом. Он приводил следующий пример: А дал Б займы сто рублей, Б должен вернуть эти деньги, потому что ему деньги даны на условиях, а не потому, что существует такой закон. Закон имел бы здесь специфическое применение лишь в том случае, если бы он противоречил установленному по делу положению, запрещал бы заем или предусматривал особые условия, например, письменную или иную форму, несоблюдение которой делает заем недействительным или недоказанным.

«Нет сомнения, — писал П. И. Стучка, — что неясности, даже противоречия законов встречаются на каждом шагу также и у нас, хотя мы в случае надобности быстро (по словам Ленина, в 24 часа) согласны и можем изменить или дополнить закон, неясный или отставший от быстрого течения жизни. Но как мы должны понимать слово «толкование»? Я считаю самым правильным понимание его как «применение закона толком».³⁵ Критерием этого нашего толка, на мой взгляд, является в первую очередь марксистско-ленинское мировоззрение.

П. И. Стучка ставил задачу научиться гибко применять и истолковывать закон и нормы права, «несколько не нарушая самой устойчивости планового начала, а скорее укрепляя ее».³⁶

Толкование закона, по мысли П. И. Стучки, должно быть диалектическим, исходить из общей обстановки в стране, соответствовать политике Коммунистической партии и Советского правительства. «Если разбирая

³⁵ П. И. Стучка, Курс советского гражданского права, изд. 2-е, т. 1, М., 1931 г., стр. 236.

³⁶ Там же.

конкретное дело, — писал Стучка, — мы мысленно свяжем нить этого конкретного отношения с нитями абстрактного отношения закона и с нитями общей плановости, то это и будет работа именно революционно-диалектическая и в то же время революционно-законная и научная».³⁷

П. И. Стучка считал, что наши законы нужно исполнять честно, по революционной совести, невзирая ни на что, со взглядом вперед, к социализму, а не назад, в сторону контрреволюции. Недопустимо ни буквоедство, ни пренебрежение к закону.³⁸

Он осуждал всякие попытки посредством толкования дополнять или изменять закон, как это делают обычно буржуазные юристы. «Революционная законность должна пониматься в том смысле, что все законы будут толковаться революционно».³⁹

Надо читать закон так, как его читать надлежит коммунисту и простому грамотному человеку, писал П. И. Стучка.⁴⁰

Механическое применение закона, вне сочетания с общей линией Коммунистической партии и Советского правительства, превращается в прямое нарушение революционной законности, в извращение генеральной линии партии.⁴¹

Коммунистическая партия руководит правотворчеством нового государства, рожденного Великим Октябрем, и в этом — один из основополагающих ленинских принципов советского государственного строительства. Так, анализируя практику Верховного суда РСФСР, Стучка писал: «Верховный суд неоднократно подчеркивал в своих руководящих указаниях, что основным условием революционного применения и толкования закона является диалектическое его приме-

³⁷ П. И. Стучка, Курс советского гражданского права, изд. 2-е, т. 1, М., 1931 г., стр. 244.

³⁸ П. И. Стучка, Учение о советском государстве и его конституции, изд. 7-е, М., 1931, стр. 220.

³⁹ Вестник Социалистической академии, кн. 1, 1922, стр. 169.

⁴⁰ Советская Юстиция, 1930, № 10.

⁴¹ П. И. Стучка. «13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права». М., 1931, стр. 108.

нение и толкование, гибко отражающее особенности данной стадии классовой борьбы и вместе с тем твердо проводящее генеральную линию партии и даваемых ею на разных этапах директив.⁴²

Последовательно выступал П. И. Стучка в защиту ленинских положений о непреклонном соблюдении революционной законности. Он решительно осуждал всякие перегибы и беззакония, нередко допускавшиеся в те годы на местах при проведении в жизнь директив партии. Он раскрывал неразрывную связь между директивами нашей партии и законами советского государства. Он добивался, чтобы доверие, которое трудящиеся питают к партии, создавало уверенность, что политическая директива партии и закон как формальное выражение воли господствующего класса в целом не должны расходиться и не расходятся между собой. Сегодняшние директивы, постановления партии — это завтрашний, даже сегодняшний революционный закон!

Перечитывая и анализируя работы П. И. Стучки по проблемам теории права, революционной законности, невольно приходишь к выводу: советская юридическая наука, законодательные и процессуальные нормы в первый период Советской власти, при жизни Ленина и несколько лет после его смерти развивались в соответствии с идеями марксизма-ленинизма, основами пролетарской социалистической законности, получившими затем правильное отражение в Программе нашей партии, принятой XXII съездом Коммунистической партии.

У истоков революционного правотворчества, полстолетия тому назад, выдающиеся советские юристы П. И. Стучка, Н. В. Крыленко, Д. И. Курский и другие, которые имели счастье работать с основателем Советского государства В. И. Лениным, много думали о будущем. Они постоянно подчеркивали, что законность будет необходима и впредь.

Законность должна играть значительную роль в совершенствовании и укреплении советского государ-

⁴² П. И. Стучка. Предисловие к книге «Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР», изд. 2-е, М., 1931, стр. 4.

ства вплоть до полного торжества коммунистического общества. «... Вопрос о советском законе тесно связан с проблемой советского строительства; закон занимает не менее ответственное место, чем само строительство, ибо он не только должен закрепить уже готовое оформление соваппарата, но и дать направление иногда миллионному движению: колхозы, сельсоветы и т. д.»⁴³

Советский революционный закон, преграждая отступление, должен стать своеобразным маяком — открывать путь для движения вперед, постоянно расширяя и развивая творческую инициативу трудящихся.

«Культ личности, нарушение ленинских норм и принципов партийной жизни, социалистической законности — все то, что мешало нашему движению вперед, решительно отброшено нашей партией, и возврата к этому прошлому не будет никогда!»⁴⁴

Восторжествовали ленинские принципы социалистической законности, у истоков которой стоял верный ленинец Петр Иванович Стучка.

⁴³ П. И. Стучка. Право — закон — техника. В кн.: «Избранные произведения...» Рига, 1964, стр. 467—468.

⁴⁴ См. «Правду» № 90 от 31 марта 1966 г.

Станислав Казимирович

ГРАУЖИНИС

декан юридически-философского
факультета, кандидат юридических
наук.

Андрис Адамович

ПЛОТНИЕК

аспирант кафедры
государственно-правовых наук

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЛАТВИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ им. П. СТУЧКИ

Латвийский государственный университет стал центром развития марксистско-ленинской науки права в республике после того, как в 1940 году здесь окончательно победила социалистическая революция. Проводимые по требованию трудящихся масс мероприятия по демократизации университета способствовали коренной перестройке работы факультета народного хозяйства и права. На работу в факультет прибыли советские ученые юристы, получившие образование и юридических вузах СССР (Г. Я. Клява, Н. А. Коноплин, С. М. Потравнов, Б. В. Щетинин и др.)¹

Прогрессивная часть профессуры бывшего буржуазного университета приступила к усвоению марксистско-ленинской методологии исследования государства и права и активно включилась в работу в новых условиях. Началась разработка научно-обоснованных учебных программ, переустройство на основе марк-

¹ См. О. П. Гринберг, К. А. Домашявичюс, И. Я. Сильдмяэ. Развитие права и правовой науки в республиках Прибалтики. Известия высших учебных заведений. Правоведение, 1966 г., № 4, стр. 25—27.

систкой методологии научно-исследовательской и педагогической работы дотоле, в буржуазном университете, имеющей своей основой психологическую, нормативистскую и другие буржуазные доктрины права.² Эта работа была прервана временной оккупацией территории Латвии гитлеровской Германией. После освобождения Риги от немецких оккупантов осенью 1944 года Латвийский государственный университет возобновил свою работу. Правовое отделение было преобразовано в юридический факультет. Однако, на территории Латвии остались лишь некоторые бывшие преподаватели буржуазного университета (Р. К. Акментынь, А. Н. Круглевский, А. Я. Паварс, В. Е. Калнынь), поэтому на работу в 1944 году были привлечены советские юристы из органов суда и прокуратуры (О. П. Гринберг, Э. Э. Вейнберга и др.). Временным деканом факультета в октябре-декабре стал проф. Р. К. Акментынь, а в январе 1945 года из эвакуации вернулся декан факультета проф. Н. А. Коноплин; его заместителем был назначен А. Я. Паварс. Впоследствии деканами юридического факультета работали: доц. Г. Я. Клява (май 1949 — апрель 1951); доц. О. П. Гринберг (апрель — июнь 1951; январь 1954 — февраль 1955), который уже с 1949 года работал заместителем декана. В 1955 году юридический факультет был объединен с экономическим факультетом, образуя впоследствии экономико-юридический факультет, в котором декан руководил экономическими специальностями, а заместитель декана ведал правовым отделением. В этот период продеканами являлись: вначале доц. О. П. Гринберг (1955—1958), а в последствии доц. Э. А. Иостсон (1959—1966). В июне 1967 года путем разделения экономико-юридического факультета и присоединения к правовому отделению философского отделения, организованного в 1966 году при историко-филологическом факультете, был создан юридически-философский факультет и деканом его избран доц. С. К. Граужинис; продеканом назначен доц. Э. А. Иостсон.

² Latvijas PSR Mazā Enciklopēdija. I sējums. Izdevniecība «Zinātne», Rīgā, 1967. g., 720.—722. lpp.

Научно-исследовательская работа в области правовых наук в университете проводится силами трех кафедр: государственно-правовых наук; гражданского права и процесса; уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, а также сектором права.

**Кафедра
государственно-правовых
наук**

Кафедрой заведует доц. Гринберг Отто Петрович, 1902 г. р., чл. КПСС, делегат XVII и XVIII съездов КП Латвии. Защитил кандидатскую диссертацию «Реакционная сущность предпарламента буржуазной Латвии» (1956 г.), Заслуженный юрист Латвийской ССР. Педагогическая работа по дисциплинам: Международное право; Государственное право буржуазных государств. К научно-творческой работе О. П. Гринберга следует отнести разработку на латышском языке целого ряда теоретически и идеологически важных курсов: Международное право (1944), Государственное право иностранных государств (1947), Государственное право стран народной демократии (1949) и Проблемы советского государственного права (1955), которые он первым с позиций марксизма-ленинизма преподавал в Латвийском университете.

Члены кафедры:

1. проф. Миллер Висварис Оттович, 1927 г. р., чл. КПСС, делегат XX съезда КП Латвии, кандидат в члены ЦК КПЛ, Министр высшего и среднего специального образования Латвийской ССР. Защитил докторскую диссертацию «Создание советской государственности в Латвии» (1967 г.). Педагогическая работа по дисциплинам: Советское государственное право; Проблемы советского государственного права. Им впервые создан спецкурс Развитие государственно-правовых взглядов КП Латвии (1968 г.).

2. доц. Иостсон Эрнест Адамович, 1903 г. р. Защитил кандидатскую диссертацию «Роль Президиума Верховного Совета Латвийской ССР в укреплении советской власти в Латвии» (1955 г.). Педагогическая работа по дисциплинам: Советское административное право; Советское государственное управление.

Коллектив кафедры государственно-правовых наук на заседании.

3. доц. Бирзиня Лина Кришевна, 1910 г. р., чл. КПСС. Защитила кандидатскую диссертацию «Развитие местных советов Латвийской ССР» (1961 г.). Педагогическая работа по дисциплинам: История государства и права зарубежных стран; Советское строительство.

4. доц. Калнынь Вольдемар Яковлевич; 1907 г. р. Защитил кандидатскую диссертацию «История государства и права Советской Латвии» (1954 г.). Педагогическая работа по дисциплинам: История государства и права СССР; Основы римского гражданского права. В. Я. Калныню принадлежит приоритет в разработке курса: История государства и права Латвийской ССР (1962 г.).

5. ст. преп. Мелькисис Эдгар Адамович, 1929 г. р., чл. КПСС. Защитил кандидатскую диссертацию «Развитие государственно-правовых форм народного контроля в Латвийской ССР» (1967 г.). Ведет занятия по курсам: История политических доктрин; Народный контроль в Советской Латвии.

6. ст. преп. Фогелс Айварс Густавович, 1937 г. р., канд. в чл. КПСС. Защитил кандидатскую диссертацию «Договоры о взаимной помощи в современном международном праве» (1967 г.). Ведет занятия по курсам: Государственное право зарубежных социалистических стран; Основы международного частного права.

7. ст. преп. Галилеев Георгий Пименович, 1925 г. р., чл. КПСС, преподает курс Советского права (студентам экономических специальностей).

8. Ст. преп. Крастынь Илгвар Рудольфович, 1928 г. р., чл. КПСС, преподает курс Теории государства и права, а также — Делопроизводство в советских учреждениях.

В аспирантуре при кафедре учатся Р. В. Апситис (преподает курс История государства и права Латвийской ССР) и А. А. Плотниек (участвует в преподавании курса: Теория государства и права). К преподавательской работе, на почасовой оплате, кафедра привлекла заведующего сектором права доц. Г. Я. Клява, а также юристов — практических работников: Г. А. Земрибо (член Верховного Суда Латвийской ССР); В. Я. Балдзена (ответственный секретарь Исполнительного комитета Рижского Совета депутатов трудящихся); Г. Я. Берзиню, И. У. Денисова, Н. А. Свердлина, Л. К. Цеплитиса. Последний преподает факультативную дисциплину: Культура речи.

Кафедра гражданского права и процесса Кафедрой заведует доц. Страутманис Ян Янович,

1927 г. р., член КПСС. Защитил кандидатскую диссертацию «Гражданско-правовая охрана колхозной собственности» (1960 г.). Педагогическая работа по дисциплинам: Советское земельное право; Колхозное право.

Члены кафедры:

1. доц. Паварс Александр Яковлевич, 1893 г. р., кандидат юридических наук (1946 г.). Преподает курс Советское гражданское право и семейное право. Следует подчеркнуть, что А. Я. Паварс первым начал преподавание в нашем университете курса: Советское гражданское право (1944 г.).

2. И. о. доц. Веберс Ян Робертович, 1930 г. р., чл. КПСС. Защитил кандидатскую диссертацию «Родство как основание возникновения прав и обязанностей по советскому семейному и гражданскому праву» (1963 г.). Педагогическая работа по дисциплинам: Советское

гражданское и семейное право; Основы авторского и изобретательского права.

3. ст. преп. Зонне Освальд Янович, 1928 г. р. Защитил кандидатскую диссертацию «Возникновение и развитие трудового права в Латвийской ССР» (1967). Ведет занятия по курсам: Советское трудовое право; Пенсионное законодательство в СССР.

4. ст. преп. Шульц Валтер Эдуардович, 1929 г. р., канд. в чл. КПСС. Защитил кандидатскую диссертацию «Правовое положение межколхозных организаций (по материалам Латвийской ССР)» (1962 г.). Ведет занятия по курсам: Советское гражданское и семейное право; Управление жилищно-коммунальным хозяйством и жилищное законодательство; Осуществление и защита гражданских прав.

В аспирантуре при кафедре обучаются В. Р. Дубуре (участвует в преподавании Трудового права) и К. Э. Торган (участвует в преподавании Гражданского процесса). Кроме того на почасовой оплате на преподавательскую работу кафедрой привлечены: И. Я. Бригис (зам. председателя Президиума Коллегии Адвокатов Латвийской ССР) и Г. Я. Наркевич (зав. отделом Совета Министров Латвийской ССР).

**Кафедра уголовного права,
уголовного процесса
и криминалистики**

Кафедрой заведует доц. Блум Мария Ильинична, 1915 г. р., член

КПСС. Защитила кандидатскую диссертацию «Ответственность за преступную халатность по советскому уголовному праву» (1951 г.). Педагогическая работа по дисциплинам: Советское уголовное право (часть общая и часть особенная); Проблемы квалификации преступлений.

Члены кафедры:

1. проф. Лиене Артур Александрович, 1905 г. р. Защитил докторскую диссертацию «Общественное поручительство в уголовном судопроизводстве» (1965 г.). Педагогическая работа по дисциплинам: Советский уголовный процесс; Судебная речь. С именем А. А. Лиене связано начало преподавания Советского уголовного процесса в ЛГУ (1940/41 уч. г.).

2. доц. Граужинис Станислав Казимирович, 1924 г. р., член КПСС. Защитил кандидатскую диссертацию «Агрессия США и западноевропейских государств в Латвии (1918—20 г. г.)» (1953 г.). Педагогическая работа по дисциплинам: Советское уголовное право (часть общая); Исправительно-трудовое право; Организация суда и прокуратуры СССР.

3. доц. Индулен Игорь Георгиевич, 1916 г. р., член КПСС. Защитил кандидатскую диссертацию «Расследование дел о хищениях общественного имущества в кооперативной торговле» (1957 г.). Педагогическая работа по дисциплинам: Советская криминалистика; Практикум криминалистики.

4. ст. преп. Бризе Раймонд Казимирович, 1931 г. р., член КПСС. Преподает курс Советского уголовного права.

5. ст. преп. Якобсон Вия Карловна, 1934 г. р., член КПСС. Преподает курс Советского уголовного процесса.

6. ассистент Рейгас Агра Альфредовна, 1938 г. р., член КПСС. Педагогическая работа по дисциплинам: Советское уголовное право (часть общая) и Организация суда и прокуратуры СССР.

7. зав. криминалистической лабораторией Смилгайнис Вольдемар Кришьянович, 1930 г. р., член КПСС. Преподает курс Советской криминалистики.

Кроме того, на кафедре по совместительству на почасовой оплате работают Б. А. Азан (председатель Верховного суда ЛССР, Заслуженный юрист Латвийской ССР); В. А. Кауке (заместитель председателя Верховного суда ЛССР, Заслуженный юрист Латвийской ССР); А. К. Кавалиерс (зам. начальника Управления милиции гор. Риги); А. М. Ниедре и Л. Ю Балодис (члены Верховного суда Латвийской ССР), а также другие квалифицированные практические работники: В. Б. Даукшис, Р. Г. Домбровский, Л. М. Вульфсон, В. Я. Волксон, А. А. Кажока, Р. Л. Круминьш, И. Л. Лисагор, Э. Я. Стумбина, Я. Я. Сталидзан.

Участие опытных работников органов управления и юстиции республики в работе всех трех кафедр пра-

вовых наук способствует постоянному контакту науки с практикой и обеспечивает высоко квалифицированную подготовку юридических кадров.

Сектор права

В 1958 году при Институте экономики Академии Наук Латвийской ССР был создан научно-исследовательский сектор права, который в 1963 году был передан Латвийскому государственному университету им. П. Стучки.

С момента образования по настоящее время сектором руководит доц. Клява Густав Янович, 1906 г. р., член КПСС. Защитил кандидатскую диссертацию «Система парламентских выборов в Англии» (1939 г.), Заслуженный юрист Латвийской ССР. Педагогическая работа по дисциплинам: Теория государства и права и Проблемы теории государства и права.

Сотрудники:

1. Ст. научн. сотр. Ключинская Леонида Альбертовна, 1920 г. р., член КПСС. Защитила кандидатскую диссертацию «Основные принципы конституций европейских стран народной демократии» (1953 г.).

2. Ст. научн. сотр. Стумбина Эрика Яновна, 1927 г. р., член КПСС. Защитила кандидатскую диссертацию «История суда Советской Латвии» (1953 г.). Препо-
даёт курс Криминологии.

3. Мл. научн. сотр. Бергере Люция Александровна, 1932 г. р.

4. Мл. научн. сотр. Морозов Степан Тихонович, 1916 г. р., член КПСС.

5. Мл. научн. сотр. Шкапаре Балва Карловна, 1928 г. р., член КПСС.

В секторе занимается аспирант Г. Г. Мемберг.

Юридическая литература

С первых послевоенных лет юридическая наука в Советской Латвии проявила себя боевой силой в утверждении идеалов научного коммунизма, в разоблачении антинародной сущности буржуазного государства и права. Большая заслуга в этом принад-

лежит ученым-юристам университета.³ Одним из первых изданий юридической литературы в республике являлась работа Г. Я. Клява «Что такое была так называемая «демократия» буржуазной Латвии» (1946), разоблачающая фиктивный характер буржуазной демократии, ее направленность на деле против трудящихся масс. Позднее проблемам социалистической демократии он посвятил работы: «Развитие советской социалистической демократии в Латвийской ССР» (1952), «Социалистическая демократия — демократия высшего типа» (1961) и «Октябрь и развитие советской демократии» (1967).

В первые же годы после войны О. П. Гринберг продолжал многогранную научную работу, которая им была начата еще в период 1924—1934 г. г., когда он опубликовал десятки статей в революционной печати буржуазной Латвии;⁴ в них с позиций марксизма-ленинизма освещаются вопросы международных отношений и международного права, а также разоблачается реакционный характер политического режима националистической буржуазии и предательская политика меньшевистской партии с.-д. в Латвийском буржуазном государстве.

В послевоенные годы его тематика относится к таким вопросам, как «Ответственность главных военных преступников» (1946), «Конституция Федеративной Народной Республики Югославии» (1947), «Устав ООН» и к другим. Заботясь об учебных пособиях студентов, О. П. Гринберг переводит с русского на ла-

³ См. Pēteris Stučka Latvijas valsts universitāte 40 gadus (1919—1959). LVI, Rīgā, 1959. g., 114.—116. lpp.

В 1940—1941 годах оригинальные публикации по вопросам юридической науки ограничивались статьями в ведомственных периодических изданиях (см. Līna Birziņa. Latviešu padomju juridiskā literatūra četrdesmit gados un tiesību zinātnei nozīmīgi dokumentāli izdevumi Padomju Latvijā (1917.—1957.). P. Stučka LVU zinātniskie raksti. XXIV sēj., Rīgā, 1958. g., 131. lpp.)

⁴ См. журнал коммунистических профсоюзов в Латвии «Vienība» (1924—1930).

тышский язык «Историю дипломатии»⁵, а также ряд учебников по другим дисциплинам; с 1946 года он участвует в разработке латышской научной юридической терминологии, опубликовав терминологию международного права (1953). В дальнейшем О. П. Гринберг уделяет внимание проблемам изучения истории государства и права Советской Латвии по архивным материалам. В результате этих исследований появляется ряд статей в печати (а впоследствии его кандидатская диссертация). Его научные статьи: «Латышские социалдемократы — меньшевики — агенты латвийской буржуазии и международного империализма» (1950), «Латышские буржуазные националисты — злейшие враги суверенитета латышского государства и народа» (1952—1953) привлекли внимание широкого круга читателей и последующих исследователей политического режима буржуазной Латвии.

В работе «Верховный Совет СССР и его выборы» (1954) О. П. Гринберг, исследуя порядок образования, структуру и формы деятельности Верховного Совета СССР в противопоставлении парламентской практике буржуазных стран, раскрыл подлинно демократическую природу высшего представительного органа в нашей стране.

Не только юридическое, но и историографическое значение имеют предложенные впервые О. П. Гринбергом (1956) тезисы о том, что Советское правительство Латвии — «Исколат», созданный в 1917 году, следует признать законным представителем всей Латвии, представляющим ее население и являющимся правопреемником всей территории Латвии, в том числе и временно оккупированной немцами части Латвийской территории, а также, что буржуазное Латвийское государство создавалось не 18 ноября 1918 г., как это утверждали идеологи латышской буржуазии, а только в июне 1920 года; он первым начал работу по разоблачению реакционной сущности, имевших хождение

⁵ См. *Diplomātijas vēsture. Akadēmika V. P. Potjomkina redakcijā. III sēj., LVI, Rīgā, 1958. g.; II sēj., LVI, Rīgā, 1959. g.*

в буржуазной Латвии, государственно-правовых и международно-правовых доктрин о возникновении латвийского буржуазного государства и права.

В 60-х годах проблемы становления и развития советской государственности в Латвии определяются как одно из важнейших направлений в исследованиях ученых юристов Латвийской ССР. После статьи Г. Я. Клява и В. О. Миллера «Славное двадцатилетие Прибалтийских советских республик» (1960), разработанной в связи с 20-летием восстановления Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии, был опубликован целый ряд научных исследований В. О. Миллера по этому вопросу: «Развитие Советской государственности в Латвии» (1961), «Государственность Советской Латвии в 1940—1941 годах» (1964), «Вопросы государства на V съезде социал-демократии латышского края» (1964), «Развитие государственно-правовых взглядов Коммунистической партии Латвии в 1920—1940 г. г.» (1966), «Становление советской государственности народов Прибалтики» (1967) и статья, написанная В. О. Миллером в соавторстве с Э. Я. Стумбиной «Создание и развитие советской государственности в Прибалтике» (1966). Основные положения этих статей получили обобщение и развитие в монографии «Создание Советской государственности в Латвии» (1967). Становление Советской государственности в Латвии В. О. Миллер изучал в тесной связи с революционной борьбой трудящихся масс, с развитием государственно-правовых взглядов КП Латвии. Только в ходе социалистической революции трудящиеся Советской Латвии приобрели возможность создания национальной государственности: сначала, с ноября 1917 по февраль 1918 г. Латвия существовала в составе РСФСР на основе политической автономии; изменения политической обстановки внутри Латвии и ее международноправового положения к концу 1918 года обусловили создание суверенного государства. В. О. Миллер обосновал тезис о двух этапах революции в Прибалтике в 1940 году — демократическом и социалистическом, о закономерности окончательной победы советской власти в Латвии.

В. О. Миллером дано разоблачение псевдонаучных публикаций в западноевропейской и американской юридической литературе, измышлений латышских буржуазных националистов. Отдельную статью на эту же тему «Фальсификация буржуазной латышской эмиграцией исторических фактов возникновения и развития советской государственности в Латвии» (1966) написал Г. Я. Клява. Кроме того, ученые юристы университета (Г. Я. Клява, Э. А. Мелькисис, В. О. Миллер, Э. Я. Стумбина, Б. К. Шкапаре) участвовали в разработке коллективной работы «Очерки развития государственности советских Прибалтийских республик (1940—1965)» (1965).

Ученые юристы Латвийского университета работали и над изучением проблем Советской Конституции, истории конституционного законодательства в Советской Латвии. Среди ряда статей по этому вопросу, следует отметить публикацию Г. Я. Клява: «Конституция победившего социализма» (1948), а также небольшую монографию Г. Я. Клява, Э. М. Удриса и А. А. Тилле «Конституция Латвийской ССР» (1956), в которой впервые дан систематический разбор Конституции ЛССР 1940 года. Годом позже вышел в свет составленный Г. Я. Клявой, В. О. Миллером и Э. Я. Стумбиной сборник документов «Конституционные акты советской власти в Латвии (1917—1957)» (1957), рецензию рукописи и предложения о структуре которого дал О. П. Гринберг. Научное значение для оценки Конституции ЛССР 1919 года, правильного определения ее места в истории Советской Конституции имела статья В. О. Миллера «Первая Советская Конституция Латвии» (1957), а также совместная работа В. О. Миллера и Э. Я. Стумбиной под таким же названием (1959). В статье В. О. Миллера «Роль Конституции Латвийской ССР в строительстве социалистической экономики республики в 1940—1941 г. г.» (1958) на основе анализа фактического материала обосновано значение Конституции ЛССР 1940 года в социалистических преобразованиях республики.

За истекшие годы в качестве одного из важнейших направлений научно-исследовательской работы юриди-

ческих кафедр и сектора права определялось изучение развития юридической и политической мысли в Латвии, и в первую очередь — теоретического наследия П. И. Стучки в советской правовой науке. Первую статью в этом направлении, в 1957 году, опубликовал Э. М. Удрис «П. И. Стучка — революционер, государственный деятель, ученый», в которой автор высказался против тех советских юристов (А. Я. Вышинский и др.), которые в трудах П. И. Стучки ищут лишь ошибки. Э. М. Удрис подчеркнул крупнейший вклад П. И. Стучки в разработке марксистско-ленинской общей теории государства и права и советского гражданского права, он требовал усвоить богатое теоретическое и практическое наследие П. И. Стучки. В статьях под названием «П. И. Стучка о революционной законности» (1960, 1962) Г. Я. Клява восстановил подлинные взгляды П. И. Стучки по вопросу о роли закона и законности в социалистическом государстве и дал оценку предложенному П. И. Стучкой пониманию права в целом.

В 1964 году, благодаря совместным усилиям О. П. Гринберга, Г. Я. Клява (составитель), В. О. Миллера, Э. М. Удриса и сотрудников Института истории партии при ЦК КП Латвии: кандидата исторических наук Я. Я. Кайминь, профессора В. К. Мишке и кандидата исторических наук А. К. Рашкевица, вышел в свет большой труд — П. И. Стучка «Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права», в котором заново опубликованы важнейшие работы П. И. Стучки по общей теории права. В том же году юристы Латвийского университета провели научную конференцию, результаты которой впоследствии были опубликованы в сборнике «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке» (1965). В этом сборнике находим статьи почти всех ученых юристов Советской Латвии и некоторых философов, а также ряда ученых юристов Московских вузов — Н. Д. Казанцева, Я. Ф. Миколенко, А. К. Стальгевича, С. Н. Абрамова. Авторы с различных аспектов дают оценку богатому теоретическому наследию П. И. Стучки, опровергая клеветнические нападки на

его наследие со стороны А. Я. Вышинского и его приверженцев.

В дальнейшем в периодических изданиях последовали еще отдельные статьи, посвященные П. И. Стучке: О. П. Гринберг и Г. Я. Клява «Изучать теоретическое наследие П. И. Стучки» (1964), «О теоретическом наследии П. И. Стучки» (1964); Э. А. Мелькисис «Оценивая теоретическое наследие П. И. Стучки по праву» (1964); Г. Я. Клява «П. И. Стучка и его теоретическое наследие в правовой науке» (1965); Э. Я. Стумбина «Причины преступлений и меры борьбы с ними в работах П. И. Стучки» (1965), «Роль П. И. Стучки в создании органов советского правосудия» (1965); Э. М. Удрис «Большая жизнь» (1965); Г. Я. Клява и А. А. Плотник «П. И. Стучка — профессор Московского университета» (1967). Проведенная в этой области работа может быть охарактеризована как первый серьезный шаг в исследовании всего имеющегося в работах П. И. Стучки положительного для дальнейшего развития нашей правовой науки и, одновременно, первым шагом в восстановлении доброго имени П. И. Стучки в истории этой науки.

К этому же направлению следует отнести ряд других публикаций сотрудников кафедры государственно-правовых наук: О. П. Гринберг — «Революционный профсоюзный журнал «Виениба»» (1959), «На передовой линии борьбы рабочего класса» в книге «Писатель-революционер Линард Лайцен» (1959), «Сын латышского трудового народа» в сборнике воспоминаний о Леоне Паэгле (1961); В. О. Миллер — «Из истории политической мысли в Латвии (Зарождение марксистской политической мысли, 1886—1899 г. г.)» (1960), (в соавторстве с В. В. Эглитис) «Развитие политических идей народов Прибалтики» (1965); монография В. О. Миллера и Э. Я. Стумбиной «Фрицис Розинь — жизнь и деятельность» (1965). О. П. Гринберг как соавтор и редактор и Э. М. Удрис как автор статьи участвовали в создании книги «Петр Стучка в воспоминаниях современников» (1965).

Серьезные исследования по истории развития государства и права на территории Латвии опубликовал

В. Я. Калнынь. В своих статьях и монографиях: «Возникновение ранних государственных и правовых форм на территории Латвии» (1957), «Государственный строй и право Ливонии» (1958), «Общественно-политический строй и право феодальной Латвии в XI—XVI веках» (1962), «Общественно-политический строй и право Курляндского герцогства» (1963), «Древнерусская государственность и право на территории Латвии в XI—XIII веках» (1964), «Влияние древнерусской государственности и права на развитие народов, населяющих территорию Латвии в XI—XIII вв. (1966) и «Общественно-политический строй и право народов Латвии и Эстонии» (1967) — В. Я. Калнынь на основе изучения летописей и других письменных документов впервые в свете марксистско-ленинской методологии трактует политические и правовые институты Прибалтики указанных периодов.

Э. А. Иостсон является активным исследователем проблемы социалистической законности, выступая по этим вопросам в печати республики. В статье (в соавторстве с Н. А. Свердлиным) «Усилить надзор за законностью обязательных постановлений (решений) исполкомов местных советов» (1955), в небольших монографиях: «Социалистическая законность в работе советского государственного аппарата» (1957) и «Демократические принципы управления советским государством» (1964) Э. А. Иостсон излагает актуальные вопросы, возникшие в советской правовой науке и на практике советского государства в свете последних решений КПСС в области развития социалистической демократии.

В статьях: «О компетенции Президиума Верховного Совета Латвийской ССР» (1957) и «Развитие компетенции Президиума Верховного Совета Латвийской ССР (1940—1957)» (1958) Э. А. Иостсон обосновывал практическую целесообразность исследований в области компетенции государственных органов, высказывал предложения о группировке полномочий, образующих в своей совокупности компетенцию Президиума Верховного Совета ЛССР. Актуальному вопросу административного права посвящена новейшая публика-

ция Э. А. Иостсона «Административная ответственность» (1967).

В области советского строительства плодотворно работала Л. К. Бирзиня. В соавторстве с И. Р. Крастынем написана брошюра «О работе депутатов местных советов» (1957). В последнее время к опубликованным ранее монографиям: «Развитие местных советов Латвийской ССР» (1960), «Сельские советы депутатов трудящихся» (1962) и статьям в Известиях Академии Наук (1959—1963) присоединился учебник «Советское строительство» (1966) и статья «Из практики работы местных Советов Латвийской ССР» (1966).

Кроме уже перечисленных, опубликовали статьи: О. П. Гринберг (1964) и А. Г. Фогелс (1966) по международному праву; Э. А. Мелькисис о народном контроле (1964—1965); ряд рецензий на вышедшие книги написали О. П. Гринберг, Л. К. Бирзиня и др.

На кафедре гражданского права и процесса основным направлением в научно-исследовательской работе являлось комплексное исследование правовых проблем в области хозяйственного, в частности колхозного строительства. Я. Я. Страутманис в статьях: «Правовое регулирование имущественных отношений колхозов» (1958), «Гражданско-правовая охрана колхозной собственности» (1961), «Некоторые вопросы колхозного и гражданско-процессуального права в рассмотрении гражданских дел колхозов в судебной практике Латвийской ССР» (1963) высказано ряд предложений по усовершенствованию институтов колхозного законодательства, в том числе о необходимости приравнения защиты права собственности колхозов к защите права государственной собственности. Новое гражданское и уголовное законодательство акцептировало эти предложения. Я. Я. Страутманис первым в юридической литературе республики научно обосновал существование колхозно-правового способа защиты собственности.

Специфика имущественных отношений колхозов, колхозно-правового метода регулирования этих отношений охарактеризована в статье «Правовые формы

и методы регулирования имущественных отношений колхозов» (1966). Кроме того Я. Я. Страутманис опубликовал популярные брошюры: «Будем беречь колхозную собственность» (1960) и «Права и обязанности членов колхоза» (1965).

В. Э. Шульц в статье «Возможности развития межколхозных организаций в республике» (1959) и в монографии «Правовое положение межколхозных организаций Латвийской ССР» (1961) выдвинул тезис о необходимости рассмотрения правовой природы объединенного имущества колхозов в двух аспектах: под углом зрения права собственности — имущество принадлежащее на праве общей собственности колхозов; под углом зрения метода управления имуществом — как имущество межколхозной организации, обособленное от имущества участников организации.

Новизна научной мысли проявляется также в публикациях членов кафедры в отношении кодификации советского гражданского права. Например, конкретные предложения в связи с разработкой проекта Гражданского кодекса Латвийской ССР были выдвинуты А. Я. Паваром в статье «Некоторые вопросы соотношения союзного и республиканского гражданского законодательства» (1958). В последующих статьях: «О новом гражданском кодексе Латвийской ССР» (1965) и «О проблеме гражданско-правового регулирования частичной дееспособности несовершеннолетних» (1967) исследованы отдельные институты гражданского кодекса республики.

А. Я. Паварс предложил комплексное решение проблемы правового регулирования частичной дееспособности несовершеннолетних, и, оспаривая повышение ценза возраста от 14 до 15 лет для возникновения частичной дееспособности несовершеннолетних в гражданском праве, предложил для правильного решения этого вопроса учитывать и семейное и уголовное законодательство, а равно судебную практику.

Статьи на актуальные проблемы семейного права опубликованы Я. Р. Вебером: «Некоторые вопросы кодификации семейного права» (1958), «Понятие родства как основания возникновения прав и обязанно-

стей» (1964), «Соотношение гражданского и семейного законодательства» (1965), «Сущность усыновления и его правовые последствия» (1966). В области трудового права активным исследователем является О. Я. Зонне, который опубликовал статьи: «Из истории трудового законодательства Советской Латвии» (1965) и «Возникновение и развитие советского трудового права в Латвийской ССР» (1966) и популярные брошюры: (в соавторстве с Я. А. Розенбергом) «Прием на работу; перевод и увольнение рабочих и служащих» (1963) и «Трудовые споры рабочих и служащих и их рассмотрение» (1966). Свои первые статьи опубликовали аспиранты: по гражданско-процессуальному праву — Я. А. Розенберг (1965), по гражданскому праву — К. Э. Торган (1966).

На кафедре уголовного права, уголовного процесса и криминалистики научно-исследовательская работа ведется в трех основных направлениях: 1) разработка комментариев к Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам Латвийской ССР; 2) исследование отдельных научных проблем по уголовному праву, уголовному процессу и криминалистике и публикация результатов этих исследований; 3) подготовка учебных пособий для студентов по изучению дисциплин кафедры.

А. А. Лиезде, М. И. Блум и И. Г. Индулен совместно с квалифицированными практическими работниками Б. А. Азаном, В. А. Кауке, Э. Я. Дзенитис, Л. Ю. Балодис, В. К. Якобсон, И. Л. Лисагором, А. К. Кавалиерс написали комментарии к обоим кодексам (которые опубликованы в 1965, 1967, 1968 г. г.), этим оказав большую практическую помощь всем работникам органов юстиции республики. Кроме того М. И. Блум является одним из авторов Комментария к Уголовному кодексу РСФСР (1963—1964).

В связи с разработкой упомянутых проектов кодексов были опубликованы статьи М. И. Блум и А. А. Лиезде в журнале «Бюллетень Верховного суда Латвийской ССР» (1958, 1961), в журнале «Советское государство и право» (1958) и статья А. А. Лиезде в журнале «Правоведение» (1959). Кроме того М. И. Блум

свою статью «О месте преступлений против социалистической собственности в системе особенной части уголовных кодексов союзных республик» опубликовала на румынском (1958) и немецком (1959) языках.

Некоторые статьи члены кафедры разрабатывали совместно с практическими работниками суда и прокуратуры, как-то, М. И. Блум в соавторстве с заместителем председателя Верховного суда республики В. А. Кауке — по проблемам досрочного освобождения несовершеннолетних правонарушителей (1965), С. К. Граужинис и работник трудовой колонии для несовершеннолетних Р. К. Петерсон — по вопросам режима отбывания лишения свободы несовершеннолетними (1965).

В результате исследований отдельных проблем по уголовному праву, уголовному процессу и криминалистике кафедра дала ряд серьезных публикаций. К ним в первую очередь относится содержательная и специализированная монография А. А. Лиеле «Общественное поручительство в уголовном судопроизводстве» (1963). Далее следует отметить ряд статей А. А. Лиеле: «Воспитательная работа в суде» (1957), «О некоторых смежных институтах уголовного и уголовно-процессуального права» (1958), «Роль общественности в уголовном процессе» (1961); М. И. Блум — «Ответственность за преступную халатность должностных лиц по советскому уголовному праву» (1957), «Система и место преступлений против социалистической собственности» (1958); И. Г. Индулен — «Первоначальные следственные действия по делам о хищениях общественного имущества в кооперативной торговле» (1957), «Планирование расследования дел о хищении общественного имущества в кооперативной торговле» (1958).

Кроме того членами кафедры подготовлено отдельное издание ученых записок университета под названием «Вопросы уголовного права и процесса» (1962), в котором помещены следующие статьи: М. И. Блум «Некоторые вопросы необходимой обороны», «Вопросы действия советского уголовного закона во времени», «Ответственность за укрывательство и недонесение по уголовным кодексам союзных республик»; А. А. Лиеле

«Общественное обвинение и общественная защита» и «Участники уголовного процесса»; И. Г. Индулена «Реакционные методы расследования уголовных дел в буржуазной Латвии» и С. К. Граужинис «Об организации и развитии прокуратуры Латвийской ССР в 1940—1941 годах».

М. И. Блум является одним из соавторов сборника «Особенности уголовных кодексов союзных республик» (1963). А. А. Лиеле участвовал в сборнике «Об уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик» (1962).

Разоблачению реакционной сущности криминалистики буржуазной Латвии посвящена статья И. Г. Индулена в журнале «Правоведение» (1966). И. Г. Индулен является автором «Настольной книги дружинника» (1963), «Справочника дружинника» (1967) и других работ, посвященных правовым вопросам деятельности добровольных народных дружин.

В настоящее время члены кафедры занимаются проблемами, связанными с дальнейшим развитием и совершенствованием законодательства Латвийской ССР и практикой его применения в период строительства коммунизма.

Отдельные статьи по теме «Советский уголовный закон», по проблемам понятия продолжаемого преступления и понятия длящегося преступления — М. И. Блум опубликовала в журнале «Бюллетень Верховного суда Латвийской ССР» (1967). А. А. Лиеле работает над проблемой совершенствования уголовного судопроизводства как средства укрепления законности и искоренения преступности, и в этой связи им опубликована статья «Социологические и психологические основы условного осуждения несовершеннолетних» (1966).

Изданы необходимые учебные пособия для студентов Латвийского государственного университета. С. К. Граужинис издал в 1966 году работу «Режим в исправительно-трудовых учреждениях», И. Г. Индулен — «Криминалистическое исследование документов» (1967), А. А. Лиеле и В. К. Якобсон — «Сборник задач по советскому уголовному процессу» (1963, 1967); М. И. Блум — «Наглядное пособие по совет-

скому уголовному праву (часть общая)» (1965), М. И. Блум и Ю. Пека — «Сборник задач по советскому уголовному праву (особенная часть)» (1965), М. И. Блум и С. К. Граужинис разработали 3 сборника задач по общей части советского уголовного права (1966, 1967).

На основе изучения и обобщения большого архивного и нормативного материала старший научный сотрудник сектора права Э. Я. Стумбина написала работы, в которых раскрываются ряд мало или вообще не исследованных ранее страниц истории государства и права Латвии, в частности, истории советского суда. Сюда можно отнести ее работы: «К истории суда Советской Латвии» (1954), «Некоторые вопросы организации и деятельности советского суда в Латвии в 1917—1919 годах» (1957), «Создание органов советской юстиции в Латвии в 1940—41 г. г.» (1958), «Новый закон о судеустройстве Латвийской ССР» (1960), «Суд и прокуратура Латвийской ССР» (1962).

Сектор права одновременно является инициатором исследования актуальных вопросов искоренения преступности несовершеннолетних в республике. Сотрудниками сектора в шестидесятых годах подготовлены сборники статей и монографии. В сборнике «Коммунистическое воспитание подрастающего поколения и предупреждение правонарушений несовершеннолетних» (1963) участвовали со статьями Г. Я. Клява, Л. А. Ключинская и Э. Я. Стумбина. Исследования Л. А. Бергере, Л. А. Ключинской и Э. Я. Стумбиной опубликованы в ученых записках университета «Общественность в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних» (1964).

Л. А. Бергере и Л. А. Ключинская написали совместную работу «Несовершеннолетние и уголовный закон» (1967). На основе материалов конкретно-социологических исследований практики государственных органов по борьбе с преступностью в Латвийской ССР подготовлены отдельные публикации в общесоюзной и республиканской периодической печати: Л. А. Ключинская «Вопросы применения наказания в отношении несовершеннолетних» (1962), «О преступ-

ности несовершеннолетних и некоторых мероприятиях по ее искоренению» (1964), «Социальная эффективность лишения свободы как меры уголовного наказания в отношении несовершеннолетних правонарушителей» (1966); Э. Я. Стумбина — «Общественно-полезный труд и предупреждение правонарушений несовершеннолетних» (1964), «Роль народного суда в предупреждении правонарушений несовершеннолетних» (1967).

Ряд сотрудников всех кафедр и сектора права (М. И. Блум, Я. Р. Беберс, О. П. Гринберг, Э. А. Иостсон, Г. Я. Клява, А. А. Лиеде, А. Я. Паварс, Я. Я. Страутманис, Э. М. Удрис, М. К. Якобсон-Андерсон) приняли активное участие в разработке всех четырех кодексов Латвийской ССР и в окончательном редактировании их текстов (УК и УПК в 1961 г., ГК и ГПК в 1963 г.). Работой, объединяющей ученых юристов университета, является составление статей по общественно-политическим и правовым вопросам для Малой Энциклопедии Латвийской ССР, которой руководят как члены редколлегии О. П. Гринберг, И. Г. Индулен, Э. А. Иостсон, Г. Я. Клява. Кроме того О. П. Гринберг является членом главной редакции энциклопедии, а учеными секретарями правового подразделения работали: В. Э. Шульц (1963—1965); Р. В. Аписитис (1965—1967) и А. Г. Фогелс (с 1967).

Научные конференции и совещания

В научной жизни республики большую роль играют научные конференции, организованные с участием ученых юристов университета.⁶

Среди них, во первых, выделяются регулярные ежегодные научно-методические конференции, последняя из которых — XXVII состоялась в мае 1967 года. Эти конференции служат формой отчетности о проведенной преподавательским составом научно-исследовательской работе.

Научно-методические конференции приобретают все

⁶ Ввиду трудностей, связанных с большим объемом материалов, в данной информации ограничиваемся только периодом 1959—1967 годов.

более массовый характер; если на XIX конференции в 1959 году в секции юридических наук было прочитано 3 доклада, то на XXVII — 20 докладов и сообщений. Тематика докладов исключительно обширна: обсуждались проблемы как общетеоретических так и отраслевых юридических наук.

Среди других рассматривался вопрос о значении юридического образования в нашем обществе. При обсуждении доклада О. П. Гринберга о подготовке юридических кадров в республике был сделан вывод о необходимости расширения юридического образования, т. к. последнее играет важную роль в укреплении социалистического правосознания граждан (1959). О. П. Гринберг выступил с докладами по проблемам международного права и политики. Наибольший интерес из них представляет «Принципы мирного сосуществования в современном международном праве» (1958) и доклад, прочитанный на пленарном заседании научной конференции ЛГУ, на тему «Актуальные вопросы международного права (в связи с документами, принятыми на Московском совещании коммунистических и рабочих партий» (1961), в котором был дан анализ развития международно-правовых отношений между социалистическими государствами.

Ряд докладов по теории государства и права был прочитан Г. Я. Клявой: «Некоторые общие вопросы соотношения права и правовой нормы» (1961), «Право в свете современной буржуазной микросоциологии» (1964), а также «Право и кибернетика» (1965) — об использовании методов кибернетики при решении правовых проблем. Основные положения последнего доклада следующие: основой применения кибернетических методов в праве является логичность законодательства и актов его применения, наличие управляющих процессов в правотворческой и правоприменительной деятельности. Правовая норма — это некая модель поведения человека в обществе. Она является источником информации о должном и возможном поведении. Правовая норма имеет свою внутреннюю логическую структуру, выражающую взаимосвязь ее элементов. Система права, состоящая из всей совокупно-

сти правовых норм, представляет собой с точки зрения кибернетики определенную кибернетическую схему с большим числом «входов и выходов», каковыми являются нормы права. Правовая система связана с общественными отношениями, подвергается их воздействию и сама оказывает влияние. Она таким образом является подвижной кибернетической схемой в изменчивой среде. Функционирование этой системы зависит от способности перехода информации от общества к праву и обратно, что предполагает наличие прямой и обратной связи между обществом и правом. Именно в области информации наиболее широкое применение получает кибернетическая техника.

О результатах своих исследований возникновения государственности на территории Латвии прочитал доклад В. Я. Калнынь (1964). В докладе «Право на территории Лифляндии (Видземе) в период шведского колониального господства» (1966) им сделан вывод, что Швеция управляла Лифляндией как заморской колонией и в период шведского господства было сохранено бесправное и мракобесное положение крепостного крестьянства. С усилением хозяйственной эксплуатации крепостной строй приобрел более жестокий юридический характер. Концепция латышской буржуазной историографии о «добрых шведских временах» является необоснованной. К этой же серии относится и доклад «Местное право Прибалтики в составе Российской империи и Октябрьская революция» (1967).

Вопросам становления и развития советской государственности в Латвии были посвящены доклады В. О. Миллера: «Образование Латвийской ССР в 1940 г.» (1960), «Фальсификация истории становления Латвийской советской государственности в историко-правовой литературе ФРГ» (1966), в которых обоснована закономерность социалистической революции в Латвии в 1940 году, на основе богатого фактического материала отражено единодушное стремление латышских трудящихся к установлению власти Советов и вступлению республики в Советский Союз, разоблачены извращения истории Латвии в юридической

и исторической литературе США и ФРГ, которые в конечной цели способствовали дальнейшему развитию холодной войны. Г. Я. Клява выступил с докладом «Разоблачение реакционных измышлений латышских буржуазных эмигрантов по вопросам развития советской государственности в Латвии» (1966).

Л. К. Бирзиня прочитала доклады о развитии местных советов в республике: «Строительство местных советов Латвийской ССР за 20 лет» (1960), «Местные советы и массовые общественные организации самодеятельности трудящихся» (1964), а Э. А. Иостсон — по проблемам советского административного права: «Развитие компетенции административных комиссий исполнительных комитетов местных Советов Латвийской ССР» (1960), «Общий надзор прокуратуры за соблюдением законов об охране колхозной собственности в современный период» (1961), «Дальнейшее ограничение применения штрафов, налагаемых в административном порядке, в период развернутого строительства коммунизма» (1962), «Некоторые вопросы административной ответственности» (1967).

В докладах о кодификации гражданского законодательства, прочитанных А. Я. Паварс — «Новейшее в составлении проекта Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик» (1961), «О системе Гражданского кодекса Латвийской ССР» (1964), «Достижения гражданского законодательства в Латвийской ССР» (1965) — Гражданский кодекс Латвийской ССР был охарактеризован как свод норм, в котором подытожено все достигнутое как советской юридической наукой, так и судебной и арбитражной практикой в области развития гражданско-правовых институтов, в котором выражено надлежащее сочетание интересов гражданина с интересами всего общества, находящегося в движении к коммунизму.

Вопросам земельного и колхозного права были посвящены доклады Я. Я. Страутманис: «Правовые вопросы землепользования колхозных дворов в связи со строительством колхозных поселков» (1961), «Развитие земельного и колхозного права в Латвийской ССР» (1965).

М. И. Блум является автором докладов по истории уголовного права — «Развитие уголовного права в Советской Латвии в 1917—19 г. г.» (1960) и «Развитие уголовного права в Латвийской ССР (1940—1965)» (1965), а также по проблемам уголовного права — «Ответственность за укрывательство и недонесение по уголовному кодексу Латвийской ССР» (1961), по вопросам действия советского уголовного закона во времени (1962, 1967), «Понятие оконченного преступления по делам о хищении социалистического имущества» (1964) и «Понятие длящегося и продолжаемого преступления» (1966).

По вопросам применения и совершенствования республиканского уголовно-процессуального законодательства выступал А. А. Лиеде: «Участники уголовного процесса по Уголовно-процессуальному кодексу Латвийской ССР» (1961), «Вопросы применения института общественной поруки» (1962), «Развитие уголовно-процессуального права в Латвийской ССР (1940—1965)» (1965), «Регламентация возбуждения уголовного дела в УПК Латвийской ССР» (1965) и «Подследственный арест» (1967).

Интересные доклады были прочитаны по материалам конкретно-социологических исследований, проведенных с целью изучения причин преступности несовершеннолетних. Э. Я. Стумбина констатировала, что материалы конкретных исследований подтверждают выводы советских ученых, как А. А. Герцензона и др., что непосредственными причинами преступлений и правонарушений несовершеннолетних являются недостатки воспитания детей в семье, в школе, на предприятиях, а также некоторая специфика психического развития подростков (1964), Л. А. Ключинская выступила с предложением изучения социальной эффективности уголовного наказания несовершеннолетних правонарушителей, что в дальнейшем должно способствовать совершенствованию всей системы мер воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних правонарушителей и предупреждению правонарушений подростков (1966, 1967). С. К. Граужинис изучал действенность политико-воспитательной работы в ис-

правительно-трудовых учреждениях, направленной на подготовку заключенных к трудовой жизни (1966), вопрос о роли наблюдательных комиссий в работе исправительно-трудовых учреждений (1967).

Кроме того на научно-методических конференциях с докладами выступили Р. В. Апситис, Л. А. Бергере, Я. Р. Вебер, Г. П. Галилеев, О. Я. Зонне, И. Г. Индулен, В. Р. Дубуре, И. Р. Крастынь, Э. А. Мелькисис, Г. Г. Мемберг, А. А. Плотник, В. Р. Раевский, А. А. Рейгас, Я. А. Розенберг, К. Э. Торган, Б. К. Шкапаре и В. Э. Шульц.

Вторую группу образуют конференции, посвященные юбилейным датам, сосредотачивающие силы ученых юристов на комплексное исследование проблем. К ней принадлежит проходившая 28 и 29 мая 1964 года в ЛГУ научная конференция на тему «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Конференция была организована в связи с исполнением 26 июля 1965 года 100 лет со дня рождения П. И. Стучки — верного соратника В. И. Ленина, видного деятеля международного коммунистического движения, выдающегося ученого-юриста, юбилей которого широко отмечался в стране. В работе конференции приняли участие работники органов суда и прокуратуры, адвокатуры и госарбитража, юрисконсульты, сотрудники научных учреждений, старые коммунисты и гости из других республик: проф., докт. юрид. наук Н. Д. Казанцев (Московский государственный университет), проф. А. Д. Кейлин (Институт Международных отношений), докт. юрид. наук Б. И. Левин (АН Эстонской ССР), член-корреспондент АН Литовской ССР Иозас Булаवास и др.

Конференцию открыл ректор ЛГУ профессор, доктор философских наук В. А. Штейнберг, после чего на пленарных заседаниях и в трех секциях были заслушаны доклады и научные сообщения О. П. Гринберга, Э. М. Удриса, Я. Ф. Миколенко, Н. Д. Казанцева, Г. Я. Клява, В. О. Миллера, Л. К. Бирзини, Г. П. Галилеева, Э. А. Мелькисис, П. П. Кокис, А. А. Плотника, В. Я. Калныня, Я. Я. Страутманис, А. Я. Па-

варс, Я. Р. Вебера, М. И. Блум, А. А. Лиеде, Э. Я. Стумбины и Л. А. Ключинской.

В представленных докладах и сообщениях, а также выступлениях участников конференции было убедительно показано, какую выдающуюся роль сыграл П. И. Стучка в разработке и развитии советской правовой науки. В настоящее время, когда в центре общественных наук, в том числе и юридических, стоит проблема наиболее полного и всестороннего раскрытия ленинского этапа в развитии марксистской теории, положительное наследие П. И. Стучки может послужить серьезным подспорьем в решении этой проблемы.

Конференция нашла, что несмотря на наличие отдельных неверных положений в работах П. И. Стучки, относящихся преимущественно к оценке тех или иных конкретных общественно-политических вопросов и фактов, методология изучения правовых явлений, революционная, партийная направленность его теоретических поисков, непримиримость к буржуазным концепциям, глубокая преданность марксизму-ленинизму и делу коммунистической партии могут оказать большую услугу нашим юристам в разработке проблем, поставленных перед юридической наукой нашей партией. Поэтому изучение теоретического наследия П. И. Стучки в области государства и права, которое лишь начато в последнее время, должно быть продолжено в более широких масштабах и при том в тесной связи с разработкой актуальных проблем коммунистического строительства.

Преподаватели университета участвовали в работе других юбилейных конференций. Кафедра государственно-правовых наук приняла участие в подготовке научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В. И. Ленина, на которой Г. Я. Клява прочитал доклад на тему «Рабочий класс и партия в системе диктатуры пролетариата в период построения коммунизма» (1960). Г. Я. Клява и В. О. Миллер выступили с докладами на научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения П. И. Стучки, которая была организована Институтом истории партии при

ЦК Компартии Латвии, АН Латвийской ССР и ЛГУ им. П. Стучки.

В сентябре 1967 года на научной конференции, посвященной 50-летию Октябрьской революции, юридическая наука была представлена докладами: О. П. Гринберга «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие современного международного права»; Г. Я. Клява «Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие социалистической демократии» и А. Я. Паварс «Достижения советского гражданского права за сорок лет».

Третью группу образуют научно-практические конференции, в работе которых наряду с учеными активное участие принимают практические работники, которые не только способствуют укреплению связи между юридической наукой и практикой, но также способствуют теоретическому обобщению практики и внедрению в жизнь результатов исследовательской работы.

Важную роль в подготовке работы по созданию республиканских кодексов в Прибалтийских республиках сыграли межреспубликанские научные конференции по вопросам кодификации законодательства, которые состоялись в Тарту (1958), в Риге (1959), в Вильнюсе (1963). На рижской конференции 27—29 мая с докладом «О научных основах кодификации законодательства союзных республик» выступил член-корреспондент АН СССР П. С. Ромашкин, об основных вопросах кодификации законодательства в отдельных республиках доложили министры юстиции республик. Преподаватели университета принимали участие в работе секций и консультативных групп.

В марте 1960 года экономико-юридическим факультетом ЛГУ с участием практических работников суда и прокуратуры была организована конференция по вопросу «О повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития».

Ряд совещаний состоялось в 1961 году в связи с принятием республиканских Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов: в феврале совместное научное совещание экономико-юридического факуль-

тата ЛГУ, Верховного Суда ЛССР, Прокуратуры ЛССР и МВД ЛССР (докладчики: М. И. Блум и А. А. Лиеде); в марте совместное научное совещание факультета и сектора права Института экономики ЛССР в гор. Даугавпилсе (докладчики: М. И. Блум и Э. А. Иостсон); в декабре — конференция в гор. Цесис.

Юристами университета в 1962 году была организована научная конференция на тему «Советы и развитие демократических принципов государственного управления» в гор. Валмиере, а в 1963 году — научно-практическая конференция по проблемам применения законодательства об ответственности за посягательство на социалистическую собственность.

В мае 1965 года по инициативе кафедры гражданского права и процесса происходила научно-практическая конференция, посвященная новым Гражданскому и Гражданско-процессуальному кодексам Латвийской ССР. На конференции доклады прочитали А. Я. Паварс и Я. Я. Страутманис, а также руководящие работники Верховного Суда Латвийской ССР, прокуратуры и коллегии адвокатов. Материалы конференции были использованы для совершенствования судебной практики и действующего законодательства. В том же месяце в гор. Цесис состоялась научно-практическая конференция на тему «Научные основы организации работы в специальном воспитательном учреждении для несовершеннолетних правонарушителей и предупреждение рецидива», в организации которой принимали участие кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики и сектор права.

Ученые юристы нашей республики также принимали активное участие в научных конференциях, организованных в городах Москве, Ленинграде, Киеве, Вильнюсе, Таллине, Львове, Тарту и в других научных центрах страны.

Высшее юридическое образование в республике сосредоточено на юридически-философском факультете Латвийского государственного университета им.

П. Стучки. Факультет готовит юридические кадры высшей квалификации для судебных, прокурорских и следственных органов, для нотариата, адвокатуры, юрисконсультаций промышленных и торговых предприятий и профессиональных союзов, для местных органов власти и государственного управления, а также для научной, общественно-политической и педагогической деятельности.

При подготовке юридических кадров в университете применяются все три формы обучения: дневное, вечернее и заочное. Продолжительность обучения в настоящее время установлена 5 лет на дневном и 6 лет на вечернем и заочном отделениях. Количество изучаемых предметов и последовательность обучения определяются учебными планами, установленными Министерством высшего и среднего специального образования СССР: 36 обязательных дисциплин, в том числе, помимо истории КПСС, философии, политической экономии, основ научного коммунизма, все основные отрасли юридических наук. Необходимо также усвоить ряд дисциплин в порядке специализации. Кафедры рекомендуют факультативные дисциплины, которые студенты усваивают по желанию. Во время учебы студенты должны пройти практику в советском аппарате, суде и прокуратуре, всего 21 неделю.

На факультете работают четыре научно-исследовательские студенческие кружки: по советскому государственному и административному праву (научный руководитель Э. А. Иостсон); по международному праву (научный руководитель О. П. Гринберг); по гражданскому праву (научный руководитель А. Я. Парварс) и по уголовному праву, процессу и криминалистике (научный руководитель М. И. Блум). Студенты-члены кружков под руководством преподавателей выполняют небольшие самостоятельные научные исследования и усваивают методы научной работы, принимают участие с докладами на студенческих конференциях в Латвийском государственном университете и в других университетах страны. Первые навыки научной работы новое, послевоенное поколение ученых юристов Латвии получило в научно-исследовательских

кружках. На первом Всесоюзном конкурсе студенческих научных работ (1967), посвященном 50 летию Октябрьской революции, студентка Зигрида Вилсон получила звание лауреата; она свое исследование «Ташкентская декларация» разработала на кафедре государственно-правовых наук под руководством О. П. Гринберга.

Интерес к юридическому образованию в республике все возрастает и во время приемных экзаменов на факультете рефлектантам, как правило, приходится выдерживать большой конкурс. В последние годы наблюдается неуклонный рост общего числа обучающихся на факультете. Если в 1960 году на факультете училось 494 студентов, то последующие годы характеризуются данными: 526 (1961); 565 (1962); 568 (1963); 620 (1964); 642 (1965); 728 (1966); 821 (1967). Самое большое количество обучающихся на дневном отделении — 402 было в 1949 году; на заочном отделении — 590 в 1954 году. На 1 января 1968 года распределение студентов по отделениям следующее: на дневном отделении — 201; на вечернем отделении — 274; на заочном отделении — 389.

В Латвийском государственном университете им. П. Стучки диплом юриста высшей квалификации с 1945 по 1967 г. г. получили 1325 лица.

Количество выпускников по отдельным годам распределяется:

1945	6
1946	35
1947	13
1948	2
1949	13
1950	56
1951	48
1952	64
1953	69
1954	103
1955	115
1956	136
1957	105

1958	36
1959	77
1960	75
1961	61
1962	45
1963	44
1964	43
1965	53
1966	57
1967	69

Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» от 14 августа 1967 года поставило перед советской правовой наукой новые важные задачи, в осуществление которых активно включились ученые юристы юридически-философского факультета и сектора права ЛГУ. Нашему коллективу следует достичь еще больших научных успехов, усилить борьбу с враждебными Советской Латвии и марксизму-ленинизму концепциями, проповедуемыми в империалистических странах латышскими и другими фашистскими эмигрантами, следует также много трудиться, чтобы лучше поставить учебный процесс, создав библиотеку факультета, методические кабинеты и проблемные лаборатории правоведения, а также усилить подготовку молодых ученых юристов через аспирантуру.

В 1969 году Латвийский государственный университет отмечает 50 летие своего существования. Чтобы достойно встретить этот юбилей, ученые юристы университета должны проделать большую работу по мобилизации, консолидации сил для активизации и углубления теоретической работы в намеченных Коммунистической партией направлениях.

Э. А. Мелькисис. Создание первых организационно-правовых форм социалистического контроля в Латвии (1917—1919 г. г.)	5
А. А. Плотниек. Развитие общей теории права в период Великой Октябрьской социалистической революции	21
Г. П. Галилеев. У истоков ленинских принципов социалистической законности	125

Приложение.

С. К. Граужинис, А. А. Плотниек. Основные направления развития юридической науки и высшего юридического образования в Латвийском государственном университете им. П. Стучки	144
---	-----

M. m. - 80
x

44 / 2972

54 kop.

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0508057430